

(3(5)
1192

Р. Ф. Итс

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОГРАФИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
~~ИЗДАТЕЛЬСТВО~~
УНИВЕРСИТЕТА

63(5)
092

~~ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ~~

Р. Ф. ИТС

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОГРАФИЮ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

«Допущено Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов гуманитарных специальностей высших учебных заведений»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УНИВЕРСИТЕТА
1991

~~ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ~~
Gailiston Davlat universiteti
Axborot resurs markazi
1991

ББК 63(5)
И92

Рецензенты: д-р ист. наук А. В. Гадло (Ленигр. ун-т); д-р ист. наук Г. Е. Марков (Моск. ун-т)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

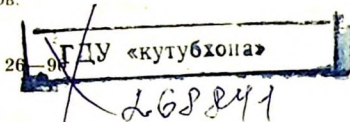
Итс Р. Ф.

И92 Введение в этнографию: Учебное пособие.— Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991.— 168 с.
ISBN 5-288-00440-4

Второе издание учебного пособия (1-е изд. вышло в 1974 г.) значительно дополнено материалами о методике этногенетических исследований, этнографических источниках, о связи этнографии с другими общественными и естественными науками, о новых течениях и направлениях в современной этнографии, включая этноэкологию.

Учебное пособие рассчитано на студентов гуманитарных факультетов.

И 0505000000—017
076(02)—91

ББК 63(5)

Учебное издание

Итс Рудольф Фердинандович

Введение в этнографию

Редактор М. Л. Милютина
Художественный редактор С. В. Алексеев
Обложка художника Ю. Н. Васильева
Технический редактор А. В. Борщева
Корректоры М. В. Унковская, А. Д. Куцева

ИБ № 3260

Сдано в набор 24.05.90. Подписано в печать 24.12.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,69. Уч.-изд. л. 11,06. Тираж 13286 экз. Заказ 1990. Цена 1 р. 70 к.
Издательство ЛГУ. 199034. Ленинград. Университетская наб. 7/9.

Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 185630 г. Петрозаводск. ул. «Правды», д. 4.

© Р. Ф. Итс, 1991

ISBN 5-288-00440-4

ВВЕДЕНИЕ

Определение места этнографии в системе общественных наук, знакомство с ее учреждениями и изданиями в глобальном масштабе, с ее терминологией, классификацией и систематизацией многообразного и многоликого этнического состава мира — главное содержание настоящего учебного пособия, имеющего цель первичного знакомства с этой специфической отраслью знаний. В нем значительное место отводится характеристике этнической истории мира, методике, этногенетическим исследованиям, современным этническим процессам, играющим в ряде крупнейших регионов Земли важную политическую роль. Дается обобщенное представление о методологии этнографической науки, об основных школах и направлениях в буржуазной этнографии, о теоретических основах советской этнографической школы.

В основу предлагаемого учебного пособия положен курс лекций, читаемых на кафедре этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского университета для студентов, специализирующихся как по этнографии, так и по антропологии. Побудительной причиной к изданию такого курса явился широкий интерес к этнографии, проявленный студентами университетов и педагогических институтов страны, выражающийся в проведении всесоюзных студенческих этнографических конференций. В решении конференции вузовских этнографов страны, прошедшей в октябре 1988 г. в Ленинградском университете было записано поже-

ление о новом издании данного учебного пособия, которое могло бы оказать незаменимую помощь в ориентации студента в сложных проблемах этнографии — науки, изучающей народы мира, их культурное своеобразие, их вклад в мировую цивилизацию.

Автор надеется, что «Введение в этнографию» хотя бы в какой-то степени отвечает этим высоким требованиям, а также считает своим долгом принести благодарность коллективу кафедры этнографии и антропологии Ленинградского университета, сотрудникам кафедры этнографии Московского университета им. М. В. Ломоносова и кафедры этнографии Омского университета, коллегам — сотрудникам Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, которые постоянной поддержкой, добрыми советами, практической помощью способствовали написанию нового варианта пособия*.

* В данном учебном пособии употребляются прежние названия ГДР и ФРГ.

Глава I

ЭТНОГРАФИЯ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАУКИ

Традиционно считается, что присутствие в терминах, обозначающих научную дисциплину, греческого γράφω (пишу) определяет ее как описательную науку, отличную от тех наук, которые обозначены через греческое λόγος (понятие, учение), и поэтому являющихся теоретическими. Вместе с тем такое представление, справедливое для поры становления наук как самостоятельных отраслей знаний, когда собирался эмпирический материал и осмысление его несколько отодвигалось во времени, не соответствует современному уровню наук, имеющих в своем наименовании «графо» или «логос».

Предлагаемое некоторыми советскими исследователями изменение названия «этнография» на «этнология» либо выделение на основе теоретических аспектов этнографии той же «этнологии» не оправдано и не способствует терминологической ясности, так как под термином «этнография» давно уже понимается не столько «народо (этнос)-описание (графо)», сколько «народоведение», что практически является русским переводом термина «этнология».

Следует, однако, отметить, что начиная с 1973 г. даже в названии международных конгрессов слово «этнографический» было заменено на слово «этнологический». Но суть осталась той же.

Этнография как самостоятельная отрасль знаний возникла почти полтора века тому назад. С течением времени, если учесть, что этнографические материалы накапливались практически на протяжении всей письменной истории человечества, происходили некоторые, а иногда и существенные изменения определения самой этнографической науки. Подобное положение не может восприниматься как следствие неопределенности задач, методов и объектов этнографии, а является всего лишь отражением постоянно и прогрессивно меняющегося уровня этнографических

(этногенез), расселение (этнография) и культурно-исторические взаимоотношения народов»⁷.

Казалось бы, все ясно, но в учебном пособии «Этнография» под редакцией Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова об этнографии говорится, что она представляет собой науку, объектом изучения которой являются народы мира. Здесь вновь отсутствует как содержательная, так и целевая установка.

Учитывая сказанное, можно дать следующее определение этнографии как науки: *этнография — историческая наука о происхождении и этнической истории народов, формировании специфических особенностей их культуры и быта — составных частей мировой цивилизации.*

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

В толковании этнографии как науки, предлагаемом Ю. В. Бромлеем и С. А. Токаревым, основным объектом этнографического исследования являются этносы, что нередко воспринимается как синоним понятия «народ». Древнегреческий термин «этнос» (ἔθνος) этимологически означал «народ», «племя», «стая», «толпа», «группа людей» и т. п. Любопытно отметить, что, как показал Ю. К. Поплинский, сами древние греки, различая или отличая самих себя, т. е. греков от негреков, именно последних именовали этносами. В таком понимании отражались реальные культурно-бытовые отличия негреков, т. е. для греков различных этносов, от самих греков. Эквивалентом термина «этнос» в русском языке обычно считался термин «народ», что имело свое основание хотя бы в таком различительном словосочетании, как инородцы или инородческие народы, употреблявшемся для отграничения русских от других народов России. В настоящее время, когда термин «этнос» давно вышел из обыденного употребления и стал лишь научным термином, а понятие «народ» получило в дополнение к первичному толкованию определенный социально-политический смысл, прямого совпадения между этими понятиями нет. Современное определение этноса как группы людей, связанных единством своего происхождения и общностью культуры, включая язык, является практически общепризнанным и в значительной мере восходит к определению, данному еще в 1923 г. С. М. Широкоговым: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп»⁸.

Интерес к объекту этнографии — этносу, вспыхнувший в советской науке в конце 60-х годов, вызвал острую дискус-

⁷ Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 1574.

⁸ Широкогов С. М. Этнос. Шанхай. 1923. С. 13.

сию, продолжающуюся до сих пор, относительно сущности этого явления и соответственно сущности этногенеза и его этапов. С одной стороны (данной точки зрения придерживаются представители этнографической школы), предлагается рассматривать этнос как определенную социально-историческую систему, с другой (Л. Н. Гумилев) — как форму существования *Homo sapiens*, т. е. природное явление. С пониманием сущности этноса связаны представления оппонентов об этногенезе и влиянии на него ландшафта, этнических контактах и т. д. Не останавливаясь подробно на всех нюансах дискуссии, важно отметить позитивное значение экологических аспектов теории Л. Н. Гумилева, его природоведческое кредо. Вместе с тем признание за этносом социально-исторической сущности позволяет строить перспективу его развития, когда этнос меняет свою структуру — от низшего порядка к высшему.

Исходя из характеристики этноса — основного объекта этнографии, правомерным стало употребление прилагательного «этнический», «этническое», сопряженного с конституированной в этнос группой людей, имеющей специфическую культуру. Отсюда частое употребление в качестве синонима этноса понятия «этническая общность», а как части прежнего этноса или этнической общности — «этнографическая группа», которая наряду с этносом является объектом этнографического исследования. Прилагательное «этнический» в настоящее время широко применяется для определения ответвлений разных научных дисциплин, изучающих специфические образования или определяемые этносом явления (например, этническая антропология, этническая статистика и картография, этническая история, этническая география, этническая лингвистика, этническая экология и т. д.).

Этнография является исторической наукой, что означает изучение ею этносов в их историческом развитии на всем временном протяжении истории человечества и во всем их глобальном многообразии как в прошлом, так и в настоящем. Таким образом, этнография шире традиционной истории, рассматривающей лишь историю письменных народов, так как основным источником традиционной исторической науки является письменный документ, памятник. Этнография охватывает весь дописьменный период истории человечества и все бесписьменные народы — этносы. Как и для истории, для этнографии (речь идет, естественно, о марксистской этнографии) методологической основой является марксистско-ленинское, материалистическое понимание истории и исторических явлений, обусловленных как производством, так и рожденными в процессе его производственными отношениями. Правильный методологический подход определил успех советских этнографов в решении самых сложных и в то же время и самых перспективных проблем этнографии в первую очередь в области происхождения наро-

дов, их этнической истории и современных этнических процессов в мире.

Под влиянием марксистско-ленинского материалистического понимания истории находятся сегодня некоторые этнографы стран капитализма, развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки, хотя в методологии зарубежной этнографии отчасти сохраняют свою позицию различные идеалистические концепции эволюционистского, функционального и психорасистского направлений.

В зарубежной этнографии в большей степени сохраняется деление этнографии на описательную (собственно этнографию) и теоретическую (этнологию), так же как на этнографию, изучающую собственный этнос, так и этнографию, исследующую другие народы — этносы. Последнее достаточно четко прослеживается в немецко-язычных странах, где под термином «Volkskunde» понимается изучение собственного народа, а под термином «Völkerkunde» изучение зарубежных, главным образом бывших колониальных народов.

Для стран Западной Европы и Америки (Англия, Франция, США, Канада и др.) характерно включение этнографии в общую систему науки о человеке — антропологию, которая определяется как состоящая из предистории, физической антропологии, социальной антропологии, этнологии, фольклора, лингвистики и археологии. Здесь обычному понятию «этнография» соответствуют две дисциплины — этнология и социальная антропология.

ОБЩЕНАУЧНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ

Этнография как самостоятельная научная дисциплина возникла на базе географической науки в России и ряде других стран или как наука о человеке (как, например, в Англии). Вместе с тем ее данные задолго до выделения этнографии в середине XIX в. в особую отрасль знаний использовались при исторических исследованиях. Такое положение давало повод рассматривать этнографию как своего рода вспомогательную дисциплину, относящуюся то ли к географии или биологии, то ли к истории. К сожалению, подобные взгляды не изжиты и по сей день, однако если прежде они могли быть объяснены еще общей недифференцированностью наук, то сегодня — это результат научного невежества или неосведомленности.

Для определения общенаучного и социального значения этнографии рассмотрим те проблемы, которые она способна решать и решает, пользуясь только ей присущими методами исследования.

Как уже отмечалось, этнография — историческая наука, а

объект ее исследования — этнос, возникший еще на заре человеческой истории. Если оставить за пределами исторического исследования эпоху первобытного стада и начинать его с первобытнообщинного (или родового, или доклассового) периода в истории, т. е. с того периода, когда мы можем более или менее объективно различать и отличать этносы, то окажется, что этнография значительно полнее во временном и пространственном отношении, чем история, способна дать картину этнических и социальных изменений, пережитых человечеством. Воссоздать историческое прошлое народов Земли — долг и обязанность современной науки. В этом кропотливом труде историку помогает письменный источник, а как восстановить бесписьменную историю, или прошлое бесписьменных народов?

Большинство народов не имело письменности, и поэтому их невозможно изучать традиционными методами истории, как нельзя изучать теми же методами самый большой период, пройденный человечеством, — эпоху бесписьменного доклассового общества. Традиционная историческая наука, к сожалению, и сегодня вольно или невольно отгораживается от этих народов и этой эпохи. В такой позиции как бы возрождается характерное для недалекого прошлого деление народов на «исторические» и «неисторические». К последним, как правило, относились все народы, не имеющие письменности, а в пору расцвета колониальных империй — и все народы — носители отличной от европейской культуры.

Вместе с тем история народа сохраняется не только в письменных данных, но и в его традициях и обычаях, его представлениях об окружающем мире и верованиях, орудиях труда, пище, одежде и жилище, в памятниках древности, которые встречаются на могильных полях и местах древних поселений, в легендах и эпических сказаниях, т. е. во всем комплексе культуры, созданном данным этносом и отличающем его от других. Только этнографическими методами можно по этим следам восстановить путь, пройденный народами. Очевидно, что в прожитом человечеством миллионолетье, где эпоха классового общества, возникшая всего каких-то 7 тыс. лет назад, — ничтожно малая величина, без истории не было и не могло быть ни эпохи, ни этносов. Следовательно, этнографии в создании подлинной всемирной истории отводится отнюдь не вспомогательная, а особая роль, что очень важно при изучении самой длительной прожитой человечеством эпохи — эпохи доклассового общества, чья этническая и социальная история стала предметом научной дискуссии в современном ученом мире.

Классики марксизма-ленинизма, опираясь на данные этнографии и смежных с нею наук, придавали особое значение этой эпохе, так как ее научное описание свидетельствовало о преходящем характере классово-антагонистического государства, частной собственности и моногамной семьи, объявлявшихся

явлениями, извечно присущими человечеству. Современная этнография дает все новые и новые доказательства тому, что ни антагонистические классы, ни частная собственность, ни моногамная семья как социально-экономическая ячейка, противостоящая обществу, не являются спутниками человечества во всей его истории, и, следовательно, бесклассовое коммунистическое общество не только может быть создано, но и будет создано как результат неизбежного исторического процесса.

Таким образом, этнографии следует придавать в общей системе исторических наук вполне самостоятельное мировоззренческое (методологическое) значение, не ограничивая при этом ее общенаучную роль.

Изучая этносы во всей совокупности, подчеркивая связь этнической истории с социальной, рассматривая изменения во всех сферах культуры, этнография может давать и дает существенный материал для характеристики национально-культурной специфики при исторических, археологических, экономико-географических и других исследованиях отдельных народов или стран. В данном случае представители иных наук пользуются этнографическими материалами как дополнительными данными, помогающими раскрывать те или иные историко-археологические, экономико-географические либо другие положения. Таким образом, этнография может выступать в своем традиционном значении вспомогательно-исторической дисциплины, хотя подобное положение для нее не исключительно, так как любая из перечисленных наук может в пору активизации совместных исследований играть ту же роль в отношении к другой науке.

Наконец, этнографии свойственно вторгаться в самую гущу современных политических проблем на разных континентах Земли, особенно в чрезвычайно острую по своим коллизиям и последствиям проблему межнациональных, этнических взаимоотношений. Знание этнографами объективной этнической истории, закономерностей культурной интеграции и ассимиляции, аспектов соответствия этнических территорий государственным границам вооружают прогрессивные силы всего мира в борьбе против расизма, шовинизма и национализма. Отечественные этнографы с первых дней существования советской власти принимали активное участие в осуществлении ленинской национальной политики. Несомненна политическая актуальность этнографических исследований в настоящее время в области изучения современных этнических процессов, преобразования культуры и быта.

Итак, этнография с точки зрения ее общенаучного и социального значения должна рассматриваться как 1) *мировоззренческая наука, способная решать самостоятельно важные методологические проблемы истории человечества и отдельных (прежде всего бесписьменных) народов*, 2) *вспомогательная*

дисциплина, дающая особый этнически специфический материал для других наук о человеке и его обществе и 3) политически актуальная отрасль знаний, вооружающая прогрессивные силы в борьбе против расизма, шовинизма и национализма.

То обстоятельство, что этнография первоначально воспринималась как описательная наука, фиксирующая культурно-бытовые и социальные отличия между народами и прежде всего отличия неевропейских народов от европейских, породило представление о ней как о науке, изучающей культурно отсталые народы. В таком представлении присутствовал пресловутый принцип европоцентризма, нередко превращающийся в расистскую концепцию особой цивилизующей роли белой европейской расы по отношению ко всем прочим народам и оправдывающий колониализм. Вместе с тем особое внимание, которое уделяет этнография отжившим или отживающим явлениям культурной и социальной жизни с целью ретроспективного анализа прошлой человеческой истории, воссоздания истории бесписьменных народов, объективно способствует сохранению взгляда на нее как на науку о пережитках и, следовательно, не имеющую будущего, в котором исчезнут пережитки и произойдет культурная нивелировка всех этносов. Ошибочность подобного взгляда очевидна по той причине, что и пережитки, и особый интерес к традиционной (чаще всего сельской) жизни высокоразвитых народов — лишь часть того общего для этнографии объекта исследования, которым является этнос. И в современном мире, и в обозримом будущем даже в условиях грандиозных социальных и научно-технических изменений на Земле сохранятся те особенности, которые отличают один этнос от другого, сохранятся сами этносы, осуществляя прогрессивную тенденцию к интеграции, а следовательно, сохранится, хотя и в измененном виде, потребность их изучения, т. е. сохранится необходимость этнографической науки.

ОСНОВНЫЕ СОСТАВНЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В этнографическом исследовании можно выделить следующие основные разделы: этногенез и этническая история, основные занятия и социальная организация, материальная и духовная культура. Особым разделом является изучение семьи и семейно-брачных отношений.

Этногенез и этническая история дают возможность решить вопрос о происхождении самого этноса, изменениях этнических общностей, проследить процессы и результаты межэтнических отношений. Основные занятия и социальная организация отвечают на вопрос о характере производства этноса и особенностях,

возникающих на его основе, производственных отношений и различных общественных структур. Материальная культура в своем традиционном воплощении — орудия труда, пища, поселения, жилища, одежда и украшения — отражает как этническо-специфическое, так и общее, связанное со сходными типами производства и условиями физико-географической среды. Сфера духовной культуры, выражающаяся в народных знаниях об окружающей природе и обществе, в обрядах и обычаях, народном творчестве и праздниках, в верованиях, дает ценнейший материал для выявления созданного конкретным этносом и отличного от других, а также для определения результатов исторических этнических контактов и взаимного обогащения культур. Исследования составных этнографии осуществляется на фоне определения и языковых особенностей каждого этноса, так как язык — это и средство общения объединенных в этнос людей, и существенная часть этнической культуры.

Указанные составные в большей своей части связаны с одним из видов производства, а именно с производством средств существования; проблемы семьи и семейных отношений в свою очередь определяют другой вид производства — производство себе подобных, т. е. самого человека. Очевидна неразрывная связь обоих видов производственной деятельности людей на всем протяжении всемирной истории; так же несомненно, что семья и семейно-брачные отношения, вытекающие из второго вида производства, не могут не зависеть от первого; в то же время несомненна и их относительная самостоятельность, проявляющаяся по-разному в различные периоды социальной истории. Вспомним в этой связи положение Ф. Энгельса о двух видах производства: «С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»⁹.

Нам известны различные типы семьи и связанных с ними семейно-брачных отношений. Если взять, к примеру, моногамную семью, то она просуществовала на протяжении по крайней мере трех формаций — рабовладельческой, феодальной и капиталистической, сохранив свое положение особой социально-экономической структуры общества. Этот пример подчеркивает важность изучения семьи и семейно-брачных отношений в общей проблематике этнографии.

По указанным выше основным составным этнографических исследований, *этнография, имеющая свои учреждения и издания, ведет изучение этнического многообразия мира, а также того, что стало потребностью времени — традиционного природопользования, т. е. этноэкологии.*

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 26.

ЭТНОЭКОЛОГИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

Несводимость современных экологических проблем к вопросам чисто технологическим и экономическим, важность их социально-культурных аспектов сегодня признаются достаточно широко. Роль социально-культурных решений в преодолении нынешних и, в еще большей степени, возможных в будущем экологических трудностей подтверждается уже не только общими соображениями, но и результатами просчетов на глобальных моделях. Сегодня ясно, что и для разработки их более реалистических версий, и для поисков стратегии борьбы с экологической угрозой науке предстоит широко использовать данные культурологии, антропологии и этнографии.

Если непосредственной причиной неблагоприятных экологических эффектов явились некоторые стороны современной научно-технической революции, то наиболее общая предпосылка экологического кризиса, его абстрактная возможность была заложена уже в далеком прошлом — в переходе от присваивающего хозяйства к производящему.

Пока человек более или менее пассивно потреблял продукты, предоставляемые природой, возможности природы как бы автоматически регулировали его деятельность, включая биологическое воспроизводство. Народы, находящиеся на стадии присваивающего хозяйства (в этнографической науке она получила название первого хозяйственно-культурного типа (ХКТ), экологи так и называют народами, «вписывающимися в природу». И действительно, их отношения с природой регулируются так же, как регулируются отношения природы с любым из ее элементов.

Но совершенно очевидно, что в этих условиях любой природный сдвиг, создающий основу для прогрессивного развития демографических процессов, а также последовательное совершенствование производительных сил вызывали перенапряжение экосферы. В результате первый ХКТ заменялся последующими — разными видами производящего ХКТ. Так совершился знаменитый переход, разделивший человеческие коллективы на зависящие (а значит, и «вписывающиеся» в природу) и как будто не зависящие от природы. Иллюзия человека — гиганта-созидателя, способного «покорить» силы природы, и лежит у истоков современных экологических трудностей.

В течение многих тысячелетий человечество росло, сводило леса, расширяло пастбища и пашни, а затем культивировало их на уровне, еще не кризисном для всей экосистемы. В конце концов объективный ход событий привел к созданию материалов, которые природа не могла создать и, значит, не может утилизировать. В последнем обстоятельстве в значительной степени заключена сущностная причина угрозы экологического кризиса.

Разумеется, пути решения экологической проблемы мы обязаны

искать на уровне современного развития, подразумевающего прогресс, а не возвращение к «пещерному веку». И пути эти лежат в основном в русле экономического развития. Но у экологической проблемы есть и другая сторона, связанная с живыми традициями природопользования на огромных земельных пространствах, а также и с опытом, в том числе и негативным, который накопило человечество.

Речь идет о том, что проблема нормального функционирования экосистемы теперь встает и в районах первого ХКТ. Вызвано это не столько активным проникновением в производственную и бытовую сферу самой индустрии (мы намеренно не рассматриваем зоны интенсивного промышленного строительства), сколько порожденной современным индустриальным развитием технологией природопользования. К примеру, речь идет о районах северо-востока СССР, населенных историческими представителями первого ХКТ — юкагирами, чукчами, коряками, эвенками и др. Та экологическая ниша, которая была освоена указанными народами, не имела иной перспективы, кроме усовершенствования самих орудий присваивающего производства.

Все перечисленные народы, как и значительное число пришлых этнических групп или соответствующих этносов того же ХКТ, были и в значительной мере остаются потребителями продуктов природной среды своей экологической ниши. Расселенные на чрезвычайно обширных пространствах, они долгое время не выделялись из природы; не нарушали «естественного равновесия» в ней (если не считать интенсивного развития охотничьего промысла пушного зверя — результата контактов с классовым обществом). Это было возможно потому, что вносимые ими в природу изменения были не многообразны по своему характеру и ничтожны по величине. Они вполне укладывались в пределы тех допустимых и постоянно наблюдающихся флуктуаций, которые колеблют систему, но не выводят ее из установившегося подвижного равновесия, не вызывают необратимых изменений. Можно даже сказать, что в данном случае экосистема работает по замкнутому кругу, соблюдая известные законы экологии¹⁰.

Это ни в коей мере не означает, что именно существование на уровне первого ХКТ — оптимальное решение для преодоления экологического кризиса. Такая постановка вопроса (а она встречается в современной литературе) отрицает значение про-

¹⁰ Правда, указанные народы, за исключением юкагиров, в той или иной степени освоили оленеводство — несомненный элемент второго ХКТ, но оленеводство возникло в строго ограниченных пределах кормовых запасов данной экологической ниши и поэтому имеет пределы своего развития. Невозможность искусственно создавать кормовую базу для домашнего оленя существенно отличает оленеводство от других видов скотоводства. Иными словами, об оленеводческих народах мы тоже можем говорить как о «вписывающихся в природу».

гресса в развитии человечества. На уровне первого ХКТ современное человечество жить уже не может, даже если захотело бы. За свою историю оно слишком сильно изменило природу: на огромных пространствах истреблены леса, распаханы степи, созданы искусственные водоемы, перегорожены реки, уничтожены стада бизонов, зубров, диких оленей и т. д. Во вред или на пользу человечеству случилось все это? Сегодня, на наш взгляд, разумен только один ответ: нужно заботиться не о предотвращении всякого нарушения «естественного равновесия», а о правильной оценке допустимого вмешательства.

Рассматриваемые нами народы с их системой традиционного природопользования еще сегодня могут быть определены как живущие в условиях «естественного равновесия». Это позволяет нам как бы присутствовать при невиданном социальном «эксперименте» — соприкосновении или, точнее, вторжении современной технологии в согласованные прежде элементы экосистемы.

В исследуемых районах нарушение «естественного равновесия» еще не приобрело необратимого характера, хотя масштабы социалистического промышленного строительства и вызвали необходимость обратиться к минеральным ресурсам Севера и Сибири. Вот почему указанный «эксперимент» может быть назван «чистым», а возможности его в поисках путей решения экологического кризиса (с учетом уже имеющегося негативного опыта) кажутся обнадеживающими. Здесь уместно привести слова Е. К. Федорова: «Для оценок пределов допустимого вмешательства в течение природных процессов также требуется умение рассчитывать и естественный ход природных явлений, и последствия любого воздействия, т. е. знать по крайней мере «не хуже природы»¹¹. У нас есть основания считать, что традиционное природопользование народов Севера — результат длительного приспособления к жизни в конкретной экологической нише и накопления знаний на уровне сформулированного Е. К. Федоровым требования «знать не хуже природы» — существенной и оптимистической редакции традиционного «закона» экологов — «природа знает лучше».

Итак, несомненна важность широкого изучения опыта природопользования народов как на традиционном этнографическом, так и на современном эколого-этнографическом уровне. Под последним мы понимаем прежде всего учет экологических последствий традиционных видов хозяйствования и внедрения новых элементов, весь комплекс этнической культуры и быта.

Когда речь идет о традиционном природопользовании, чаще всего само понятие традиционности рассматривают с точки зрения достижений этнографической науки, т. е. в свете данных, собранных этнографами или другими исследователями путем

Федоров Е. К. Послесловие // Б. Комонер. Замыкающийся круг. Л. 1974. С. 269.

2 Зак 1996

ГДУ «кутубхона»

268841

непосредственного наблюдения за последние три столетия. Однако традиционность исторична и иерархична. На опыте изучаемых народов представляется возможным выделить три уровня традиционности. *Уровень первый — традиционность естественная, наиболее согласованная с представлениями о «народе, вписывающемся в природу».* Этот уровень свойствен этносам первого ХКТ; к нему можно отнести современных юкагиров, а также, с некоторой долей приближения, кетов Енисея. Причем, вводя этот уровень, мы абстрагируемся от технологических инноваций, например на охоте, связанных с изменениями орудий и даже объекта охоты (замена мясной охоты пушной). *Уровень второй — традиционность естественная дополняется достижениями контактов культур, которые колеблют «естественное равновесие», но еще не разрушают его стабильности.* Первый и второй уровни могут сосуществовать внутри одного этноса — классический пример такого сосуществования дают «береговые» и «оленьные», или «кочевые» народы: чукчи и коряки. Ко второму уровню относятся целиком этносы эвенов, эскимосов и многие другие. Результатом контактов культур здесь явилось развитие оленеводства в пределах первого ХКТ. *Уровень третий — «традиционность современная», как отражение специфической черты этнической культуры народов, испытавших частичное нарушение «естественного развития» в пределах своей экологической ниши.* Именно этот уровень, наблюдаемый сегодня, чаще всего не выделяется и рассматривается как вариация второго уровня, тем более что он в основном встречается у тех же чукчей, коряков, алеутов или эскимосов. Именно у этих народов изменения, происшедшие в прибрежной океанской фауне, привели к фактической ликвидации «береговых» групп (там, где они обособлялись от основного этноса) и к переходу их на оленеводческий тип хозяйства или исключительно на рыболовство. Таким образом, масштабы оленеводства и рыболовства во внутренних водоемах по необходимости сохраняются и даже возрастают. Однако это возрастание не может быть долговременным и беспредельным, так как ресурсы экологической ниши имеют естественное ограничение, тем более в суровых природных условиях Севера. Памятуя об этом, мы должны быть особенно осторожны с такими даже незначительными по размерам вторжениями в природу, которые могут нарушить экосферу и создать экологический кризис для традиционного природопользования. Речь идет о продолжающемся применении ДДТ для борьбы с комарами и гнусом в тайге и тундре, о широком использовании наземного колесного и гусеничного транспорта, который разрушает ягельники (основной корм оленей) или просто размельчает поверхностный слой почвы в зоне вечной мерзлоты и ледниковых линз и тем самым ускоряет изменение береговой линии рек. Особо выделяется проблема, вызванная заменой растительных сетевых рыболовных материалов капроново-нейлоновыми,

не способными биологически разлагаться и чуждыми экосистеме. Эти и подобные им частные вторжения новой технологии в природу также способствовали переходу со второго уровня традиционного природопользования на третий. Значит, уже с позиций эколого-этнографических знаний мы обязаны восстановить или найти пути восстановления частично нарушенного естественного развития.

Неразумное вторжение новой технологии может привести к глубокому локальному экологическому кризису — нарушению экосферы — и серьезным последствиям для традиционного природопользования — существенного источника ресурсов, необходимых в конечном счете не только нынешнему коренному и пришлому населению, но и будущим строителям и эксплуатационникам новых очагов индустрии.

То обстоятельство, что традиционное природопользование народов Севера соответствует (прежде всего на его первом и втором уровнях) природному равновесию в данной экологической нише, подтверждается всем многообразием этнографических источников. Все указанные выше народы, как и другие народы Сибири, добывают дичи столько, сколько ее необходимо не только для собственного пропитания, но и для сохранения природных богатств; содержат такое поголовье оленей, какое могут прокормить ягельники, и проводят регулярную выборку стад; при необходимости на долгое время закрывают для рыбной ловли водоемы и переносят места рыбной ловли на другие, не освоенные прежде озера и реки. Указанные народы производили и производят такие действия, опираясь на многовековой опыт «естественных экологов». Учитывать данный опыт — задача важная и необходимая. Тем более что у нас уже есть исторический пример учета опыта коренного населения Севера пришлым — носителями самого развитого для своего времени хозяйственно-культурного типа.

Усвоение пришлым населением традиций природопользования, выработанных рассматриваемыми народами Севера, — еще один исторический «эксперимент», проведенный поколениями людей в освоении северной экосферы. На трех реках северо-востока СССР — Индигирке, Колыме и Анадыри — в пределах территорий, населенных юкагирами, эвенками и чукчами, в XVII—XVIII вв. осели потомки первых русских землепроходцев, которых и называют в этнографической литературе по рекам — индигирщиками, колымчане и анадырьщики — или по основанным ими поселкам — усть-рустинцы (Устье-русское на Индигирке), походчане (Походск на Колыме), марковцы (Марково на Анадыри). Исторически они были носителями северорусского варианта третьего (пашенного) ХКТ, сохранили культурно-бытовые традиции из прежних зон обитания и даже во многих хозяйствах держали лошадей, приспособившихся к условиям жизни в тундре и лесотундре. Но по своим занятиям они не отличались, да

и сегодня не отличаются от чукчей, эвенов или юкагиров. Точно так же, оказавшись в тундровых районах, якуты освоили оленеводство. Сказанное свидетельствует о рациональном приспособлении к окружающей среде уже при эмпирическом учете экологических законов. Но, конечно, в экологическом смысле выживание человечества вовсе не означает отказа от современной технологии. Скорее всего, оно требует того, чтобы технология основывалась на научных данных, учитывающих не только свойства природного мира, но и уже имеющийся позитивный опыт вторжения людей в этот мир. Именно такой подход уместно называть эколого-этнографическим.

Выдающийся современный эколог Б. Коммонер сказал: «Я нахожу еще один источник оптимизма в самой природе кризиса окружающей среды. Кризис этот — продукт не биологических свойств человека, которые не могли бы измениться достаточно быстро, чтобы спасти нас, но его социальных деяний, которые могут подвергаться гораздо более быстрым изменениям. Поскольку кризис окружающей среды есть результат бесхозяйственного отношения к мировым ресурсам, то его можно преодолеть, и человек сможет жить в действительно человеческих условиях, если социальное устройство человеческого общества будет приведено в гармонию с экосферой...»¹²

* *
*

Применение этнографической методики весьма разнообразно в нашем современном мире. Чтобы понять этнографию как научную дисциплину, необходимо познать ее терминологию, школы и направления. Для этого углубимся в мир журналов и книг, обратимся к жизни ее учреждений.

¹² Коммонер Б. Замыкающийся круг. Л., 1974. С. 215.

Глава II

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И ИЗДАНИЯ

ТИПЫ УЧРЕЖДЕНИЙ В СССР И ЗА РУБЕЖОМ

За полтора столетия существования этнографии в качестве особой научной дисциплины сложились своеобразные центры — различные типы этнографических учреждений, координирующие во всемирном и региональном масштабах направления научных исследований, подготовку этнографических кадров, ведущих издание научных и учебно-методических трудов, осуществляющих хранение и изучение вещественных материалов культуры различных народов. Знание этих учреждений и изданий должно помочь в перенасыщенном информацией современном мире поискам добротных материалов для решения разнообразных этнографических проблем.

Учитывая, что этнография изучает народы всего мира, в 30-х годах XX в. для определения основной проблематики, для обмена информацией и сотрудничества было учреждено проведение раз в четыре года Международного конгресса антропологических и этнографических (с 1968 г. этнологических) наук (МКАЭН). Первый конгресс состоялся в 1934 г. в Лондоне, второй — в 1938 г. в Копенгагене, затем в связи с войной был десятилетний перерыв, и третий собрался только в 1948 г. в Брюсселе, четвертый — в 1952 г. в Вене. Начиная с пятого конгресса, проведенного в 1956 г. в Филадельфии, в его работе участвуют советские этнографы. Шестой конгресс состоялся в 1960 г. в Париже. Самым представительным (участвовали этнографы более чем 50 стран) был седьмой, проходивший в 1964 г. в Москве. Восьмой конгресс проводился в 1968 г. в Токио и Киото. На восьмом конгрессе, учитывая, что время проведения МКАЭН совпадает со временем проведения других международных конгрессов и особенно конгресса востоковедов (этнографы обычно в нем активно участвуют), было решено проводить МКАЭН раз в пять лет, и очередной девятый конгресс был проведен в 1973 г. в Чикаго. Десятый

конгресс, ставший юбилейным, прошел в 1978 г. в Дели, одиннадцатый — в Канаде: сначала в Квебеке, затем в Ванкувере в 1983 г. В 1988 г. двенадцатый конгресс был проведен в Загребе, на нем столицей тринадцатого конгресса 1993 г. была избрана Барселона.

Масштабы конгрессов, когда количество своих и приехавших участников переваливает за две тысячи, существенно меняют сложившуюся на протяжении десятилетий практику их проведения. Так, первоначально было обязательным сочетание развернутого выступления докладчика и заранее опубликованного текста доклада, затем стали публиковаться только тезисы, а выступления ограничивались 15—20 мин. Начиная с Делийского конгресса, когда число собственных участников превысило 50% всех делегатов, в ряде секций на выступления давалось 2 мин., а тезисы были заменены репликой — обозначением темы. Правда, некоторые делегации, в том числе СССР, обычно представляют тексты докладов, переведенные на иностранные языки.

Хотя МКАЭН не претендует на роль международного руководящего этнографического органа, проблемы как теоретического, так и практического характера, обсуждаемые на нем, обмен мнениями оказывают влияние на развитие этнографии в каждой стране. Работой МКАЭН руководят Перманентный комитет, в состав которого входят видные ученые ряда стран (в том числе и СССР), и Организационный комитет, создаваемый антропологами и этнографами страны проведения конгресса. Глава Оргкомитета является и президентом проводимого конгресса. МКАЭН работает по трем основным отделениям — антропология, этнография и музеология, которые разделяются либо на проблемные, либо на региональные секции; кроме этого, во время работы конгресса проводятся симпозиумы по важнейшим, определенным Перманентным комитетом (он собирается между конгрессами раз в два года) дискуссионным проблемам¹. МКАЭН издает свои труды, выносит определенные рекомендации по вопросам развития этнографии и антропологии, сотрудничает с созданным в 1948 г. под эгидой ЮНЕСКО Международным союзом антропологов и этнографов. ЮНЕСКО издает своеобразный международный информационный бюллетень о настоятельных нуждах антропологических и этнографических исследований, цель которого — обратить внимание на изучение тех объектов и явлений, которые могут исчезнуть в ближайшее время.

¹ Основным языком конгресса является французский, рабочими полными языками определены русский, английский, немецкий, испанский и португальский. В качестве рабочего языка может быть введен и язык той страны, которая принимает конгресс, если он не входит в число статутных языков. Однако последнее время главным языком конгресса становится английский.

Сказанное подчеркивает консультационно-информационный характер МКАЭН и самостоятельное развитие этнографии в каждой отдельной стране, где деятельность этнографов в различного типа учреждениях либо направляется центральными научными институтами (например, в СССР, странах Восточной Европы, Аргентине и др.), а то и государственными службами этнографии (например, в Индии), либо неправительственными ассоциациями и обществами (например, Японская этнологическая ассоциация, Этнографическое общество Австрии, Географическое и этнологическое общество Базеля в Швейцарии и т. п.). В 60-х годах XX в. было осуществлено объединение этнографов Западной Европы для решения общеевропейских этнических проблем путем проведения региональных конференций и издания общего этнографического журнала «Ethnologia Europaea».

В 80-е годы в деятельность этнографов Западной Европы включились и этнографы Восточной Европы. Последние избрали перспективный путь — путь кооперации при создании трудов по региональной этнографии и постоянного обмена через специальный печатный орган «Demos» информацией об исследованиях по европейской тематике.

Типы этнографических учреждений в каждой стране соответствуют традиции и истории возникновения самой науки. В целом же их можно подразделить на академические, вузовские, музейные, журнальные (редакционные) и общественные. Рассматривать особые государственные этнографические службы при правительственных учреждениях различных стран, которые имеют сугубо прикладное значение для проведения внешней, а иногда и внутренней политики, не представляется целесообразным, так как их значение определяется не уровнем развития этнографических знаний, а в основном потребностями глобальной стратегии той или иной державы.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ

Русская этнография зародилась в недрах Кунсткамеры Петербургской Академии наук. В 1836 г. при разделении Кунсткамеры на ряд специализированных музеев был создан Этнографический музей, который в 1879 г. преобразовали в Музей по антропологии и этнографии (о МАЭ см. наст. издание гл. VIII). Тогда же в уставе Академии наук было написано, что «этнографический музей — центральное учреждение в империи для изучения различных человеческих племен и их культурного развития, особенно живущих в Русском государстве». С 1903 г. — это Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, на базе которого в 1933 г. был создан Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР, переименованный в 1935 г. в Институт этнографии АН СССР. (В 1947 г. институту

было присвоено имя выдающегося русского ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая.)

Центральное этнографическое научное учреждение нашей страны оформилось в Ленинграде в 1933 г. как ведущий академический институт с богатой исследовательской базой — Музеем антропологии и этнографии. Начиная с 1943 г. в Москве создается рабочая группа института, деятельность которой привела к необходимости частичного перебазирования исследовательской работы из Ленинграда в Москву. Сегодня центральное научное академическое учреждение по этнографии и антропологии в СССР — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, находящийся в Москве и имеющий в Ленинграде свое отделение (называемое «частью»), состоящее из секторов и групп и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. Так как Географическое общество СССР, в составе которого еще в год основания (1845) возникло Этнографическое отделение, также находится под эгидой Академии наук СССР, то можно считать, что в нашей стране этнографическая и антропологическая науки развивались прежде всего в стенах Академии, что, однако, не мешало и не мешало развитию и существованию вузовских и общественных центров и обществ.

Во всех союзных республиках СССР центрами этнографии также являются академические институты республиканских Академий наук, где в большинстве случаев этнография представлена в содружестве с фольклором, искусствоведением, археологией, историей или чаще всего особым отделом в институтах истории. Например, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рылского АН Украинской ССР, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН Белорусской ССР, Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской республики, Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР, Институт археологии и этнографии АН Армянской республики, отдел этнографии и искусствоведения АН республики Молдова; в АН Узбекистана, Азербайджана, Латвии, Литвы, Киргизии, Эстонии, Туркмении сектора этнографии в институтах истории.

Академическими институтами представлены и этнографические центры в большинстве других стран Восточной Европы и мира. В Болгарии это Институт этнографии с музеем при Болгарской Академии наук, в ГДР — Институт немецкой этнографии Германской АН, в КНДР — Институт археологии и этнографии Академии общественных наук, в Кубе — Институт этнологии и фольклора при Кубинской АН, в Польше — Институт истории материальной культуры Польской АН, в Чехо-Словакии — два института: Институт этнографии и фольклористики Чехо-Словацкой АН и Институт этнографии Словацкой АН, в Югославии — также два института: Этнографический институт Сербской Академии

наук и искусства и Этнологический институт при Комитете по народному быту и обычаям Югославской Академии наук и искусства, в Венгрии этнографической наукой руководит Этнографическая исследовательская группа при Венгерской Академии наук. Существование двух академических центров в таких странах, как Чехо-Словакия и Югославия, объясняется разделением их функций: один центр руководит общими исследованиями по этнографии всех народов страны и зарубежных стран, другой — изучением конкретного этноса (в данном случае сербского и словацкого). В КНР этнографические исследования проводятся в Институте национальностей Китайской Академии общественных наук; при Академии общественных наук находится и Институт этнографии СРВ.

Академические центры этнографии существуют и в ряде других стран, где имеются свои академии либо учреждения, выполняющие их функции. К последним относятся, например, Институт гуманитарных наук в Алжире, имеющий центр исследований по антропологии, первобытной истории и этнографии, Австралийский институт по изучению аборигенов в Канберре, Национальный институт антропологии Министерства культуры и просвещения Аргентины, Латиноамериканский центр исследований в области общественных наук в Бразилии. Указанные центры к академическим можно отнести лишь условно, учитывая то обстоятельство, что они носят характер и правительственным учреждениям. Полностью к подобного типа правительственным этнографическим научным центрам (речь не идет об этнографических службах) относятся Национальное антропологическое управление Боливии, Мексиканский центр антропологических исследований, Управление научных и технических исследований в заморских территориях во Франции, Канадский центр антропологических исследований, Институт народных традиций в Гвинее и т. п.

Классическим академическим центром является специальный институт Королевского общества Великобритании — Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии, основанный еще в 1843 г. Этот ведущий этнографический центр Англии изучает все народы мира; его фундаментальной базой является этнографический отдел знаменитого Британского музея.

ВУЗОВСКИЕ ЦЕНТРЫ

Учреждения академического профиля возникали в середине прошлого века в рамках официальной науки, находящейся на попечении правительства. Вместе с тем этнографические материалы, добытые в многочисленных как русских, так и зарубежных кругосветных путешествиях, привлекали пристальное внимание прогрессивной общественности. Открывшийся

с XV в. для Европы необычайно разнообразный мир неведомых прежде стран и народов к середине и особенно ко второй половине XIX в. заставил передовых мыслителей иначе взглянуть на историю человечества. В Англии и Америке, России и Франции, Германии и Швейцарии появляются труды, в которых достаточно четко высказывается мысль о единстве человеческого рода, проповедуются идеи гуманного отношения к «дикарям» — к народам стран, ставших добычей колонизаторов. Этнография превращалась в важную социальную, историческую дисциплину, и в этом своем качестве она входила в более демократические, чем, например, императорская Академия наук в России, высшие учебные заведения и различные географические общества или общества любителей краеведения. Н. Г. Чернышевский так определял значение этнографического материала в 60-х годах XIX в.: «Каждое племя, стоящее на одной из ступеней развития между самым грубым дикарством и цивилизацией, служит представителем одного из тех фазисов исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами в древнейшие времена»².

Именно в это время в России возникают университетские этнографические центры. В 1864 г. создается Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, в 1878 г. — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Этнографическая проблематика занимает существенное место в деятельности восточного факультета Петербургского университета. Эти центры способствовали развитию вузовской этнографии, координировавшей в ту пору свои исследования не столько с Академией наук, сколько с местными отделениями Географического общества.

Естественное же для вузовских центров сочетание учебной и научной работы, т. е. ведение этнографических исследований и подготовка кадров этнографов, в нашей стране началось только после революции. В 1918 г. во вновь организованном при Петроградском университете Географическом институте открывается этнографическое отделение; позднее, оно существует на восточном факультете Ленинградского университета. В самом начале 50-х годов, когда была предпринята акция превращения ЛГУ в некое учреждение «с областной судьбой», преподавание этнографии сначала перенесли на исторический факультет, а в 1952 г. его вообще ликвидировали.

В первые годы советской власти этнографическое образование было введено в Московском и Казанском университетах. Перед Великой Отечественной войной и после нее этнографическая вузовская наука и подготовка кадров развивались в указанных

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. I. СПб., 1906. С. 225.

трех университетах, а также в университетах Сибири и Дальнего Востока, Прибалтики, Украины и Закавказья. В начале 50-х годов подготовка этнографических кадров и деятельность самих вузовских этнографических центров были прекращены в большинстве университетов. Вся этнографическая деятельность практически была сосредоточена в академических учреждениях, так как и преподаватели сохранившихся двух вузовских центров — Московского и Тбилисского университетов — сотрудничали в соответствующих академических институтах.

В настоящее время в СССР подготовка кадров этнографов ведется на семи специальных вузовских подразделениях: на кафедрах этнографии Московского и Тбилисского университетов, на восстановленной в 1968 г. кафедре этнографии и антропологии Ленинградского университета, на созданных в 60—80-х годах кафедрах археологии и этнографии Казахского и Киргизского университетов, на кафедре этнографии Омского университета, а с 1989 г. и на новой кафедре археологии, этнографии и музееведения Киевского университета. Вместе с тем в ряде вузов и университетов Поволжья, Кавказа, Украины, Белоруссии и Прибалтики, Сибири и Дальнего Востока сегодня предпринимается попытка продолжать традиции вузовской этнографии при согласовании тематики исследований с соответствующими академическими центрами.

Вместе с тем в конце 80-х годов стало очевидно, что отсутствие вузовской подготовки курсов в таких прежде известных центрах, как Львовский, Ереванский, Казанский, Тартуский, Вильнюсский и другие университеты, не могло быть терпимо. Сложившаяся ситуация, выразившаяся в обострившемся интересе к межнациональным отношениям, требовала восстановления и развития вузовской этнографии. Однако этого не произошло, что несомненно скажется на будущем науки.

Сочетание вузовских и академических центров свойственно и этнографии Англии, где в 1896 г. при Оксфордском университете была организована кафедра антропологии, на которой с момента ее создания работал знаменитый английский этнограф Э. Тэйлор. Вслед за Оксфордским университетом кафедры антропологии, с учетом потребности и в научных и практических этнографических кадрах, были открыты в Лондонском и других университетах Великобритании. В настоящее время на Британских островах, где, как и всюду на Западе, придается особое политическое значение этнографии, существует 14 вузовских центров, крупнейшие из которых — кафедра антропологии Оксфордского университета, Музей археологии и антропологии Кембриджского университета, Полярный институт им. Скотта того же университета, кафедры антропологии Лондонского университета и Университетского колледжа в Лондоне, кафедры социальной антропологии Королевского университета Северной Ирландии и Эдинбургского университета и др.

Аналогичная ситуация, когда наряду с ведущими академическими центрами существуют вузовские, характерна для многих других стран Европы и Азии, где в каждом крупном университете есть кафедра этнографии либо этнографическое отделение. Например, кафедра этнографии и фольклористики Карлова университета в Праге; кафедра этнографии Будапештского университета; Институт общей и немецкой этнографии при Университете им. Гумбольдта и Институт антропологии и этнологии при Университете им. Ф. Шиллера; кафедра этнографии Вроцлавского университета и кафедра антропологии Варшавского университета; Институт этнологии при Загребском университете; кафедры этнографии при Ханойском и Хошиминском университетах и др.

Если в Великобритании, так же как и в названных странах, вузовские центры возникали одновременно с академическими или под их влиянием, то в других странах мира, даже при наличии правительственных, полуправительственных и музейных центров, вузовские центры были и являются основными, в которых развивается этнографическая наука. Такое положение характерно прежде всего для Соединенных Штатов, Канады, Федеративной Республики Германии, а также Франции, Индии, Австралии, Японии и многих других стран.

В данном случае примечательна ситуация в США, где трудно определить центральное учреждение и за таковое можно принять как минимум два. Основная исследовательская и учебная работа сосредоточена в многочисленных университетах и колледжах США. Всего в стране работает более 400 вузовских центров, представленных кафедрами антропологии или социологии и антропологии, а также исследовательскими центрами и институтами во всех крупнейших университетах и колледжах. К таким центрам относятся департаменты антропологии ведущих частных, муниципальных, штатных и религиозных университетов: Францисского, Чикагского, Вашингтонского, Мичиганского, Аляскинского, Гавайского, Лайолы, Святого Джона, Святой Марии и др. Многие вузовские центры в США имеют музеи (таких музеев более 60) и издают свои труды. Столь большое число учебных заведений, в которых ведется подготовка этнографических кадров, соответствует глобальной стратегии американского правительства.

Подобными же причинами можно объяснить и наличие многочисленных вузовских центров в ФРГ, в настоящее время здесь их более 40. В соответствии с традиционной структурой этнографические исследования в ФРГ ведутся в специальных антропологических, этнологических или институтах древнейшей и древней истории при основных университетах. К таким учреждениям относятся Антропологический институт и Институт им. Л. Фробениуса при университете им. В. Гете, Институт древнейшей и древней истории университета Альберта Людвига,

этнологический семинар и Географический институт при Боннском университете, кафедра антропологических исследований Геттингенского университета, Институт древнейшей и древней истории Эрланген-Нюрнбергского университета, Антропологический институт Кильского университета, этнологический семинар Кельнского университета, Антропологический институт Майнцского университета, этнологический семинар Марбургского университета, этнологический семинар Мюнстерского университета, этнологический институт Тюбингенского университета, Институт антропологии и генетики человека Мюнхенского университета и т. п. Указанные семинары при университетах являются по существу специальными учебными институтами, в которых занимаются от 40 до 100 студентов. Вузовские центры ФРГ (например, Гамбург) располагают крупными или небольшими учебными музеями, отдельными коллекциями, лабораториями, библиотеками, издают свои труды в общеуниверситетских изданиях.

Роль вузовских центров особенно велика в Канаде, где социологическая и антропологическая ассоциация действует под эгидой кафедры социологии и антропологии университета Калгари. Всего в Канаде насчитывается 16 вузовских центров. К крупнейшим из них, имеющим свои музеи и выпускающим периодические издания, относятся Центр проблем Севера и кафедра социологии и антропологии университета Лавала, Институт миссионерской работы Оттавского университета, кафедра антропологии университета Альберта, кафедра антропологии и Музей антропологии университета Британской Колумбии, кафедра антропологии Торонтского университета, кафедра антропологии и социологии Викторианского университета и т. п. Основная тематика исследований в этих центрах — этнография эскимосов, индейцев, японцев, китайцев, теория науки, расоведение и расогенез.

Во Франции ведущие этнографические учреждения сосредоточены, помимо государственной службы научного и технического изучения заморских территорий (имеющей 27 исследовательских центров в тропических странах и центральную службу документации), в высших учебных заведениях и музеях. Причем роль и тех и других в развитии этнографической науки почти равноценна. В отличие от рассмотренных вузовских центров других стран французские входят в состав пяти университетов и двух знаменитых вузов — Коллеж де Франс и Сорбонны (Высшая школа экономических и общественных наук). Коллеж де Франс и подразделение Сорбонны имеют научные центры, институты, лаборатории, где изучаются этнографические и этнические проблемы Африки, Азии, Латинской Америки и Океании. К таким учреждениям относятся: Институт Дальнего Востока (издающий много десятилетий свой бюллетень), Центр африканских исследований (проблемы культурных ареалов), Центр

по изучению и анализу документов по Африке южнее Сахары (Центр работает также под эгидой Музея Человека), кафедра по изучению тропического мира, группа по изучению семито-хамитских языков, лаборатория социальной антропологии (единная для Коллеж де Франс и Высшей школы Сорбонны, издает журнал «L'Homme»). Научный и педагогический состав Коллеж де Франс и Высшей школы экономических и общественных наук Сорбонны входит в Парижское антропологическое общество.

Университет в Тулузе имеет Институт первобытного искусства, где изучаются не только проблемы первобытной культуры Западной Европы, Африки, но и общие вопросы первобытности, этнологии и антропологии. Институт выпускает свое периодическое издание. При Страсбургском университете работают Институт по изучению Латинской Америки и Институт Испании, Португалии и Латинской Америки. Их проблематика — литература, история и этнография испано-португалоязычных стран. Издается специальный научный журнал. Антропологические лаборатории имеют Парижский и Лионский университеты.

Развитие этнографии именно в университетских центрах характерно для Японии, Новой Зеландии, Австралии, Индии. Этнографические институты, соответствующие кафедры и научные лаборатории имеют: в Японии — Наизанский университет, Национальный институт языкознания, Международный христианский университет, Кобе колледж, Кюсюйский университет, Тохокусский университет; в Новой Зеландии — университеты в Данидине, Окленде, Гамильтоне и Веллингтоне; в Австралии — Австралийский институт по изучению аборигенов, Австралийский национальный университет, а также Аделаидский, Куинслендский, Сиднейский и Западноавстралийский университеты; в Индии — университеты Карнатакский, Лакнауский, Пенджабский, Равишанкарский, Делхийский, Мадраасский, Уткальский и др.

Не занимаясь далее подробным перечислением вузовских центров других стран, напомним лишь, что в большинстве государств Европы, Африки, Латинской Америки, Юго-Западной и Юго-Восточной Азии при центральных университетах существуют кафедры или отделения этнографии (антропологии). Такие же кафедры после 1978 г. (т. е. после «культурной революции») восстановлены в основных университетах КНР. Однако в соответствии с обычным представлением, согласно которому основная нация (ханьская) не может быть предметом этнографического исследования, на этнографических кафедрах, так же как и в академических центрах, изучаются не китайские народы КНР и народы зарубежных стран. Изучением этнографии китайцев и народов Китая занимаются Этнологический институт Академии Синика (Тайвань), кафедра археоло-

гии и антропологии Национального Тайваньского университета и Сингапурский университет «Тай ян».

МЕСТО ЭТНОГРАФИИ В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Вопрос о месте этнографии в системе университетского образования выходит далеко за рамки общетеоретических рассуждений, ибо он имеет и большое практическое значение, так как кафедры этнографии в наших университетах — естественная база кадров для высших научных учреждений страны — Академии наук СССР и академий республик, входящих в состав Союза. Это означает, что должна постоянно совершенствоваться цепь связи «университет — академия — университет». Один из основных принципов данной связи заключается в том, что особо отличившиеся выпускники университетской кафедры идут в аспирантуру или на стажировку в академический институт и затем пополняют ряды его сотрудников, а наиболее крупные сотрудники академических институтов, способные к тому же вести педагогическую работу, идут к студентам, чтобы проводить с ними специальные семинары, руководить их полевой практикой, помогать им делать первые самостоятельные шаги в научной деятельности (при подготовке курсовых и дипломных работ).

Одна из форм связи академической и университетской этнографии — договоры о творческом сотрудничестве, заключаемые между кафедрой и институтом (в данном случае с Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР). Именно при содействии Института этнографии и его источниковедческой базы — Музея антропологии и этнографии — возможно активное действие цепи связи «университет — академия — университет».

Следует особо подчеркнуть, что ныне ученые Института этнографии АН СССР — не просто гости на кафедрах Ленинградского и Московского университетов; они принимают активное участие в процессе подготовки специалистов-этнографов, а также решают многие практические и научные задачи. Между кафедрами названных университетов и институтом заключены договоры о сотрудничестве, т. е. существуют прямые научные связи Академии наук с вузами страны. Этот опыт должен быть использован всеми республиканскими академиями наук, а также филиалами АН СССР. Лишь на основе тесного сотрудничества академических и этнографических центров с подразделениями вузовской этнографии могут быть достигнуты серьезные успехи самой науки — одной из важных дисциплин познания современных этнических проблем.

На каком бы уровне мы ни рассматривали этнографию, она

начинается в вузе, в университете. Таким образом, определяя место этнографии в системе университетского образования, необходимо помнить о будущем самой этнографии как науки, о ее успехах и вкладе в познание мирового исторического процесса. Именно поэтому вопрос о совершенствовании системы университетского образования в области этнографии, о повышении его научного уровня — один из важных и актуальных. Ведь, как уже говорилось, речь идет о кадрах науки, а значит, о ее перспективах, ее будущем.

Прогресс науки во многом зависит от степени взаимного обогащения ее региональных подразделений, от возможности повышать ее эффективность общими усилиями всех национальных ячеек, добиваться новых успехов, учитывая и используя опыт друг друга. Именно в этом смысле наука интернациональна. Этнография же интернациональна по-особому, по самой своей сущности, ибо это наука и об одном, и обо всех этносах (народах) одновременно. Так, на заре советской этнографии замечательный советский ученый Л. Я. Штернберг в «Десяти заповедях этнографу» писал: «Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной»³.

Когда речь идет о подготовке кадров этнографов, то нельзя не заметить, что в практике университетского образования все еще сохраняется много традиций, которые не всегда можно признать лучшими и удачными. Так, например, и сегодня мы продолжаем ощущать деление самой этнографии (а значит, и ее университетских подразделений) по традиционному немецкому образцу на «*Volkskunde*» и «*Völkerkunde*». И сегодня в университетах значительной группы стран соответствующие кафедры в большей степени или даже исключительно занимаются «*Volkskunde*» (это направление более правильно было бы назвать «региональной этнографией»), т. е. изучением этнографии своего (или своих) народа, оставляя этнографию остального мира за пределами научной и, что еще печальней, преподавательской деятельности.

Такая односторонность имеет историческое объяснение: в конце прошлого века и особенно после первой мировой войны, когда на развалинах империй возникали новые национальные государства, их интеллектуальные лидеры стремились «повысить» авторитет и престиж своей культуры, своей национальной самобытности, причем такое стремление нередко приводило к национал-шовинистическому противопоставлению своего народа и его культуры всем другим народам, всей мировой культуре. Изучение общей этнографии, а точнее, зарубежной

³ Цит. по: Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. № 2. 1971. С. 142.

(этнографии «чужеземных народов») считалось в этой связи обязанностью или уделом университетов лишь тех стран, которые либо оставались метрополиями колониальных империй, либо играли роль «мировых лидеров». Регионализм в подготовке кадров соответствовал регионализму самой этнографии той или иной страны. Это ненормальное положение в подготовке кадров усугублялось еще и тем, что на университетском уровне этнографическое образование сужалось до предельного набора проблем, которые входили в круг научных интересов самих преподавателей и профессоров.

Именно такая ситуация и породила разделение в большинстве стран Европы этнографии на университетскую, академическую и музейную, что привело к разрыву цепи, обеспечивавшей постоянное движение: студент университета — научный сотрудник академии или музея.

Как уже отмечалось, в ряде стран существовала система глобального изучения этнографии «Völkerkunde». Подобную ситуацию ныне мы можем встретить в СССР, США, Великобритании, Франции, ГДР, ФРГ, Японии, Канаде и других странах. Однако в научной и преподавательской работе в некоторых из этих стран больше внимания уделяется не всем народам, а лишь тем, которые либо прежде были связаны с этой страной как с метрополией, либо составляют население соседних регионов. При таком положении мы нередко встречаемся с парадоксальной ситуацией, когда изучение собственного народа (являющегося в политическом и культурном отношении ведущим этносом) ведется или недостаточно, или вообще не ведется, ибо считается, что такой этнос «уже вырос из этнографического одеяния» и подлежит лишь социологическому изучению.

Данная тенденция питается устаревшим представлением об этнографии как о науке, изучающей культурно отсталые народы. Вместе с тем поскольку будущее этнографии определяется ее стремлением изучать и познавать все народы мира, университетская система подготовки кадров должна сочетать как региональную, так и общую этнографическую подготовку (изучение зарубежной этнографии).

Мы уже говорили, что уровень этнографической науки в будущем во многом зависит от уровня и современного состояния преподавания этнографии в университетах. В свою очередь научный уровень университетского образования определяется уровнем общих и конкретных исследований, которые ведут этнографы академий, вузов и музеев. Эта взаимозависимость уровня подготовки кадров для науки и уровня развития самой науки как результат исследовательской деятельности ученых очевидна. Таков один из аспектов проблемы этнографии в университетском образовании.

Каково же положение дел в системе университетского этнографического образования? Если ныне отношение к этнографии

в общенаучном плане изменилось к лучшему, а ее общественная значимость возросла, то до сего времени на университетском уровне ее роль еще сильно занижена. Никого, например, не удивляет то обстоятельство, что студенты-историки Тюлейнского университета США, Университета им. Гумбольдта ГДР или Томского государственного университета СССР изучают историю Древней Греции и Древнего Рима. Никого не удивляет и то, что будущие математики или биологи в нашей стране, в Голландии, Франции, Польше, Корее и других странах изучают как обязательный общеобразовательный предмет физику. Этнографы же пока не смогли добиться того, чтобы изучение этнографии народов мира стало бы обязательной общеобразовательной дисциплиной. Как изучение античности или физики — это фундамент познания истории европейской культуры или законов живой и неживой природы, так и изучение этнографии всех народов мира — фундамент познания истории человеческого общества и мировой цивилизации.

Именно введение общеобразовательного курса по этнографии на исторических и философских факультетах университетов СССР вооружило бы студентов знаниями о многообразии этнической картины мира, об основных этапах этнической истории народов, об их вкладе в общечеловеческую культуру. Теперь можно считать общепризнанным, что объем общих гуманитарных сведений для современного студента, специализирующегося в области истории, философии, социологии, филологии, а также в некоторых отраслях географии и экономики, должен обязательно содержать и сведения по общей этнографии (с включением в этот курс основных сведений по истории доклассового общества — стартовой площадки мировой цивилизации).

В связи с тем, что речь идет о подготовке научных кадров, способных в будущем обеспечить высокий уровень развития науки, следует более подробно рассмотреть принципиальные методические рекомендации, определяющие объем знаний, излагаемых в курсах по этнографии. Настоящее учебное пособие основывается на анализе опыта, накопленного в Ленинградском университете, и на знакомстве с программами соответствующих подразделений университетов Венгрии, ГДР, Югославии, США, Польши и ряда других стран. Предлагаемые рекомендации даются, естественно, лишь в порядке постановки вопроса.

Университетская подготовка специалиста-этнографа рассчитана на пятилетний срок обучения, который признается сейчас наиболее продуктивным. В период обучения студентом должны быть освоены курсы, соответствующие трем основным параметрам: этнографическому общенаучному (общеобразовательному), общетеоретическому и методико-инструментальному.

Общенаучный курс обучения обязательно включает в себя

первичное ознакомление студента с местом этнографии в системе общественных наук, с ее основными учреждениями и изданиями на глобальном уровне, ее специфической терминологией и принципами классификации этносов, с общей этнографической характеристикой мира. В дальнейшем общенаучные курсы дополняются материалами по двум ведущим тематическим направлениям: изучение истории этнографии как науки (с возможно более полным освещением истории ее региональных звеньев), последовательное и детальное раскрытие общего и специфического в хозяйстве, материальной и духовной культуре, в социально-семейных отношениях большинства этносов. В последнем случае для удобства изложения лекционный курс может распределяться по крупным географическим регионам: народы Австралии и Океании, Африки, Северной и Южной Америки, Азии, Европы. При этом целесообразно выделить изучение этнографии своего (или своих) народа в особый раздел курса.

Общетеоретический курс включает всесторонний анализ основного объекта этнографической науки — этноса, характеристику ее предметной области и соотношения со смежными дисциплинами. Вместе с тем этот курс содержит рассмотрение основных исторических и современных школ и направлений в этнографии, раскрывает гносеологические корни этнографических исследований. Значительное место в общетеоретическом образовании должно быть отведено характеристике конкретных и общих аспектов первобытной культуры с выявлением проблем генезиса хозяйства, социальной и духовной жизни, искусства и верований.

Методико-инструментальный курс ставит своей целью научить студента пользоваться основными методами непосредственного наблюдения над жизнью, бытом и культурой этносов и их групп (опрос, наблюдение и эксперимент) во время полевого экспедиционного сбора материала для исследований. Следует отметить, что эксперимент в этнографии отличается от эксперимента в естественных науках и рассматривается как соучастие исследователя в основных обрядовых действиях (типа свадьбы, похорон и т. п.).

Методико-инструментальные курсы включают собственно методику полевых этнографических исследований при сборе сведений о материальной культуре и данных по социально-семейным отношениям и духовной культуре (вычерчивание планов поселений, жилищ, зарисовка предметов быта, объектов, составление анкет, графическая и цифровая фиксация систем родства, кино- и фотосъемка, магнитофонные записи и т. д.); вводный курс по этнолингвистике (в частности, обучение правилам употребления международной фонетической транскрипции); общие методические занятия по инструментарию конкретно-социологических исследований и принципам фиксации фольклора.

Таковы в общих чертах принципиальные положения, которые, на наш взгляд, обеспечат на достаточно высоком научном уровне подготовку кадров исследователей для этнографии как науки, а также специалистов для ее прикладных целей.

Каковы пути совершенствования преподавания этнографии для неспециалистов? В содержание этого общеобразовательного курса обязательно должны войти три главные темы: сведения об основных путях этнической истории мира; обобщенная характеристика этнического состава населения Земли (с анализом общих и специфических особенностей, дающих в сочетании с анализом современного периода этнической истории базу для понимания и прогнозирования межнациональных и межэтнических процессов как в отставших в своем развитии, так и в развитых странах мира); общий и поэтапный анализ развития культурно-хозяйственных комплексов или типов во всех регионах (с обязательным конкретным моделированием их направленности, исходя из той предпосылки, что именно развитие этих культурно-хозяйственных типов от доклассовой структуры к раннеклассовой обеспечило формирование мировой цивилизации).

Очевидно, что введение общеобразовательного курса этнографии дает возможность обучающимся более правильно и объективно познать весь комплекс проблем истории человеческой культуры, которая не могла развиваться и не развивалась вне этнических границ, вне пределов этносов, а всегда питалась достижениями разных народов, умевших сознательно и целенаправленно воспринимать идеи и технологию, порожденные другими народами. Великие географические открытия в прошлом не только дали простор первоначальному накоплению капитала, но и привели к величайшему открытию единства человечества. Там, где народы имели возможность общаться друг с другом, воспринимать и перерабатывать чужой опыт, их культура получала дополнительные импульсы, в результате чего они уходили в своем развитии значительно дальше, нежели народы, оказавшиеся в естественной или искусственной (например, колониальной) изоляции.

МУЗЕЙНЫЕ ЦЕНТРЫ

Оформление этнографии как науки в середине XIX в. способствовало формированию в Европе и Америке специальных этнографических музеев, которые в ряде случаев, как это было в Музее антропологии и этнографии Академии наук в России, становились самостоятельными центрами пропаганды этнографических знаний и проведения этнографических исследований. Этнографический музей Петербургской Академии наук, выделившийся из Петровской Кунсткамеры, был одним из первых

музейных центров. В 1852 г. открылся Германский музей в Нюрнберге, демонстрировавший коллекции по культуре немецкого народа, в 1855 г. был основан Новый музей в Берлине, получивший впоследствии название Музея народоведения или этнографии. В те же годы открывается Национальный музей в Вашингтоне с большим этнографическим отделом, в 60-х годах создается этнографический отдел Британского музея, в 70-х годах XIX в. в США уже работает Бостонский музей, а в Париже — Этнографический музей Трокадеро. В последующие годы и десятилетия музеи этнографического или этнографо-краеведческого профиля возникали практически повсюду. В 70-х годах XX в. их уже можно встретить в самых отдаленных районах Земли.

Этнографические музеи чрезвычайно различны по составу своих коллекций, их показу, по целям и задачам, которые они ставят и решают в области этнографии. Многие из них — своего рода коммерческие предприятия, рассчитанные на туристов, и никак не могут претендовать на роль музейных центров в этнографических изысканиях. Часть музеев, возникших сто и более лет назад, была преобразована и либо волилась в более мощные собрания этнографических коллекций, либо стала научно-учебной базой этнографических отделений университетов.

Рассмотрим те музеи, которые по составу своих коллекций и своей роли в этнографии могут считаться центральными.

Об академическом Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) говорилось в разделе об академических центрах и особо будет сказано в главе об отечественной этнографии. Здесь следует лишь отметить, что этот музей ведет свое начало с первых этнографических коллекций Петра Первого, которые были выставлены в 1717 г. в Петербурге в Кикиных палатах. В настоящее время музей занимает в Ленинграде историческое здание Кунсткамеры и располагает самыми большими в мире коллекциями по этнографии всех населенных материков Земли, по антропологии и археологии. В музее хранится почти 300 тыс. этнографических, около 200 тыс. антропологических и более 500 тыс. археологических экспонатов. Начиная с 1900 г. издается специальный «Сборник Музея антропологии и этнографии», который сейчас выходит один раз в год. В становлении русской и советской этнографии роль МАЭ огромна; в его стенах работали практически все выдающиеся русские и советские ученые, а в пополнении коллекций участвовали многие знаменитые русские и зарубежные мореплаватели и путешественники XIX и XX вв.

В 1897 г. в Петербурге создается Русский музей, задачей которого было показать быт и культуру народов России. В нем организуется этнографический отдел, имеющий цель «представить картину этнографического протяжения нашего отечества, картину

быта народов, обитающих в России и в непосредственном соседстве с нею»⁴.

Появление нового этнографического музея привело к достаточно четкому разделению функций между ним и МАЭ. Этнографический отдел Русского музея должен был показывать преимущественно-славянское население, дополняя картину материалами по коренным народам Кавказа, Средней Азии, Сибири и Прибалтики, а МАЭ — эволюцию культуры народов Земли и быт населения зарубежных стран. В послереволюционный период, когда Русский музей превратился исключительно в Музей русской скульптуры, графики и живописи, его этнографический отдел в 1934 г. стал самостоятельным Государственным музеем этнографии народов СССР (сокращенно — ГМЭ). В 20-х годах, еще будучи отделом, он издавал свои труды (такое издание после более чем пятидесятилетнего перерыва восстановлено после 1984 г.), а исследовательская работа как в полевых условиях, так и над музейными собраниями велась постоянно и продолжается по сей день весьма активно. ГМЭ — единственный в стране этнографический музей, представляющий культуру и быт народов нашей многонациональной Родины. Вот, почему ему выпала честь стать общесоюзным методическим центром по этнографии всех краеведческих и региональных музеев. В 30-х годах в Москве существовал Музей народоведения, который был расформирован, а его коллекции поступили как в ГМЭ, так и в МАЭ.

Среди других крупных центров нашей страны необходимо выделить бывший академический ныне Государственный эстонский этнографический музей в г. Тарту, который ведет большую работу по этнографии эстонцев и вообще финно-угров, издает труды, проводит как всесоюзные, так и международные конференции и симпозиумы по данной тематике. Активную исследовательскую и экспозиционную работу ведут также этнографические музеи на открытом воздухе (этнопарки) под Ригой и Таллинном, Львовский и Киевский музеи народного искусства и этнографии и многие другие.

Что же касается развития музеев за пределами СССР, то значительное влияние на развитие этнографии в Великобритании, например, как академического, так и университетского профиля сыграли два музейных центра — этнографический отдел знаменитого Британского музея и Музей Питта Риверса при Оксфордском университете. В Британском музее сосредоточены многочисленные коллекции, послужившие основой крупных исследований в области этнографии. Особенно примечательными являются коллекции Кристи, Маудслея по маякской культуре, Пласса по африканскому искусству, Тордэя по этнографии

⁴ Ленинградское отделение архива АН СССР. Ф. 1. Оп. 1 а (1903). № 150. ОС. § 161.

Конго, собрание Лондонского миссионерского общества, коллекции Дж. Кука, предметы по Полинезии и Северо-Западной Америке. Британский музей издает «Ежеквартальный журнал Британского музея» («British Museum quarterly»).

История создания Музея Питта Риверса связана с именем английского полковника Лэн-Фокса, ревностного собирателя изделий «дикарей и варваров», который поставил перед собой задачу проследить историю эволюции орудий труда и оружия от первобытных времен до современного ему периода и в соответствии с этой задачей вел сбор коллекций. Научным советчиком и другом Лэн-Фокса (после получения наследства от баронета Риверса, ставшего Питтом Риверсом) был знаменитый Эд. Тэйлор. Великолепно подобранную коллекцию Лэн-Фокс — Питт Риверс под влиянием Тэйлора пожертвовал Оксфордскому университету. Эта коллекция стала основой организованного в 1880 г. этнографического музея (Музей Питта Риверса) при Оксфордском университете. Первым его хранителем был Тэйлор, организовавший лекционную и научную работу энтузиастов. Из научно-исследовательской группы музея вышел всемирно известный этнограф-религиовед Дж. Фрэнсер. Сейчас Музей Питта Риверса — научно-учебная база кафедры антропологии Оксфордского университета, одно из ценных мировых собраний экспонатов, рассказывающих о жизни и быте народов Бирмы, Тасмании, Ассамы, Океании, Японии и других стран. В этом музее хранится часть коллекций, собранных Дж. Куком во время второго кругосветного плавания. Музей издает монографии и каталоги.

Самостоятельную роль в развитии этнографии играют этнографические музеи Голландии, Франции и Швеции. Голландия, славящаяся этнопарками, имеет один из крупнейших в Европе Национальный этнологический музей, расположенный в Лейдене. Основу коллекций составляют предметы культуры и быта бывших голландских колоний — Индонезии, Новой Гвинеи, — а также памятники африканского города-государства Бенин, народов майя (в том числе маякский манускрипт), японской культуры периода до революции Мэйдзи. Собранные коллекции лежат в основе многочисленных публикаций по важнейшим этнографическим проблемам. Музей в Лейдене вместе с Музеем географии и этнологии в Роттердаме (в нем представлены коллекции по культуре и быту народов Индонезии, Новой Гвинеи, Африки, Америки, Азии) — важные центры этнографической науки в Голландии.

Не умаляя значения университетских кафедр или деятельности Королевской академии Густава Адольфа, следует отметить, что и в Швеции весьма значительно влияние музеев на состояние этнографической науки. Среди них выделяются два — Государственный этнографический музей в Стокгольме и Гетеборгский этнографический музей. Государственный этнографический музей

хранит ценнейшие коллекции из самых различных стран. Здесь есть предметы из двух первых путешествий Дж. Кука, материалы XVII в. по делаварским индейцам, XVIII в. по Китаю, Японии и Африке. Фонд музея насчитывает 200 тыс. экспонатов, представляющих культуру и быт всех народов мира. Музей издает, помимо монографий, журнал «Этнос» («Ethnos»), выходящий четыре раза в год и распространяемый более чем в 50 странах. Гетеборгский этнографический музей имеет коллекции по народам Америки, Азии, Океании, Африки и Лапландии. Особой достопримечательностью являются археологические коллекции по Латинской Америке и богатая библиотека по латиноамериканской этнографии. Музей издает монографии, ежегодники и каталоги.

Традиционно, что еще до того, как развились вузовские центры, музеи Германии были центрами этнографической науки, этнографических исследований. Сегодня многие из них как в ГДР, так и в ФРГ являются скорее научно-просветительскими (пропагандирующими свои коллекции в специальных изданиях и аннотированных каталогах), чем научно-исследовательскими учреждениями. Однако такое замечание меньше всего относится к Государственному этнографическому музею в Дрездене (основу его собраний составляют коллекции по народам большинства районов Земли), который только в 80-е годы XX в. организовал экспозиции, но более справедливо по отношению к западногерманским этнографическим музеям во Фрайбурге, Гамбурге, Штутгарте, Франкфурте-на-Майне и Мюнхене. Последний из всех перечисленных музеев ФРГ по своим собраниям больше представляет прикладное искусство Ирана, Индии, Бирмы, Сиамы, Японии, Австралии, Китая, Перу, Мексики и других стран, чем быт их народов. Музей в Штутгарте называется Тинденским этнографическим музеем, он издает нерегулярный борник под названием «Трибус» («Tribus»).

Особое место занимает Гамбургский музей народоведения, в коллекциях которого хранятся весьма ценные экспонаты и фотоматериалы, характеризующие народы России и СССР (сибирские народы из районов Оби, Енисея, народы из Якутии, Туркмении и т. д.). Интересной была здесь долговременная экспозиция «Народы СССР до и после Октябрьской революции», которая создавалась при активном участии ленинградских этнографов. Примечательно, что музей учитывает интернациональный характер портового города, а также особое место в современной жизни ФРГ турецкой иммиграции (музей имеет постоянную экспозицию по ее культуре и быту).

Положение крупнейшего научного центра сохраняет один из старейших и ведущих этнографических музеев мира — Музей этнографии в Берлине (Museum für Völkerkunde). Основанный в 1855 г. музей сейчас имеет 330 тыс. экспонатов из всех обитаемых районов мира. В нем ведется научно-исследователь-

ская работа по этнологии и археологии в восьми отделах: археология Америки, индейцы Америки, народы Африки, Океании, Южной Азии, Восточной Азии, Европы и этномузыковедение. Музей издает два раза в год периодический сборник «Baessler Archiv» (подзаголовок «Вклад в этнографию») и приложения к нему в виде монографий, а также музейные сборники.

Выдающееся место в этнографии ГДР занимает также один из старейших музеев мира — Музей этнографии в Лейпциге. В нем ведутся исследования по этнологии, этнографии и археологии в следующих отделах: Восточно- и Западноафриканском, Центральном, Южно- и Западноазиатском, Индонезийском, Океаническом, Американском, Китая и Кореи, Японии, Австралии и Новой Гвинее. Музей в Лейпциге издает ежегодники и четыре раза в год сборник научных сообщений, а также путеводители для посетителей. Музей активно сотрудничает с этнографами Лейпцигского университета, предоставляя свои фонды студентам.

Чрезвычайно значительна роль в развитии мировой этнографической науки всемирно известного Музея Человека (*Musée de l'Homme*) в Париже. Во Франции это один из крупнейших научных центров, в котором ведутся исследования по этнологии, археологии и антропологии. Музей Человека был организован в 1930 г. на базе Этнографического музея Трокадеро, основанного в 1878 г. Коллекции музея освещают культуру и быт народов бывших французских колоний, а также других стран мира. В исследованиях, проводимых музеем, принимали участие крупные французские этнографы, антропологи и археологи. В качестве своих научных подразделений музей имеет следующие отделы: Центр по подготовке к антропологическим исследованиям, долгое время возглавлявшийся секретарем VI МКАЭН профессором А. Леруа-Гураном (он же возглавлял и другой научный центр музея — по исследованию предистории и протоистории); Общество океанистов (издает ежегодник — журнал Общества океанистов); Группу по изучению этнографии села. Под эгидой музея был создан Международный союз антропологических и этнологических наук, президентом которого являлся президент VI МКАЭН, выдающийся французский антрополог А. В. Валлуа. В числе вице-президентов союза был и ученый из СССР — член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов, в последние годы нашу страну представлял академик Ю. В. Бромлей.

Важную роль в хранении и обработке ценнейших коллекций, посвященных американским индейцам и этнографии других народов мира, играют крупнейшие музеи США. Большинство американских музеев издает свои труды, где широко освещены коллекционные собрания. К ним относятся: отдел антропологии Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, который проводит исследования по этнологии, археологии и физи-

ческой антропологии и издает «Антропологические записки» (в фондах отдела находится уникальная коллекция по арктическим народам России, собранная экспедицией Джексона в 1900 — 1901 гг.); отдел первобытного искусства и культуры Нового Света Бруклинского музея (коллекция по племенам и народам юга США, Центральной Америке, Перу, Африке и Океании); отдел антропологии Музея полевых исследований по естественной истории в Чикаго (коллекции по культуре и быту народов Нового Света, Океании, Китая, Африки, первобытной Европы); Пеабоди — музей археологии и антропологии при Гарвардском университете, имеющий самостоятельное значение в этнографических и антропологических исследованиях, регулярно издающий «Записки Пеабоди музея», «Мемуары Пеабоди музея», «Бюллетень Американской школы предисторических исследований» и специальную «Серию переводов с русского», где публикуются переводы трудов советских этнографов.

Но, пожалуй, центральную роль все же играет отдел антропологии Национального музея естественной истории в Вашингтоне, входящий в систему Смитсоновского института (Smithsonian Institute). Этот музей ведет широкие научные исследования на средства Веннер-Греновского фонда по этнологии, археологии и физической антропологии. В музее в основном представлены коллекции по народам Северной Америки, а также других стран. Под общим названием «Смитсоновский вклад в антропологию» музей издает различные монографии и сборники.

Из других этнографических собраний интерес представляют коллекции Наптрского музея в Праге по славянским и другим народам, Национального музея Канады в Оттаве по канадским индейцам и эскимосам, Музея Человека им. Хрдлички в Праге по народам северной и тропической Африки, Фиджийского музея в Суве по фиджийцам, народам Соломоновых островов, Новой Гвинеи и Микронезии, Этнографического музея в Швейцарии по народам Африки (40 тыс. экспонатов), Музея королевы Виктории, где представлены редчайшие изделия тасманийцев из камня, кости, дерева (всего 15 тыс. экспонатов).

ЖУРНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ И ОБЩЕСТВА

В ряде стран, где этнография была представлена независимыми музейными или вузовскими центрами при отсутствии какого-либо единого центра, координирующим органом деятельности этнографов становились различного типа ассоциации или общества и издаваемые под их эгидой журналы. В этих случаях журнал, объединявший этнографов одной страны через неправительственную ассоциацию и имевший редколлегия, выбиравшуюся ассоциацией и субсидировавшуюся средствами ас-

социации, становился активным проводником определенных научных идей и в значительной степени оказывал влияние на методику и проблематику этнографических исследований. Некоторые национальные ассоциации или общества допускали участие в работе представителей других стран, и тогда их периодические издания имели международный характер. Когда мы говорили, что в США можно выделить по крайней мере три крупных этнографических центра, то имели в виду, что одни американские этнографы (из ведущих университетов и музеев) объединяются антропологическим отделом Национальной академии, другие (преимущественно из университетов Востока) — Американской антропологической ассоциацией, а третьи (из университетов и музеев Запада, особенно Чикаго) — организациями Веннер-Греновского фонда, и в том числе вокруг журнала «Current anthropology».

Обращаясь к отечественной истории, необходимо отметить, что в развитии русской и советской этнографии велика была роль Русского географического общества (РГО), имевшего этнографическое отделение и издававшего в 1853—1864 гг. «Этнографические сборники», а также «Записки императорского РГО по отделению этнографии», наследниками которых являются издаваемые по сей день «Этнографические сборники отделения этнографии Географического общества СССР». Географическое общество уже к концу XIX в. имело филиалы во всех крупнейших центрах Сибири, Поволжья и Урала, что способствовало накоплению ценных сведений о народах нашей страны. В сибирских филиалах Географического общества трудились видные революционеры России — борцы с царизмом, чьим трудам русская наука была обязана распространению прогрессивных гуманистических взглядов. В наши дни этнографические отделения и комиссии Географического общества СССР продолжают свою работу в Ленинграде и в его московском филиале.

За рубежом этнографические общества и ассоциации создавались с середины и конца XIX в., некоторые — в первой половине XX в. Многие из них функционируют по сей день. К ним относятся Этнографическое общество Австрии, основанное в 1894 г. в Вене; Аргентинское антропологическое общество в Буэнос-Айресе (1936 г.); Венгерское этнографическое общество в Будапеште (1889 г.); Берлинское общество антропологии, этнологии и первобытной истории (1869 г.); Общество итальянской этнографии в Риме (1911 г.); Полинезийское общество в Веллингтоне (1892 г.); Польское этнографическое общество во Вроцлаве (1895 г.); Американская антропологическая ассоциация в Вашингтоне (1902 г.); Парижское антропологическое общество (1859 г.), Японская этнологическая ассоциация (1942 г.) и др. Особое место занимают Общество божественного слова (миссионерская международная организация, прежде имевшая центр в Вене и отделение в Берлине,

а сейчас — в монастыре Святого Августина под Зигбургом в ФРГ), имеющее международный Институт Антропос (Anthropos Institut) и специальный журнал «Антропос» («Anthropos»), а также Ассоциация при журнале «Current anthropology», откровенно претендующем на роль международного органа, направляющего исследования в области наук о человеке. Членами Ассоциации при «Current anthropology» являются как отдельные ученые из разных стран мира, так и этнографические институты, музеи, вузовские центры. Членство в такой ассоциации при внесении ежегодного взноса в 39 американских долларов дает право на получение самого журнала, а также ряда изданий Веннер-Греновского фонда антропологических исследований. Для стран «третьего мира» взнос составляет 20 долларов. Ассоциация при «Current anthropology», будучи по своим целям международной, возглавляется учеными США; сам журнал долгое время является органом Чикагского университета.

Своеобразным общественным и журнальным центром является Ассоциация первобытной истории Дальнего Востока, базирующаяся на отделении антропологии Гавайского университета, но имеющая международное членство и издающая также международный (по составу редакции и авторов) журнал «Asian perspective», который выходит два раза в год. Инициатором создания этого общества и его журнала является видный археолог, специалист по Юго-Восточной Азии и Океании Вильгельм Солхэйм II. Общество и журнал занимаются изучением древнейшей истории и этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании.

Рассмотрим несколько подробнее задачи и состав ведущих обществ: американского, берлинского и парижского. Американская антропологическая ассоциация с центром в Вашингтоне возникла в 1902 г. как общество, координирующее научные исследования в США по этнологии, лингвистике, физической антропологии, социальной антропологии и археологии (общей и теоретической). Цели ассоциации — содействовать американским антропологам в изданиях, ежегодных встречах для обмена мнениями, отстаивать их профессиональные интересы. Членство в ассоциации открыто для каждого, кто интересуется проблемами антропологии. Профессиональные антропологи, имеющие ученую степень доктора философии или примечательные публикации по антропологии, могут быть избраны членами ассоциации по представлению какого-нибудь члена ассоциации или решению ее исполнительного секретаря. Раз в год в каком-либо городе США собирается съезд ассоциации, который избирает нового президента и исполнительного секретаря. С момента создания ассоциации в нее вошла редколлегия журнала «American anthropologist» (издается с 1888 г.), и этот журнал, выходящий теперь 5—6 раз в год (иногда раз в месяц, иногда раз

в 3 месяца), стал основным печатным органом ассоциации. За последние годы число членов ассоциации достигло нескольких тысяч; все они являются как индивидуальными, так и институтскими (вузовскими) подписчиками.

Повышение роли собственно этнографии в антропологии США привело к созданию в 70-е годы особого журнала «Американский этнолог» («American ethnologist»), который издается раз в квартал Американским этнологическим обществом — подразделением Американской антропологической ассоциации (ААА).

Берлинское общество антропологии, этнологии и первобытной истории (сокращенно — Берлинское антропологическое общество) созданное более ста лет тому назад, ставит своей задачей координацию исследований в области культурной антропологии, а также распространение этнографических знаний и новых достижений как среди своих членов, так и широкой публики. Общество материально поддерживает издание западноберлинских этнографических журналов и материалов этнографических симпозиумов. Число членов общества в последние годы не превышает 400—500 человек; собрания общества, открытые для публики, проводятся раз в месяц.

Самым старым в мире, после этнографического отделения Русского географического общества, является Парижское антропологическое общество (создано в 1859 г.). Общество координирует исследования в области этнографии, физической антропологии и первобытной истории (археологии). Его цель — способствовать развитию отечественной антропологии путем организации представительных научных собраний и конференций, а также публикаций работ. Членство открыто для всех интересующихся антропологией в пределах Франции: есть в нем и почетные члены и члены-корреспонденты, выбираемые из числа видных иностранных ученых. Собрания общества устраиваются раз в месяц в период с ноября по июнь. Общество издает Бюллетень и Записки Парижского антропологического общества и активно сотрудничает в журнале «L'Anthropologie», являющемся крупным журнальным центром французской этнографии.

В завершение раздела об этнографических центрах необходимо особо подчеркнуть важную роль как традиционных этнографических музеев, так и создаваемых достаточно активно, особенно в последние десятилетия, этнографических паркомузеев на открытом воздухе, которые иногда называют «скансенами»⁵. Хотя музей под открытым небом Хацелнуса не был

⁵ Это название произошло от шведского слова skansen (окоп), которым обозначалась некая возвышенность с фортификационными сооружениями XVII в. на о. Дюгарден рядом с Северным музеем, основанным в 1880 г. Артуром Хацелиусом. На возвышенности Хацелиус организовал показ не только отдельных жилищ, но и целых усадеб.

первым, так как такие музеи уже были в Норвегии и нечто подобное создавалось на этнографических выставках в Москве в 1867 г., в Вене в 1873 г. и на Всемирной выставке в Париже в 1878 г., все же именно шведский скансен стал нарицательным именем для обозначения западноевропейских музеев под открытым небом.

Так как принципом собирания коллекций является извлечение из быта предмета, созданного данным этносом и бытовавшего у него, то этнографические собрания становятся ценнейшим источником для решения различных научных проблем. В музейных фондах и экспозициях, за исключением манекенов и муляжей, изготавливаемых в специальных мастерских с использованием всех антропологических данных по конкретному типу и всех качеств оригинала, или моделирования фона, физико-географической среды, не допускается хранение или показ любых, даже прекрасно выполненных имитаций, уменьшенных моделей, если они не были изготовлены в той этнической среде, где бытуют сами прототипы.

Необходимость такого рода моделей для закрытых музеев объяснялась невозможностью выставить в здании в натуральном размере жилище или средство передвижения. Современные же этнопарки — музеи на открытом воздухе — располагают такой возможностью и обходятся без моделей, что повышает научную ценность их экспонатов.

В начале 80-х годов XX в. в 30 странах мира было создано уже 600 этнопарков, из них почти 50 в СССР, включая самый старый — латышский музей Бривдабас, основанный в 1924 г.

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И ТИПЫ МОНОГРАФИЙ

Помимо различных научных исследований, статей и заметок, касающихся проблем этнической истории, материальной и духовной культур, семьи, публикуемых в общен исторических, философских и социологических журналах как в нашей стране⁶, так и за рубежом, в мире издается много десятков специальных этнографических (антропологических) журналов и периодических сборников. Большинство изданий носит региональный характер; в них рассматриваются этнографические проблемы отдельной страны или региона Земли. Кроме них, в свет выходят и периодические издания, посвященные как глобальным,

⁶ Журналы АН СССР: «Вестник древней истории», «Вопросы истории», «История СССР», «Новая и новейшая история», «Народы Азии и Африки», «Проблемы Дальнего Востока», «Вопросы философии» и периодический сборник Института антропологии при МГУ им. М. В. Ломоносова «Вопросы антропологии».

так и общенаучным теоретическим проблемам этнографии. К такого типа изданиям относятся журналы СССР, Франции, Англии, ГДР, ФРГ, США и Японии.

В СССР первым (после сборников МАЭ и трудов ГМЭ) периодическим изданием стал журнал «Народное творчество и этнография» (на украинском языке), который начал выходить с 1925 г. в Харькове и сейчас выходит в Киеве шесть раз в год. Журнал освещает проблемы как украинской, так и славянской этнографии в целом.

В 1926 г. было начато издание общесоюзного журнала «Этнография», а с 1931 г. — «Советская этнография», который в период с 1938 по 1947 г. выходил как сборник статей; издание журнала возобновилось в 1946 г. с периодичностью сначала четыре раза в год, затем — шесть раз в год. Журнал «Советская этнография» является центральным журналом советских этнографов, публикующим этнографические и антропологические статьи и материалы по всем народам мира, теоретические исследования, информацию о научной жизни в стране и за рубежом, обширную библиографию. На страницах журнала постоянно выступают зарубежные ученые. Распределение материала в нем традиционно для подобного типа изданий: открывает журнал общий отдел, где публикуются исследовательские статьи, затем — материалы дискуссий и обсуждений, раздел сообщений (публикация кратких итогов научных изысканий), сравнительно недавно введенный отдел «Поиски. Факты. Гипотезы», где допускается научно-художественная форма изложения этнической истории мира. Завершает номер отдел критики и библиографии с подотделами — критические статьи и обзоры, общая этнография, литература по народам СССР, Европы, зарубежной Азии, Австралии и Океании, Америки и Африки. Журнал «Советская этнография», как и неперiodические издания Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, широко представлен в крупнейших библиотеках мира и зарубежных этнографических центрах.

К такого же типа изданиям, т. е. журналам, освещающим проблемы этнографии всех стран мира и дающим место для публикации теоретических, дискуссионных и библиографических материалов, относятся следующие: один из старейших в мире журналов Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», выходящий в Лондоне с 1872 г. ежеквартально; французский журнал «L'Anthropologie», возникший в 1890 г. путем слияния трех существовавших до этого изданий (сборники «Материалы по естественной истории», «Антропологическое обозрение» и «Этнографическое обозрение») и выходящий три раза в год в Париже; немецкий журнал «Anthropos», издаваемый с 1906 г. Институтом Антропос сначала в Вене, затем в Берлине, а сейчас в монастыре Святого

Августина под Зигбургом в ФРГ, «Антропос» также выходит три раза в год, но в отличие от советского, английского и французского журналов, с которыми его структура совпадает, он является (как указано в подзаголовке) «международным этнологическим и лингвистическим обозрением» и публикует (особенно в последние годы) статьи на немецком, французском и английском языках. То обстоятельство, что «Антропос» является печатным органом Института Антропос, представляющего международное Общество божественного слова, определяет его клерикальную направленность.

На страницах указанных журналов были сформулированы основные теоретические положения советской этнографической школы, эволюционного и функционального (английский), социологического и структуралистского (французский), культурно-исторического («Антропос») направленный в мировой этнографии. Многие материалы, содержащие результаты полевых исследований в различных уголках мира, появившиеся на страницах журналов за весь период их существования, представляют несомненную ценность для лиц, занимающихся этнографией. В качестве оперативного приложения к «толстому» журналу Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии с 1901 по 1964 г. издавал ежемесячный небольшой («тонкий») богато иллюстрированный этнографический журнал «Map» («Человек»). С 1964 по 1966 г. этот журнал выходил шесть раз в год, а с марта 1966 г. по настоящее время в новой серии — четыре раза в год. Журнал «Map» — один из самых распространенных англоязычных журналов; на его страницах достаточно широко представлена информация о научных открытиях и новых изданиях по этнографии всего мира.

Приближается по своей тематике и построению к упомянутым журналам журнал этнографов США, издаваемый с момента создания Ассоциации американских антропологов под ее эгидой «American anthropologist». «Американский антрополог» начал выходить в 1888 г. в Вашингтоне. Первоначально его тематика касалась этнографии американских индейцев и стран зоны экспансии США, а также методики полевых исследований. В последние десятилетия (особенно после второй мировой войны) круг проблем, освещаемых журналом, расширяется, публикуются теоретические статьи. Именно на страницах «Американского антрополога» излагались как психологические (психорасистские) концепции в этнографии, так и теории ценностей, неозволюционизма и неоморганизма. Журнал этнографов США наряду с журналом «Map» — самый распространенный англоязычный этнографический журнал мира, выходит шесть раз в год, тираж его превышает 6 тыс. экз. В качестве приложения к журналу иногда издаются полевые материалы и монографии. С 70-х годов в США начал издаваться новый журнал «American ethnologist» («Американский этнолог»), отличаю-

щийся от «Антрополога» большей краеведностью и этнографической описательностью.

Музейные этнографические материалы, также посвященные всем народам мира, публикует на трех языках (немецком, английском и французском) выходящий с 1910 г. в Лейпциге и Берлине, а в настоящее время в Западном Берлине «Baessler Archiv». Это периодическое издание, выходящее два раза в год, — орган знаменитого Музея этнографии в Берлине и его отделения в Лейпциге. Так как главная экспозиция музея находится в Берлине, в Лейпциге был организован самостоятельный Музей этнографии ГДР, издающий, как говорилось выше, свои периодические сообщения и ученые записки. Поскольку «Baessler Archiv» — музейное издание, он значительно больше насыщен иллюстративным материалом, чем упомянутые выше журналы.

Одним из первых журналов по этнографии и антропологии, однако носящим преимущественно региональный характер, является журнал Японского антропологического общества при Токийском университете «Journal of the Anthropological Society of Japan» («Дзинрун-гаку-дзасси»), выходящий с 1865 г. раз в квартал на японском языке. В последнее время журнал начал публиковать на своих страницах материалы не только по Японии, но и по соседним странам бассейна Тихого океана (издание снабжено резюме на английском языке). Вместе с тем с появлением в начале 40-х годов нового японского издания — ежеквартального журнала Японской этнологической ассоциации «The Journal of Japanese Ethnology» («Миндзоку-гаку-кенкю») этнографическая тематика стала представляться в основном в новом журнале, а в университетском издании начали печатать преимущественно статьи по археологии и физической антропологии.

С 1961 г. один раз в четыре месяца издается новый журнал французских этнографов «Человек» («L'Homme»). Он является обзором французской антропологии и выпускает его Высшая практическая школа Сорбонны в Париже. Это теоретический и методический журнал французских этнографов, на страницах которого освещаются общие и региональные проблемы этнографии. В состав редколлегии очень долго входил один из основоположников структурализма Клод Леви-Стросс.

Начиная с 1960 г. в Дрездене и Берлине Институтом немецкой этнографии Академии наук ГДР издавался два раза в год на немецком языке международный информационный орган по этнографии и фольклору — журнал «Demos». «Демос» имел международную редколлегию, в которую входили представители социалистических стран Европы, включая СССР. Журнал ставил своей задачей доведение оперативной информации о достижениях этнографии и фольклористики в этих странах, прежде всего по общетеоретическим и региональным европей-

ским проблемам, до специалистов, а также и широкого круга читателей.

На особое место среди всех этнографических журналов мира претендует издаваемый Чикагским университетом уже упоминавшийся журнал «Current anthropology». Он выпускается на средства Веннер-Греновского фонда для антропологических исследований. «Current anthropology» — не просто журнал, а своеобразная ассоциация этнографов мира — авторов и читателей, призванная направлять развитие этнографической науки и вообще наук о человеке и его обществе.

В одном из официальных документов относительно «Current anthropology» заместитель редактора писал: «„Current anthropology“ — всемирный журнал наук о человеке... Редактируемый Солом Таксом и субсидируемый фондом Веннер-Грена для антропологических исследований, он представляет важнейший эксперимент. Строго говоря, „Current anthropology“ — это не журнал, скорее всего это публикация относительно участия значительного числа ученых, известных как ассоциация, которые объединяются друг с другом различными путями и чьим решением является создание содружества». Не менее определенно о «Current anthropology» говорит его основатель Сол Такс: «„Current anthropology“ объединяет две идеи — мирового журнала и мирового содружества ученых»⁷. Общий тираж журнала, который начал выходить в сентябре 1959 г., а с 1960 г. выходил раз в два месяца на английском языке, достигает сегодня 8 тыс. экземпляров. Он рассылается на средства Веннер-Греновского фонда и членские взносы ассоциации «Current anthropology» практически во все страны мира не только членам ассоциации, но и отдельным ученым, не входящим в нее. Претендуя на мировое представительство, журнал представляет страницы ученым из стран Восточной Европы, оставаясь по существу американским изданием.

Журнал имеет три раздела: статьи, в которых публикуются исследования по теоретическим проблемам общей и региональной этнографии; рекомендательные материалы — статьи по методическим вопросам, обзоры и новости научной жизни и этнографических достижений. Удачной представляется подача дискуссионных материалов. Прежде чем дискуссионная статья будет опубликована в журнале, ее текст размножают и рассылают на отзыв ведущим специалистам разных стран. Редакция получает письменные отзывы-отклики на статью и знакомит с ними автора. Автор готовит ответ на замечания оппонентов. В самом журнале материалы по дискуссионной теме появляются в таком порядке: текст дискуссионной статьи, замечания многочисленных оппонентов по ней и ответ на них автора статьи. Все появляется в одном и том же номере, и это, несомненно,

⁷ Current anthropology. Chicago. № 1, 1959. P. 3.

удобно для читателя. Такой метод не раз применялся и «Советской этнографией». Редакция американского журнала не высказывает никаких суждений, оставаясь беспристрастной. В «Current anthropology» публиковались интересные статьи по конкретным проблемам этнической истории, а также оперативные информационные материалы о деятельности этнографов во всех странах мира. В последнем своем качестве журнал весьма полезен.

Как выработался за многие десятилетия тип этнографического журнала, так за такое же время сложился и тип отдельного этнографического издания. Большинство отдельных публикаций по этнографическим проблемам можно подразделить на два распространенных типа — монографические, описательные и аналитические, или сравнительные, труды. Тип монографии, дающей описание конкретного этноса или его подразделений, широко распространен как в СССР, так и за рубежом. Такая монография может брать за исходное сам этнос или поселение, страну, регион. К подобным трудам относятся многотомная серия «Народы мира», изданная Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, монографии Е. А. Алексеенко «Кеты», Ч. Ч. Таксами «Нивхи», А. В. Хомич «Ненцы» и многих других советских этнографов. Среди работ зарубежных исследователей можно отметить, например, монографии Б. Спенсера и Ф. Гиллена «Арунда», Рашми Десаи «Индийцы-эмигранты в Британии», Р. Реттрея «Ашанти», А. Дзя «Гавайи и их население» и т. п. Обычно изложение в подобных описаниях строится так: географическая характеристика, численность и расселение этноса, род занятий, материальная и духовная культура, социальные и семейные отношения.

В этом виде трудов могут быть монографии по определенной теме, например, одежда, жилище, семья и брак и т. п. у конкретного этноса.

Аналитический, или сравнительный, тип этнографической публикации предполагает анализ определенного этнографического сюжета или этнической истории этноса в соотношении с аналогичными явлениями другого или других народов. Подобного типа исследования известны еще со второй половины XIX в. и широко распространены в наши дни. К ним относятся труды Э. Тэйлора «Первобытная культура», Л. Моргана «Древнее общество», Д. Фрэзера «Золотая ветвь», М. О. Косвена «Матриархат», С. А. Токарева «Религия в истории народов мира», Ю. В. Арутюняна «Социальная структура сельского населения СССР», А. Хэддона «Охотники за головами. Черные, белые и коричневые» и многие другие исследования советских и зарубежных авторов.

Среди трудов по этнографии особую группу составляют учебные, методические и, конечно, теоретические публикации. К последним относятся те исследования, которые

касаются самой методологии этнографии и ее предмета (например, труды К. Леви-Стросса «Структурная антропология», Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» и т. п.).

Учитывая обилие печатной информации по различным отраслям знаний, в том числе и по этнографии, следует постоянно обращаться ко всякого рода реферативным, справочным и особенно библиографическим изданиям, которые помогут ориентироваться в журнальных и книжных фондах. Ценным пособием являются библиографические экспресс-информации библиотеки им. В. И. Ленина и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, публикации ВИНТИ, а также издаваемая ежегодно в Париже «Международная библиография по социальной и культурной антропологии», внутри которой выходит «Основная советская литература по этнографии, народному искусству и фольклору».

Глава III

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

В журналах и изданиях по этнографии читатель встретится с такими словами и понятиями, которые толкуются иначе, чем в обыденной речи. Эти термины, применяемые в этнографии, позволяют специалистам достаточно точно выразить свою мысль. В век дифференциации и интеграции наук проблема терминологии становится достаточно серьезной, так как термин, перенесенный в иную научную область, может толковаться в ней совершенно иначе, чем прежде. Повышение общей культуры людей, их глубокое или поверхностное знакомство с различными специальными дисциплинами создают иллюзию всезнайства, что также может привести к неправильному пониманию или использованию при характеристике этнографических проблем того или иного термина. Сказанное делает необходимым обзор терминов — понятийного аппарата, применяемого советскими этнографами¹. Большинство их используется в том же толковании и зарубежными этнографами.

Понятийный аппарат этнографии касается всех сфер жизни человеческого общества — социальной организации, семейно-брачных отношений, материальной и духовной культуры. Часть терминов имеет общенаучное значение, и их следует рассмотреть отдельно и прежде всего.

¹ Советскими и немецкими (ГДР) этнографами начата в 1986 г. публикация предварительных материалов подготавливаемого совместными усилиями «Свода этнографических понятий и терминов». В 1986 г. в издательстве «Наука» в Москве вышел первый том — «Социально-экономические отношения и соционормативная культура», в 1988 г. — второй том — «Этнография и смежные дисциплины; этнографические субдисциплины; школы и направления». Эти издания следует использовать в дополнение к настоящему пособию.

Этнографы широко пользуются терминологией, заимствованной из истории, антропологии, лингвистики, философии, географии, а также понятиями, пришедшими от древних античных авторов и из современной политической прессы. К таким понятиям относится выделяемая особо группа общенаучных терминов. Вот некоторые из них, употребляемые наиболее часто.

Раса — в антропологии группа людей, выделяемая на основании их родства по происхождению, которая имеет внешние проявления во многом сходных физических признаков и общность древних и современных территорий. Хотя в антропологии распределение по расам имеет своеобразный иерархический порядок, т. е. различаются расы первого и производные от них второго порядка, а также промежуточные или контактные звенья, справедливо отделение основных рас (или рас первого порядка). В формировании этих рас, которое закончилось в эпоху верхнего палеолита (40—16 тыс. лет тому назад), решающую роль сыграла адаптация живого организма к окружающей физико-географической среде.

Основные расы в результате приспособления выработали те ведущие внешние признаки, по которым прежде делили все народы мира на «белых», «черных» и «желтых», или на три основные расы: европеоидную, экваториальную (негро-австралоидную) и монголоидную. В последнее время некоторые советские антропологи считают необходимым из указанных трех рас выделить на одном с ними уровне еще две расы — американоидную (из монголоидной) и австралоидную (отделив ее от негро-австралоидной или выделив из экваториальной). Есть также предложения считать исходными две расы — афро-европейскую и афро-азиатскую.

Таким образом, образование основных рас и разграничительных признаков между ними можно рассматривать прежде всего как результат биологического, естественного развития (социально-исторический аспект, конечно, не отвергается, но в то же время не играет такой роли, как в последующем), обусловленного расселением человечества по Земле.

Собственно расообразование, т. е. изменение физических признаков групп людей, которые передаются по наследству, продолжается и в наши дни, но уже в этот период решающую роль играют не адаптивные, а социально-исторические процессы, выражающиеся в изменении хозяйственной деятельности, усилении этнических контактов, приводящих к смешению, т. е. метисации. Этнография преимущественно имеет дело не с самими расами как таковыми, а с группами людей, чьи физические особенности являются результатом исторических контактов раз-

личных рас и их подразделений. Такие группы людей называются в антропологии *антропологическими типами*.

К широко употребляемому в этнографии и смежных с нею науках термину «культура», толкование его многозначно и зависит от сферы применения. Наиболее общее философское определение — *культура* означает все то, что создано человеком в отличие от того, что создано всем остальным, «некультура» соответствует латинскому *cultura*, переводимому как «возделывание, обрабатывание». С течением времени под культурой стали понимать определенный уровень технических достижений, социальной организации, развития письменной литературы и искусства и т. п. Так родилось расистское противопоставление западноевропейских «культурных» (наследников достижений античных Рима и Греции) народов всем остальным, «некультурным», «малокультурным» или «природным» народам.

В этнографии общепонятное понятие «культура», учитывая, что целенаправленная (т. е. культурная) деятельность человеческих коллективов совершается в определенную историческую эпоху и в конкретных физико-географических условиях, трактуется как совокупность выработанных данным этносом явлений и объектов материальной и духовной жизни, являющихся его спецификой, находящей отражение в языке и отличающей один этнос от другого. Подобная трактовка отвергает иерархию культур и тем самым расистское противопоставление одних этносов другим.

Этнографы различают материальную и духовную культуры. *Материальная культура* — объекты (предметы, вещи), материально существующие в пространстве в определенные временные периоды, как-то: орудия труда, жилище и хозяйственные постройки, пища (сюда же входят культурные растения и домашние животные), одежда и украшения, средства транспорта и связи. *Духовная культура* — выработанная коллективным разумом людей вся система производственных навыков, народных знаний, традиций и обычаев (связанных с хозяйственной, социальной и семейной жизнью человека), различных видов искусств, народного творчества, религиозных представлений и верований, которая передается как обязательная информация от поколения к поколению через рассказ или показ, через существующие формы воспитания.

Генезис (от греч. γένεσις — рождение, происхождение, источник) в этнографии применяется для выявления истоков и происхождения самих этносов, а также явлений и объектов культуры. Например, в обычной этнографической практике рассматривается этногенез — происхождение какого-то народа — этноса, генезис типа орудия труда или жилища, происхождение (генезис) определенного свадебного обряда или культа.

Из лингвистики в этнографию пришел термин *языковая семья*, который играет существенную роль в этнографической

классификации народов мира и означает родство языков по их происхождению.

Автохтонность, автохтонный (от греч. αὐτόχθων — местный, коренной) — принадлежащий по происхождению данной территории, местный, коренной по происхождению. В греческих памятниках автохтонами назывались также первопоселенцы данной страны или ее древнейшее население. Греческому автохтону соответствует древнеримское *aborigen* (от начала, изначальный), которое означало «коренной обитатель данной страны», «издревле живущий в данной местности». В зарубежной этнографии оба понятия широко распространены, но первое чаще всего употребляется в прилагательной к явлениям культуры или этносам форме («автохтонное население», «автохтонный обычай»), второе — в основном значении: местный, коренной житель. В советской этнографии термин «абориген» и производные от него понятия встречаются редко, так как считается, что «абориген» соотносим с существовавшим в дореволюционной литературе термином «туземец» (житель этой земли), имевшим унижительный оттенок. С русским словом «туземец» в классово антагонистическом обществе, где утверждалось неравноправие народов, произошло то же, что с такими словами, как «иноходец» (человек из другого по происхождению рода) или «иногородний» (человек, пришедший из другой местности), которые первоначально лишь отделяли своих от чужих, а затем противопоставляли их и в конце концов обрели презрительную интонацию. Поскольку общественная практика не избавила указанные термины от наслоений прежних эпох, советские этнографы избегают их употребления, пользуясь для характеристики описательным понятием — коренной или местный житель, пришелец, пришлое население.

Философы определяют понятие «быт» как одну из важнейших сфер жизни общества, охватывающую все существование людей вне их производственной и общественно-политической деятельности. Они считают ее материальной и культурной средой, в которой происходит удовлетворение потребностей в жилище, пище, одежде, развлечениях, состоянии здоровья и т. п. Даже из такой обобщенной характеристики видно, сколь значителен быт для этнографии и сколь важен этнографический аспект в его определении. Такое толкование дано Н. Н. и И. А. Чебоксаровыми, которые под бытом понимают «специфические формы поведения людей в их повседневной жизни, т. е. в постоянно стабильно возникающих в течение дня, года, жизни ситуациях, а также взаимоотношения, складывающиеся при этом между людьми, способы использования ими предметов, служащих для удовлетворения их материальных и духовных потребностей». В этнографии, таким образом, различается производственный, общественный, семейный, домашний быт. Возникая в пределах конкретной группы людей, быт неизбежно несет

этническую специфику и является важнейшим объектом этнографического исследования.

В 50-х годах XX столетия в связи с необходимостью детального изучения всего этнического состава мира, выявления общего и частного в его специфике, советскими исследователями М. Г. Левиным, Н. Н. Чебоксаровым были введены два понятия, получившие широкое распространение, — «хозяйственно-культурный тип» и «историко-культурная (историко-этнографическая) область».

Хозяйственно-культурный тип — определенный комплекс особенностей хозяйства и культуры, складывающийся у различных народов, находящихся на одном уровне социально-экономического развития и в сходных естественногеографических условиях. К одному хозяйственно-культурному типу могут относиться различные по происхождению народы, в то время как родственные этносы могут быть представителями разных типов. Выделение хозяйственно-культурных типов основано на объективных данных и способствует правильному установлению исторической закономерности развития хозяйства и культуры человечества.

Под *историко-культурной (историко-этнографической) областью* понимается территория, у населения которой на основе социально-экономической общности, длительных связей и взаимовлияний возникли сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности. Историко-культурная область чаще всего выделяется при научном исследовании как объективно удобная форма первоначальной группировки материала.

Имея дело с этносами или этническими общностями, этнография показала картину исторической эволюции от одного типа общности к другой, дав этническим объединениям людей на определенном этапе исторического развития особое название. Общепринятыми являются: племя, народность (народ), нация, этнографическая группа, национальное меньшинство.

Племя — первая этническая общность в истории человечества, возникшая после эпохи первобытного стада в доклассовом обществе, обладавшая наибольшей устойчивостью и четким единством входивших в него членов по происхождению, культуре, языку и историческим судьбам. Племя можно назвать естественноисторической общностью.

Народность — первая этническая общность классового общества, возникшая на основе смешения и слияния различных племен, объединенных не только по кровнородственным признакам, но и по территориально-соседским. В сплочении людей в народность решающую роль играют хозяйственно-культурные отношения, а в классово-антагонистическом обществе — вся система эксплуатации большинства населения господствующим меньшинством, включая государственные структуры. Понятие «народность» появилось в советской исторической литературе в 40-х годах XX в., оно не имеет прямого аналога у зарубежных

авторов, где этническая общность классового общества обычно называется народом. В последние годы в советской этнографии (В. И. Козлов) высказывается соображение о замене термина «народность» термином «народ», как имеющим давнюю историческую тенденцию при определении этнической общности классового общества. *Народность (народ)* — историческая общность, существующая в различных районах Земли во все периоды классового общества наряду с другими этническими общностями. В советской науке употребляется понятие «социалистическая народность» — этническая общность эпохи социализма. Следует учесть, что одновременное существование терминов «народность» и «нация» порождает представление о некой иерархии самих этих общностей, что может быть понято как неравноправие.

Нация — на сегодняшний день высшая форма этнической общности людей, исторически сложившаяся в эпоху капитализма или социализма на базе слияния ранних форм родственных и неродственных этнических общностей (племен, народностей). Дискуссии по национальному вопросу последних лет еще раз убеждают, что наиболее приемлемым остается определение, в котором подчеркивается, что нация является устойчивой общностью людей, исторически сложившейся на основе общности экономической жизни, территории, языка и психического склада, проявляющейся в общности культуры.

Историческое развитие этнических общностей таково, что первоначальное дробление человеческих коллективов на обособленные племена в условиях изменения хозяйственной деятельности, установления межэтнических контактов на базе этой деятельности сменяется тенденцией к формированию крупных этнических объединений, в которых происходят смешения и консолидация однородных и разнородных этнических элементов. Такая тенденция в последние десятилетия признавалась ведущей, она считалась особенно характерной для нашей страны. Происходило волевое подталкивание к слиянию народов в ущерб их самостоятельному развитию.

В процессе этнической истории случалось и так, что часть какого-то этноса (этнической общности) то ли на путях его переселения, то ли в процессе слияния его с другими оказывалась отделенной от основного ядра и развивалась самостоятельно, сохраняя свое этническое единство. Такие специфические по своей культуре и происхождению группы людей, обособленные от окружающего этнического массива народностей или наций, называются этнографическими группами. Подобные группы Ю. В. Бромлей предложил называть «этникосами». Следовательно, этнографическая группа — тоже специфическая этническая общность, к ней можно отнести тюркоязычных гагаузов в Болгарии, ираноязычных ирани в Узбекистане, маньчжуроязычных ороков на Сахалине и т. п. Этнографическую

группу нельзя смешивать с национальными меньшинствами, являющимися частью этнической общности нации за пределами ее основного обитания. Указанные этнические общности являются основными, но между ними возможны какие-то переходные типы.

Достаточно определенно по этому поводу высказался С. А. Токарев, предложивший для периода рабовладельческой формации применять термин «*демос*» как обозначение этнической общности, включающей рабовладельческую аристократию и родственных ей по происхождению, но неимущих свободных, т. е. собственно демос античного мира. Из демоса как общности исключаются рабы, чаще всего представлявшие лиц иного этнического происхождения. Этническую общность феодального периода С. А. Токарев называл народностью, из которой исключался господствующий класс, нередко представлявший чуждый основному населению этнос. С. А. Токареву принадлежит понятие *номовая общность* (от греч. νομός — область, округ, провинция) как переходная этническая общность от доклассового типа к классовому, когда начинают преобладать не кровные, а территориальные связи. Нечто подобное, но соотношенное с доклассовой эпохой, предлагает предусмотреть Н. Н. Чебоксаров, который считает, что в период родового строя основными этносами были не племена, а группы родственных племен. Так как Н. Н. Чебоксаров в подтверждение своего вывода ссылается на известные в истории объединения (союзы) племен прокезов, криков и других народов, возникшие уже в период разложения доклассового общества, то установленный им основной этнос доклассовой эпохи скорее всего совпадает с переходной номовой общностью С. А. Токарева.

Человеческие коллективы формируются и группируются не только по этническим признакам, но и по роду деятельности, по принадлежности к определенному классу, к государственному образованию, т. е. возможны и существуют экономические, классовые, политические и т. д. общности людей. С развитием общества этнические образования вступают в разные связи с социальными структурами, что приводит к возникновению некоего сплава этнической и социальной общностей. Некоторые советские исследователи (например, Ю. В. Бромлей) предлагают в типологизации этнических общностей выделить новые понятия: 1) этнос в узком смысле слова — этникос (от греч. ἐθνικός — народный, созданный народом) — как некую постоянную субстанцию, свойственную частям этноса, даже живущим в разных социальных средах (например, украинцы Канады и СССР имеют некоторые общие культурные черты в языке, быту — единый этникос) и 2) этносоциальную или этнополитическую общность (этносоциальный организм — ЭСО), характерной чертой которой является сопряженность с государством. Здесь, по Ю. В. Бромлею, ЭСО выступает всегда как общность

классового общества, а этникос присутствует и в доклассовом, и в классовом обществе, где он может находиться в различных государственно-политических объединениях.

Введение этих и им подобных новых терминов вряд ли облегчает понимание сложности этнических процессов, не дает ощущения логической разницы между этносом и этникосом, с одной стороны, и ЭСО, этнополитической общностью, с интернациональной, или социально-политической общностью, — с другой. Конструирование новой терминологии, возможно, вызвано той объективной исторической ситуацией, при которой этническая история не предусматривает прямого перехода от естественно-исторической общности — племени к народности, от народности к нации, от нации к супернации. Этническая история предполагает существование каких-то промежуточных и именно этносоциальных, этнополитических образований как условий для возникновения новой этнической общности, отличающейся от ЭСО устойчивостью и завершенностью. Любые промежуточные объединения групп людей то ли при переходе от доклассовой эпохи, то ли внутри классовой эпохи и ее переходе к бесклассовой не могут рассматриваться как определенные типы этнических общностей и подменить собой традиционную триаду: племя, народ, нация.

В литературе встречается термин *этническая группа*, которая иногда рассматривается как некая переходная форма этнической общности. Более правильно понимать под ним научно-методическую конструкцию для общей по происхождению, языку и культуре группы людей, которую можно соотнести с понятиями «племя», «народность», но которая может характеризовать и такой этап этнического развития, когда нельзя дать (из-за отсутствия соответствующих материалов) достаточно точное определение. Чаще всего этот термин применяется для характеристики общностей, сошедших с исторической арены.

Большая группа общенаучных терминов используется этнографией при характеристике этнической истории, проблем истории мировой культуры. Многие из них заимствованы из биологии, социологии.

Ойкумена (от греч. *οἰκουμένη* — обитаемая земля, земля, мир) означает заселенную человеком часть земной поверхности.

Этническая территория — место формирования данного этноса, зона обитания его основной части. Довольно часто этническая территория не совпадает с государственной границей.

В Азии, Америке, Европе и Океании много районов, где государственные границы пересекают и отделяют этническую территорию, что способствует сохранению острых межнациональных проблем (яркий пример — этническая территория курдов входит в пределы четырех государств).

Миграция (от лат. *migratio* — переселение) — передвижение этнических групп в пределах этнической территории.

переселение их в другие районы. В зарубежной этнографии термин «миграция» часто прилагается к культуре, и в таком случае миграционные процессы могут рассматриваться как вторжение населения или культур в чуждую этническую и культурную область.

Широко употребляемые для определения характера этнических процессов понятия «интеграция», «консолидация», «ассимиляция» означают как бы последовательные стадии таких процессов. Все термины взяты из латинского языка (использование наукой в терминологии греческого или латинского языков объясняется их независимостью от современной разговорной речи).

Интеграция (букв. «объединение в целое каких-либо частей») характеризует процесс установления этнических культурных контактов разнородных этносов в пределах одной социально-политической общности (например, формирование в СССР у разных этносов быта, традиций и т. д.). *Консолидация* — процесс (по В. И. Козлову) слияния относительно самостоятельных народов и их крупных подразделений, обычно родственных по языку и культуре, в единую этническую общность (напр., теленгитов, челканцев, кумандинцев, телеутов и др. в алтайский народ). *Ассимиляция* (также по В. И. Козлову) — процесс этнического взаимодействия уже сформировавшихся этносов, значительно различающихся по происхождению, культуре и языку в результате которого представители одного этноса усваивают язык и культуру другого и полностью утрачивают прежнюю этническую принадлежность.

Ассимиляция бывает естественная (добровольная) и насильственная, последняя сопровождается национальным угнетением одного народа другим, на котором и базируется так называемая «ассимиляторская политика».

В зарубежной (особенно американской) этнографии, где глубинные этнические процессы нередко исследуются лишь как различной степени контакты культур (культура, как принято считать в зарубежной этнографии, имеет независимое от социально-экономической жизни происхождение и нередко играет роль субъекта в истории народов), возникла соответствующая этой концепции терминология, встречающаяся и в советской этнографической литературе. В основном она взята, также из латинского языка.

Аккомодация, или *адаптация* (приспособление, приноровление) — приспособление людей к жизни в новой этнической среде или прилаживание этой среды к ним для взаимного сосуществования и взаимодействия в экономической и социальной сферах. Оба термина широко применяются в биологических науках.

Акультурация — процесс взаимопроникновения культур, в результате которого происходит изменение их первоначальных мо-

делей. Зачастую в зарубежной этнографии аккультурация является синонимом европеизации, т. е. означает процесс распространения у народов Азии, Африки, Америки и Океании элементов европейской культуры, форм хозяйства, социальных институтов.

Из западноевропейской социологии и этнографии пришел термин «урбанизация» (от лат. urbanus — городской), обозначавший тенденцию сосредоточения промышленности и населения в крупных городах. В этнографической литературе урбанизация теперь определяет процесс стирания культурных различий между городом и деревней в результате повсеместного распространения стандартного типа городской культуры.

Из современной политической прессы в этнографическую литературу пришел термин «трейбализм», «трайбализм» (от англ. tribe — племя), характеризующий этническую ситуацию в молодых государствах Африки и Азии, где существовавшая при колониальном режиме племенная обособленность сохраняется в настоящее время, оказывая влияние на процессы консолидации и порождая межплеменные противоречия. В политической прессе трейбализм используется как синоним национализма.

В социальной психологии широко применяется понятие «стереотип» (от греч. στερεός — твердый, τύπος — отпечаток), которое в этнографии стало широко применяться при характеристике выработанных в пределах этнической общности норм поведения, устойчивых во времени, передаваемых от поколения к поколению и закреплённых повседневной практикой. Обычно говорят: этнический стереотип, культурный стереотип.

Этнография способна по элементам культуры, как материальной, так и духовной, восстанавливать прошлую историю человеческих коллективов и пользуется общезвестными понятиями «обряд», «обычай», «пережиток», «традиция», вкладывая в них несколько специализированное содержание.

Обряд — действие (церемония), имеющее регламентацию, связанное с важнейшими событиями социальной, семейной и духовной (в том числе религиозной) жизни этноса.

Обычай — установленное правило поведения в данной этнической общности. Употребляются сочетания: похоронный обряд, свадебный обряд, но: обычай гостеприимства, обычай усыновления.

Пережиток — явление, чуждое современному состоянию общественной и культурной жизни, являющееся наследием пройденных ступеней культуры, которое сохраняется членами данной этнической общности по привычке или из подражания. Пережитки довольно часто могут быть остатками древних обрядов и обычаев, игравших некогда важную роль в жизни общества.

Традиция (от лат. traditio — передача) — явление материальной или духовной культуры, социальной или семейной жизни, сознательно передающееся от поколения к поколению с целью

поддержания жизни этноса. В результате целенаправленной деятельности людей возникают новые элементы культуры социальных организмов, так называемые *инновации* (от лат. *innovatio* — обновление), которые намеренно сохраняются и наследуются в пределах этноса. Инновация становится традицией. В ранней истории человечества традиции были чрезвычайно устойчивы, так как появление инноваций из-за низкого уровня развития хозяйственной деятельности было ограничено. В наше время ситуация резко изменилась, обновление мира ведет к разрушению многих традиций, к сожалению, не только отживших, но и прогрессивных, выдержавших испытание тысячелетней практикой человечества.

Перечисление общенаучных терминов, используемых в этнографической литературе, может быть продолжено, но составление терминологического словаря не является задачей пособия. В этой связи необходимо перейти к той группе понятий, которые связаны с конкретной тематикой этнографических исследований. Далее будет дано толкование либо самых распространенных, либо необходимых для элементарной ориентировки в специальной проблематике терминов.

ТЕРМИНЫ ИЗ ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Для второй половины XX в. характерны дискуссии, касающиеся важнейших проблем истории доклассового общества. Дискутировались проблемы периодизации, определение социальной ячейки, место матриархата (или материнского рода), переходного периода от доклассового общества к классовому. В дискуссиях приняли участие многие советские этнографы: С. П. Толстов, Ю. В. Бромлей, Д. А. Ольдерогге, М. О. Косвен, Н. А. Бутинов, Ю. И. Семенов, Ю. П. Аверкиева, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, Н. Н. Чебоксаров, В. Р. Кабо, Л. А. Файнберг, М. В. Крюков и др. Нельзя сказать, что спор породил истину, но зато позиции стали более определенными.

Необходимость пересмотра прежних положений, особенно периодизации доклассовой истории, предложил Л. Морганом (дикость, варварство, цивилизация), которая основывалась на определенном наборе предметов материальной культуры, форм семьи, была вызвана несоответствием новых этнографических данных моргановской схеме, что и предвидел Ф. Энгельс. Представление о матриархате как о периоде социально-политического господства женщины не подтверждалось реальными фактами. Обязательность вступления в брак за пределами своего рода и поселение в роде жены или мужа (случаи раздельного поселения супругов не были зафиксированы и выводились как гипотетические) свидетельствовали о том, что члены одного рода никогда не могли вместе вести хозяйство. Необ-

ходимо было найти какую-то иную социально-экономическую ячейку доклассового общества, близкую по своей структуре определяющим явлениям классовых формаций. Преобладание патриархальных элементов в культурно отсталых обществах (австралийские аборигены, калифорнийские индейцы и т. п.), считавшихся эталоном самых ранних этапов человеческой истории, ставило под сомнение изначальность и глобальную распространенность материнского рода, который путали с патриархатом. Наконец, появление в период патриархата, самостоятельного периода доклассовой эпохи, элементов раннеклассового общества потребовало определения его места в общей периодизации человеческой истории.

В связи с этими проблемами, чтобы не возвращаться к обоснованию определенной точки зрения при характеристике терминов, затрагивающих дискуссионные сюжеты доклассового общества, очевидно, следует высказать некоторые соображения. В ходе дискуссии почему-то редко обращались к весьма важному наблюдению Ф. Энгельса, на основании которого им был сделан вывод о двух видах производства: «С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода... Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»².

При низком уровне производства в доклассовом обществе сам человек как часть производительных сил представлял огромную ценность, и второй вид производства имел равное с первым, если не большее значение. В ту эпоху, чтобы добыть материальные блага, человек должен был стать членом какого-то коллектива, так как и труд, и собственность на средства производства, и полученный продукт были общими. Зависящий от коллектива индивидум воспринимал эту зависимость как естественное состояние и не задумывался о ее сущности. Что же объединяло данный коллектив, имеющий данную общую собственность? Территория? Несомненно, так как люди не жили в безвоздушном пространстве. Совместный труд? Несомненно, как следствие производственной деятельности людей. Коллективы, существовавшие в условиях отсутствия классов, сословного и классово-сословного неравенства, не могли конструироваться иначе, чем по естественным признакам, т. е. по родственным отношениям.

Выражением последних и явился род, который, будучи институтом, регулирующим половые взаимоотношения в коллективах, связанных кровным родством, образовывал основу общественного порядка большинства (исключением, возможно,

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 26.

являлись все изолированные народы, в том числе австралийские аборигены, индейцы Калифорнии и другие, социальное развитие которых пошло иным путем, в стороне от столбовой дороги истории человечества) народов Старого и Нового Света доклассовой эпохи. Род, таким образом, является основной социальной ячейкой доклассового общества, он конструировал коллективы людей, определяя и их совместный труд, и их общую собственность.

В родовой структуре на первое место выступают родственные отношения, что затрудняет восприятие рода в качестве социально-экономической ячейки, даже при наличии таких его важных экономических функций, как родовая взаимопомощь и наследование только в его пределах. Ф. Энгельс, рассматривая род как социальную ячейку доклассового общества, обращая внимание на существование и «коммунистического домашнего хозяйства», и «домашних общин», знал о выделении К. Марксом доклассовой «арханческой общины». Вместе с тем Ф. Энгельс, говоря об осуществлении родом экзогамии, при которой в хозяйственной деятельности родового коллектива всегда будут участвовать лица из других родов (пришедшие в него по браку), никогда не передавал общине прерогатив рода как основной социально-организующей системы общества. Пересмотр подобного положения и фактически, и теоретически не оправдан. На самом же деле любой член общины прежде всего должен был быть членом определенного рода. Регулируя браки, род кому-то позволял стать сообщинником, а кому-то — нет. Более того, наследственные права члена рода, а также право на родовую взаимопомощь определялись не его реальным вкладом в хозяйство своего рода, так как он мог хозяйствовать (учитывая экзогамию) и в пределах другого рода, а исключительно его родовой принадлежностью. В доклассовом обществе сложилась такая ситуация, которая предопределила решающую структурную роль рода в самом существовании этого общества. Община или иные близкие ей структуры были лишь формой хозяйствования коллективов, сформированных по родовым признакам, а внутри рода по парным, не имеющим самостоятельного экономического статуса семьям. Когда, по образному выражению Ф. Энгельса, семья «поднялась» против рода, т. е. когда она стала моногамной, социально и экономически независимой, она взорвала родовую систему, дав простор качественно иным отношениям — классовым³.

По какой линии могли строиться родственные отношения в таком естественным путем образованном обществе? Таких линий всего две — материнская или отцовская, или более корректно (учитывая таинство рождения) — женская и мужская. В семейно-брачных отношениях в эпоху тысячелетней истории

³ См.: там же. Т. 19. С. 400—421; Т. 21. С. 69, 162.

доклассового общества реально осязаемыми были связи по материнской линии, родственные отношения и строились по ней, и естественным, первоначальным оставался род, основанный на признании родства по матери, т. е. материнский род. Чем же тогда могла быть вызвана потребность переменить счет родства с материнского на отцовский? Вряд ли альтруистическим желанием отцов иметь права на своих детей. Для подобного «пересчета» нужны были экономические основания, т. е. такая экономическая возможность, которая позволила бы из общего коллектива членов рода, обладавших равными возможностями и правами, выделить детей, имевших исключительное право на имущество или другие социально-экономические привилегии отца. Иными словами, нужен был такой этап общественного развития, когда среди прежде равноправных членов сообщества возникает имущественное неравенство, т. е. когда наступает конец доклассовой эпохи и начинается классовая история.

Рассмотренные выше существенные функции рода не имеют прямых параллелей в различных классовых формациях, поэтому ставится под сомнение справедливость соотношения так называемой первобытнообщинной формации с формациями классового общества. Ни по продолжительности, ни по характеру производственных отношений доклассовая эпоха не может быть сопоставлена с рабовладением, феодализмом или капитализмом. Ее параллелью, но на наивысшем уровне развития человеческого общества является бесклассовая эпоха — эпоха коммунизма. Недаром В. И. Ленин называл доклассовое общество первобытным коммунизмом, а Ф. Энгельс свое исследование «Происхождение семьи, частной собственности и государства» завершил цитатой из Моргана, что общество, идущее на смену капитализму, «будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов»⁴.

Таковы некоторые предварительные замечания к группе приводимых далее понятий из области социальной жизни.

Матриархат (сочетание лат. *mater* — мать и греч. *ἀρχή* — власть, букв. «власть матери») понимается как «господство женщины». Имеется в виду такой период в истории человечества, когда женщины стояли на вершине социальной структуры и из них выбирались вожди. Такое обычное представление, кроме легендарных сообщений античных авторов об амазонках, не соответствует этнографическим данным. В современной этнографии под матриархатом понимается период господства материнского рода, в котором общественная значимость людей и их права определялись родством по женской (материнской) линии. Исполнителями власти рода и племени были чаще всего мужчины — члены данного рода по женской линии.

⁴ Там же. Т. 21. С. 178.

Патриархат (от греч. πατήρ — отец) чаще всего понимается как «господство мужчин». В этнографии это период перехода от доклассового общества к классовому, характерный конституированием рода по отцовской линии родства при сохранении пережитков материнского рода (матриархата). Хронологически период возникновения патриархата совпадает с отделением скотоводства от земледелия для многих народов, но, учитывая разнообразие хозяйственной деятельности людей, точнее будет определять время возникновения патриархата появившейся экономической потребностью пересчета с материнской линии родства на отцовскую. Патриархат в равной степени (как любая переходная форма) может быть и последней стадией доклассовой и начальной стадией классовой эпохи.

Род — основная социальная ячейка доклассового общества. Союз кровных родственников, ведущих свое происхождение от общего предка. В античном мире русскому слову «род» соответствовал термин «генс», отсюда понятие *гентильный*, *гентильная организация* — родовой, родовая организация.

Материнский род — союз кровных родственников, связанных родством по линии матери. *Отцовский род* — союз кровных родственников, связанных родством по линии отца. В западноевропейской литературе синонимом отцовского рода является термин «клан» — так называлась отцовско-родовая организация у шотландцев.

Экзогамия (от греч. ἔξω — снаружи, вне и γάμος — брак, букв. «брак вовне») — существенный признак рода. Неукоснительное соблюдение принципа экзогамии сыграло важную роль в хозяйственной и семейно-брачной жизни членов рода. *Эндогамия* (от греч. ἔνδον — внутри и γάμος — брак, букв. «брак внутри») — важный признак племени не только как первой этнической общности, но и как высшей формы социальной организации доклассовой эпохи.

Д. А. Ольдерогге высказал весьма оригинальную мысль о том, что экзогамии предшествовала форма обязательно-предпочтительного брака, которую он назвал *эпигамией* (от греч. ἐπίγαμία — смешанный брак). Эпигамия, по мнению Д. А. Ольдерогге, устанавливала отношения взаимопомощи и защиты, а также обязательства взаимных браков между двумя первобытными группами, что имело своим естественным результатом как экзогамию (запрет браков в своей группе), так и эндогамию, (обязательства брака в пределах двух или большего числа дружественных групп).

Племя, осуществляя эндогамию, было высшей макроструктурой, объединявшей и этнически, и хозяйственно микроструктуры — рода, находившиеся в силу экзогамии именно внутри племени в постоянных связях по двум видам производства.

Фратрия (от греч. φρατρία) — подразделение племени, объединяющее несколько взаимобрачных родов, которые большей ча-

стью произошли первоначально из одного рода. Самая первичная форма племени — сочленение по крайней мере двух родов. Иногда термин «фратрия» ошибочно применяется как аналог рода. Учитывая факт неперемещения действия экзогамии, Н. А. Бутинов предложил выделить внутри рода особую микроструктуру — *родовое ядро*, сплоченную группу кровных родственников, противостоящих пришельцам в род по браку.

Так как в результате брака часть членов рода всегда находится вне рода, то род осуществляет свою хозяйственную деятельность через особую форму хозяйствования — *общину*. Возникшая в доклассовую эпоху коллективная форма хозяйствования — община претерпевала в своем развитии те же изменения, которые были характерны и для истории человеческого общества. Первичная форма общины, названная К. Марксом «первобытной, или арханческой, общиной», отражает характер, присущий всему доклассовому обществу коллективного производства и коллективной собственности на средства производства и продукты труда. Такая община строится по родственному признаку (кровному или по браку), и в советской этнографии ее именуют также *родовой общиной*. Появление имущественного неравенства, разрушение исключительности кровнородственных связей и возникновение связей территориальных привели к преобразованию родовой общины в *сельскую*, или *земледельческую* (по К. Марксу), которая уже характеризуется дуализмом собственности — коллективной собственностью на землю, угодья, пастбища и частной собственностью отдельных семей на все средства производства. Семьи владеют участками пахотной земли или пастбищ, выделяемыми общиной, и сами распоряжаются произведенным продуктом. В таком виде сельская община, возникшая на заре классового общества, дожила в ряде стран до наших дней. Традиции сельской общины были свойственны дореволюционной русской деревне⁵. Так как подобные сельской общине социальные структуры существовали фактически у всех народов и не только у земледельцев и жителей сел, то в советской этнографии появились термины, аналогичные термину «сельская община»: *соседская община* (подчеркнуты территориальные связи), *кочевая община* (у скотоводов), *деревенская община*, *аульная община*, *аильная община* (по типу поселений — деревня, аул, айл) и т. п.

Сложность и неоднородность условий общественного развития при переходе от доклассовой к классовой эпохе неизбежно должны были породить какие-то промежуточные формы общины. Такими общинами, не отличающимися по своему основному содержанию — дуализму собственности, но в структуре которых родственные связи еще преобладают над территориальными,

⁵ Там же. Т. 19. С. 400—421.

являются *семейно-родовая, соседско-большесемейная* и подобные им общины.

Длительное сохранение родственных связей отражалось на формировании отдельных социальных структур классового общества, существенной чертой которых была группировка выделившихся из рода родственных семей. К числу таких формирований относится большая семья — группа родственников, связанных общим хозяйством, имеющая своего главу и включающая в себя представителей нескольких поколений. М. О. Косвен в 1931 г. предложил термин «*патронимия*», который толковался им как группа больших или малых семей, образовавшихся в результате разрастания и разделения одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое (т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи) наименование. Патронимия, как и род, экзогамна. В зарубежной этнографии синонимом патронимии является *линедж* (от англ. lineage — преемственная связь, родство). Тенденция к созданию новых терминов, соотносимых со структурами, не отличающимися по своему содержанию и функциональному назначению от уже известных типов, к сожалению, чрезвычайно распространена, хотя и не всегда оправдана.

Союз племен — временное объединение родственных или соседствующих племен, образованное прежде всего для отражения угрозы нападения врага. В ряде случаев союзы племен, возникшие в оборонительных целях, продолжали свое существование, но уже в социально-экономических интересах входивших в них племен (ирокезская лига, конфедерация криков и др.). Обычно после устранения военной угрозы союзы распадались. Союзы племен возникли в период перехода к классовому обществу, который получил название периода военной демократии, когда наряду с обычным выборным вождем возрастает социальная роль военачальников, избираемых демократическим путем членами племени или совета племен. Эти союзы можно считать претечкой государства, а их военных предводителей — праобразом королевской, княжеской власти.

Род и племя как социальные организмы требовали своего, особого управления, и поскольку их функции были различны, для наименования главы рода и племени следует использовать различные термины.

В конце XX в. сложилось особое направление в науке — *потестарная* (от лат. potestas — власть) *этнография*, которая изучает традиционные отношения власти и властвования в доклассовых и раннеклассовых общественных организациях. В зарубежной науке аналогом этой субдисциплины является *политическая этнография*, исследующая все институты *вождества*, начиная с родовых.

Старейшина — выборный глава рода, часто совмещающий духовные и светские функции. Он следит за строгим соблюдением традиций и обычаев рода, представляет интересы рода и племени.

Старец — особо почетное лицо старшего поколения в роде, хранитель и толкователь родовых традиций.

Вождь — высшее выборное лицо в племени или союзе племен. Функции вождя племени — руководство хозяйственной деятельностью, разрешение межродовых споров, отстаивание интересов племени во вне, руководство военным делом. Светские и военные функции племенного вождя в период военной демократии, как правило, делились между двумя равноправными выборными вождями. Необходимо еще раз подчеркнуть, что вождь представлял светскую власть, а старейшина — и светскую, и духовную, по крайней мере до той поры, пока в родовом коллективе не появилось особое сословие жрецов, или шаманов. За редким исключением, в доклассовом обществе культы носили не племенной, а родовой характер.

Одной из важных проблем потестарной этнографии продолжает оставаться проблема власти как бы порученной коллективом и власти вставшего над коллективом (от имени коллектива). Л. Е. Куббель видел в этой проблеме различие между *лидером* и *вождем*. Лидер был человеком, выделившимся по индивидуальным, личным способностям и опыту. Он и превращался в вождя, т. е. лидера более или менее постоянного, не «привязанного» по своему положению к той или иной потребности коллектива. «Не стоит забывать, — подчеркивал Куббель, — о том, что выдвижение фигуры индивидуального вождя бывало, как общее правило, неразрывно соединено со складыванием привилегированного положения в обществе и той группе, к которой этот вождь принадлежал по происхождению»⁶.

Совет рода, или *родовой совет*, — собрание всех равноправных членов рода или старцев для решения важных дел, связанных с жизнью данного коллектива.

Совет племени, или *племенной совет*, — собрание старейшин родов племени для решения хозяйственных дел или межродовых отношений, а также общее собрание всех полноправных членов племени по экстраординарным поводам (война, переселение, стихийное бедствие и т. п.).

В жизни доклассового общества важную роль играла *инициация* (от лат. *initiation* — совершение таинств) — повсеместно распространенный обряд посвящения юношей и девушек (обычный возраст — 12—15 лет, иногда и более) в полноправные члены рода, переход в группу взрослых, сопровождавшийся

⁶ Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1985. С. 98.

нередко ритуальным пролитием собственной крови. Формы инициации у разных народов различны, но общественный смысл один и тот же. У иудеев инициация называется бармице, у индусских брахманов вторым рождением считается день получения белого шнура — символа касты, у мусульман совершеннолетие не имеет особой регламентации, если не считать обязательности соблюдения поста в рамазан. Современные религии восприняли инициационный обряд — причастие, конфирмация у христиан и др. Социальные институты прошлого строились, опираясь на *обычное право* — традиционный народный правопорядок, регулирующий взаимоотношения между человеком и обществом в конкретном этническом коллективе.

Своеобразными социальными институтами у некоторых народов явились *тайные союзы*, возникшие как религиозные межродовые, позднее межэтнические секты, но в дальнейшем превратившиеся в организации, преследующие социально-политические цели в противовес племенной или другой официальной власти, а также *мужские дома*, бывшие первоначально местом поселения мужчин, пришедших в род по браку, и ставшие позднее общественной структурой, отстаивающей интересы чужеродцев в роде их жен.

В этнографии часто употребляются понятия: *половозрастно-деление* — отражающее первоначальное общественное разделение коллектива людей в хозяйственной и социальной жизни по полу и возрасту; *сословие* — означающее группу лиц, связанных наследственной профессией и особым (чаще юридически закрепленным) положением в обществе; *каста* (лат. *kastus* — чистый) — являющаяся замкнутой эндогамной общественной группой, со своими установлениями и обычаями, наследственной профессией и осознанием общего происхождения; *знак собственности* (иногда употребляют термин «*тамга*»; пришедший в русский язык из тюркских языков), характеризующий специальную мету на предметах или другом имуществе (например, на скоте), принадлежащем роду или отдельному его члену.

Происхождение той организации, которую называют кастой, до сих пор остается невыясненным. Многие характерные ее черты и особенно названия в такой классической кастовой стране, как Индия, указывают на происхождение каст из древних племен.

ТЕРМИНЫ ИЗ ОБЛАСТИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В этом параграфе будут раскрыты сами понятия и уточнена правильность их использования в современной науке, так как за очень редким исключением существование определяемых ими явлений не подвергается сомнению. Само понятие *семейно-*

брачные отношения означает комплекс обычаев и обрядов, отражающий формы брака и формы семьи. *Брак* — оформленный обычным правом, или законом, союз мужчины и женщины для полового сожителства в классовом обществе, порождающий права и обязанности супругов по отношению друг к другу и потомству. *Семья* — форма сожителства брачной пары для самовоспроизводства, в классовом обществе самостоятельная социально-экономическая ячейка в наиболее распространенной моногамной форме (моногамная семья). *Брачные нормы* — допускаемый традицией или законом порядок, по которому регулируется соединение брачащихся.

Формы брака — характер соединения брачных пар. Так, в этнографии различаются: брак *умыканием* — кража невесты с согласия или без согласия ее самой или ее родителей; брак *выкупом* (калымный брак) — плата за невесту ее семье в денежной или товарной форме; тот же характер носит брак *отработкой* — жених работает в хозяйстве родителей невесты определенный срок и только по истечении его имеет право вступить в брак. Вероятно, правы те исследователи, которые связывают возникновение указанных форм с периодом отцовского рода, где и калым, и отработка были своеобразной искупительной ценой отцовской родовой организации за лишение материнского рода прежних прав, так как потомство, рожденное женщиной, теперь будет принадлежать роду отца, а не матери. Представлена точка зрения, согласно которой брак умыканием явился своеобразной неагивной реакцией на требование чрезмерного калыма, что также не лишено логики. Брак *посещением* — форма сожителства при расселении супругов в разных родах или, что вероятнее всего, при поселении супруга не в доме жены, а в специальном мужском доме. *Гостевой брак* — вариантная форма *группового* брака, при которой гость, принадлежащий к одному возрастному классу и роду с хозяином, имеет право на сожителство с его женой. Есть и другие формы брака, но основной, охватывающей практически весь период доклассового общества, формой был *групповой* брак — не регламентированное временное или постоянное половое сожителство пар, принадлежащих к одному возрастному классу, при обязательном соблюдении принципов экзогамии.

Длительность существования именно группового брака как наиболее характерной формы в доклассовом обществе подтверждается сохранением его пережитков в раннеклассовых античных обществах и у многих современных народов Азии, Африки и Океании. Типичными пережитками группового брака были *сатурналии* в Древнем Риме — праздники в честь Сатурна, приуроченные к окончанию полевых работ, во время которых не только допускалось, но даже было обязательным половое общение между представителями различных родов. Такой же точно характер носят *лунные танцы* современных мьяо и яо в Азии. Пережитком группового брака является и *гетеризм*

(греч. *ἑταῖρα* — подруга, любовница), который Ф. Энгельс определял как необходимую искупительную жертву женщины за право принадлежать одному мужчине, в доклассовую эпоху обязанной принадлежать всем мужчинам, могущим вступить с ней в брак⁷.

Дома молодежи — своеобразные постройки у некоторых народов Юго-Восточной Азии, где свободно встречаются юноши и девушки из разных родов по достижении совершеннолетия, также являются пережитками группового брака.

Для классового общества характерен *моногамный* брак, но известны и *полигамия* (греч. *πολύς* — многочисленный и *γάμος* — брак), понимаемая как многоженство (классический пример — гарем), и *полиандрия* (греч. *πολύς* — много и *ἀνὴρ* — муж) — многомужество (распространено в Тибете). Существуют так называемые предпочтительные или обязательные формы брака, например, *ортокузенный* брак (от греч. *ὀρθή* — прямой и фр. *cousin* — двоюродный брат) — брак между двоюродными и троюродными братьями и сестрами по отцовской линии; *кросскузенный брак* — перекрестно-двоюродный брак, т. е. брак между лицами, принадлежащими к одному поколению взаимобрачных родов; *сорорат* (от лат. *soror* — сестра) — брак с несколькими сестрами одновременно, т. е. в дальнейшем обязанность или возможность жениться на сестре умершей жены; *левират* (от лат. *levir* — брат мужа) — брак с вдовой брата; право или обязанность вдовы выйти замуж за брата умершего мужа.

Известный по классическим этнографическим работам XIX в. *промискуитет* (от лат. *promiscuus* — смешанный, всеобщий; беспорядочное половое сожительство) современной этнографией как своеобразная форма брака на самых ранних этапах истории человечества (эпоха первобытного стада) не признается, ибо явление подобного типа не характерно и для высших классов животных.

Формы семьи — специфическая регламентация соединения брачных пар. Хотя этнографии известны, начиная с XIX в., в том числе по трудам Ф. Энгельса, такие соотносимые с доклассовой эпохой формы семьи, как кровнородственная, турано-ганованская, малайская (гавайская, или семья пунулуа), парная семья, в настоящее время признана лишь последняя. Термины «турано-ганованская» и «малайская» («гавайская») оказались связаны не столько с формами семьи, сколько с характеристикой родственных отношений внутри других семей. Термин «семья пунулуа» Ф. Энгельс в последнем издании труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства» заменил на понятие «групповой брак». Существование кровнородственной семьи, сочлененной с промискуитетом, ставится

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 54.

под сомнение по тем же причинам, что и существование самого промискуитета.

Парная семья — нестабильное соединение пар для сожительства и воспроизводства себе подобных, наиболее соответствующее групповому браку и отражающее несамостоятельность семьи в условиях родового общества. *Индивидуальная семья* (малая семья) — в условиях отцовского рода долговременное сожительство, носящее признаки социального противостояния родовой организации. *Моногамная семья* — социально-экономическая ячейка классового общества. Когда в буржуазной этнографии идет речь об извечности семьи как социального института, то говорят именно о моногамной семье.

Семейно-брачные отношения дают много примеров, свидетельствующих о когда-то происшедшем переходе от материнского рода к отцовскому. Эти явления отражены в следующих принятых в этнографии понятиях: *кувада* (от фр. *couvade* — высиживание яиц) — специальный обряд, связанный с имитацией мужжиной акта рождения ребенка, попытка утвердить естественные права на детей (мужчина имитирует родовые схватки, ложится в постель роженицы, принимает поздравления с благополучным для него исходом родов и т. п.); *травестизм* (от фр. *travestir* — переодевать) — обычай «перемены пола», когда мужчина отрекался от своего пола, носил женскую одежду, исполнял женскую работу; *авункулат* (от лат. *avunculus* — дядя со стороны матери) — система особых отношений между дядей со стороны матери и его племянником, когда брат матери считается более ответственным за воспитание племянника и его жизненную судьбу, чем родной отец; *аталичество* (от тюркск. воспитатель) — особый вид авункулата, воспитание детей в чужой семье. Указанные обычаи существовали и существуют в патриархальных обществах.

Из других терминов в данном разделе отметим: *побратимство* — обязательство, заключенное мужчинами различного происхождения, об установлении родственных отношений, скрепленное кровью или сожительством с одной женщиной; *усыновление (удочерение)* — прием в род, семью человека другого происхождения и предоставление ему полных прав кровного родственника; *система родства* — отношения между людьми по родству, по происхождению; *система свойства* — отношения между людьми по браку; *линейность (филиация)* — линия, по которой ведется счет родства (возможны *матрилинейность* — по матери, *патрилинейность* — по отцу, *билинейность* — по матери и отцу одновременно); *локальность* — место поселения брачных пар (варианты могут быть такие: *матрилокальность* — в материнском роде, *патрилокальность* — в роде отца, *билокальность* — поочередное поселение в роде отца и матери, *авункулокальность* — у брата матери мужа, *неолокальность* — супруги селятся отдельно от родителей, *дислокальность* — супруги живут каждый в своем

родовом поселении, такой случай гипотетичен); *трехродовой союз* — союз трех родов, осуществляющих брачные связи между собой по кольцевому типу — род А отдает мужчин в род В, род В в род С, род С в род А. *Имя* — наименование рода, прилагаемое к прозвищу члена рода, наследственное, имеющее социально-правовое значение; *фамилия* — семейное имя, прозвище семьи, в современном значении появилось в России не ранее трех столетий тому назад.

В приведенной группе особое внимание следует обратить на систему родства, изучению которой большое значение придавал еще Л. Морган, обративший внимание на то обстоятельство, что терминология в системе родства отражает социальные позиции родственников и что сама действующая система архаичнее обслуживаемого ею общества. Последний вывод дал этнографам надежный источник для реконструкции ушедших форм семейно-брачных отношений и социальных структур. Д. А. Ольдерогге считал, что системы родства прошли три этапа и отражали три больших периода человеческой истории — родовой строй (ему соответствует турано-ганованская система), период патриархата, как переход к классовому обществу и раннеклассовое общество (к нему относится малайская система), классовое общество (к нему относятся системы, отражающие господство малой, моногамной семьи). Помимо такого деления систем родства, было принято деление на классификационную систему, соответствующую родовому строю, и описательную систему, соотносимую с классовым обществом. Такое деление, как достаточно убедительно показал М. В. Крюков (1972 г.), признается ошибочным, сконструированным на основе несопоставимых элементов. М. В. Крюков предлагает различать системы родства по их этническим наименованиям, выделяя особо те из них, которые были типичными для многих этносов.

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ ИЗ ОБЛАСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В этнографии хозяйственная деятельность народа — этноса является началом начал, так как от ее характера зависит формирование всех сторон культуры и социальной жизни. Этнографы различают *основные* занятия, дающие средства существования данной этнической общности, и *подсобные* занятия — трудовую деятельность отдельных групп этноса, постоянно или многих, в свободное от основных занятий время (различные промыслы, изготовление одежды, утвари, орудий труда и т. п.). Исторически основными занятиями на самых ранних этапах развития являются собирательство, охота, рыболовство, на последующем этапе — земледелие, скотоводство, а также в порядке исключения из общего правила для отдельных этносов в Индии.

Китае, на Кавказе, в Америке, Африке и других районах земли — ремесло. В современном обществе промышленное производство также является основным занятием.

Самые ранние формы основных занятий — собирательство, охота и рыболовство как подсобные сохраняются у многих этносов и до настоящего времени. Земледелие подразделяется по способам обработки почвы на *подсечно-огневое* (вырубка деревьев и кустарников на участке и сжигание их для удобрения почвы золой), *переложное* (другое название первого типа, связанное с необходимостью через определенное время забросить участок и перейти на новый), *ручное* (обработка ведется примитивными орудиями — палкой-копалкой, колом, кетменем и т. д.), *мотыжное* (вариант ручного, обработка земли производится с помощью широко распространенного орудия труда — мотыги), *пашенное*, или *плужное*. Различаются еще и такие виды земледелия, как *орошаемое*, *поливное*, *заливное* (распространено в рисоводческих странах, где рассаду риса высаживают на поле, залитое водой) и богарное (условное название для разведения сельскохозяйственных культур на сухих землях).

В скотоводстве особо выделяются коневодство, верблюдоводство и оленеводство, занятия, которые дают средства существования многим этносам. Среди ремесел кузнечество как деятельность, связанная с огнем, считавшимся священной жизненной силой, имело особое социальное значение. У некоторых африканских и других народов кузнецы фактически существовали вне коллектива, хотя коллектив пользовался их услугами.

Промысел — занятие населения в свободное от основных работ время. Следует иметь в виду, что пушной промысел, широко распространенный в циркумполярной области мира, стал основным занятием народов Севера лишь с проникновением товарно-денежных отношений, до этого их основным занятием была охота на крупных мясных животных или оленеводство.

Расселение этноса или его подразделений на ограниченном пространстве в специальных постройках, сооружениях называется *поселением*. Поселения могут быть постоянными и временными, сельскими и городскими. *Жилище* — специальная постройка или сооружение для обитания и защиты от стихийных явлений. В этнографии различаются сезонные жилища по времени года (зимние и летние, иначе зимники, летники); временные (промысловые) — шалаши, навесы, укрытия; передвижные — у кочевых народов кибитки и переносные — также у народов, чей образ жизни связан с частой переменой места обитания — юрта, чум, вигвам, шатер, палатка и т. п.; постоянные жилища, сооружаемые в долговременных поселениях (дом, изба, сакля и т. п.). По расположению относительно земной поверхности жилища подразделяются на наземные (шалаш, дом, чум, яранга, юрта и т. д.), подземные (нора, яма, землянка, полужемлянка), свайные (основания жилища на сваях), воздушные (соору-

жения на деревьях). Жилища при описаниях различаются по конструктивным особенностям, по материалу, идущему на постройку, и т. д. (например — каркасно-столбовое, глинобитное и т. п.).

Пища — основа питания данного этноса. Состав пищи — мясная, рыбная, молочная, растительная — имеет хозяйственно-культурную специфику, а порядок приема пищи (определенное время в течение дня для приема пищи, очередность блюд) отражает установившиеся в данной этнической группе наиболее рациональные правила. Этнографы выделяют пищу ритуальную (связана с отправлением религиозных культов) и традиционную (употребляется во время важнейших событий жизненного цикла, например на свадьбе, во время инициации и т. п.), которую иногда называют праздничной пищей. Запрет употреблять в пищу по религиозным или подобным мотивам определенные продукты, соблюдаемый в пределах этнической группы постоянно или временно, входит в понятие *пищевые запреты*.

Процесс питания в большинстве случаев связан с применением утвари — специальной посуды (глиняной, кожаной, деревянной, металлической, стеклянной), предназначенной для приготовления и приема пищи. Особое значение имеет погребальная утварь, которая кладется в могилу или на могилу и должна, по представлениям совершающих такой обряд, служить умершему в загробной жизни.

При описании материальной культуры, особенно когда ставится задача изучения этногенетических проблем, существенное внимание уделяется одежде, так как в ее традиционном составе, материале, оформлении, покрое находит отражение этническая специфика. *Одежда* — специальное средство защиты человеческого тела. Одежда бывает повседневная, праздничная, обрядовая. К последней относится одеяние священнослужителей, специальные платья, надеваемые при исполнении различных обрядовых действий.

По общему виду одежда делится на глухую (без разрезов спереди, одевается через голову, характерна для северных районов) и распашную, наиболее широко распространенную. По расположению на человеческом теле различают одежду нательную (одета на голое тело), верхнюю (одета поверх нательной), плечевую (укрепляется на плечах — халаты, куртки и т. д.), поясную (укрепляется на поясе — штаны, юбки), набедренную (укрепляется на бедрах; характерна как единственная форма одежды в тропических странах, например, набедренная повязка, пояса стыдливости, передники).

Покрой одежды зависит от материала, а при изготовлении из ткани — от ширины ее. Выделяется одежда трех типов покроя — цельнокроенная (из одной шкуры или целого куска материи), туникообразная (узкое полотно перекинута через плечо и рукава вшиты у плеча) и кимонообразная (широкое полотно, дающее возможность кроить плечо вместе с рукавом или

частью рукава). Несомненную этническую специфику может нести и запах одежды — расположение полок относительно друг друга в распахнутом типе. Полы могут сходиться посередине, такую одежду называют либо прямозастежной, либо — с прямым разрезом; левая пола может находить на правую — левополая на левую — правополая одежда, или одежда с правым запахом. Любопытно, например, что в каменных тюркских изваяниях подчеркнута такая специфика расположения полок, отличающая тюрков от монголов или китайцев.

Учитывая, что одежда есть средство защиты тела, а, по представлениям людей доклассовой эпохи, тело должно быть защищено от злых духов и могло быть защищено символами рода (родовыми знаками, иными отличительными признаками, как, например, родовое различие мяо передавалось в одежде через специфический цвет ткани для людей одного рода), этнография в общей теме «одежда» рассматривает различные украшения на голом теле и типы причесок. К украшениям относятся *татуировки, нашейные украшения* (гривны, кольца, ожерелья), *ручные и ножные браслеты, кольца, повязки*.

Этнографы в разделе материальной культуры изучают также традиционные виды транспорта и связи. Под *транспортом* понимаются средства передвижения людей и грузов, в которые входят различного вида колесные конструкции, традиционные приспособления типа волокуш, выюков, коромысел, носилок, паланкинов, корзин и т. д. Под *связью* — традиционные системы передачи сигналов и сообщений как для экстраординарного (появление врага, угрозы стихийного бедствия, эпидемии), так и обыденного (счет поколениям, удостоверение общественных полномочий, начала фискальных помет) случаев.

К традиционным видам связи относятся сигнальные костры, узелковое письмо, зарубки и засечки на деревьях или специальных предметах; язык жестов, пиктография и т. п.

ОСНОВНЫЕ ТЕРМИНЫ ИЗ ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сфера духовной жизни народа издавна привлекает внимание исследователей, представляющих различные отрасли знаний. Поэтому количество специальных терминов, приводимых в их работах для характеристики определенных явлений культуры, например описания религиозной обрядности или народного творчества, столь велико и многозначно, что в данном учебном пособии следует не только остановиться на рассмотрении абсолютно общих и, следовательно, наиболее часто используемых этнографами понятий, но и давать им толкования, освещая только этнографическую спецификацию. Подобный подход вполне правомерен, если учесть наличие изданных

в последнее время и у нас и за рубежом энциклопедических, философских, религиозных, литературоведческих, искусствоведческих и подобных им словарей. Таким образом, обычные, «словарные» значения терминов в ряде случаев останутся за пределами изложения.

Изучая духовную жизнь народа в ее историческом развитии, этнограф, естественно, имеет дело с различными системами иррациональных, фантастических, мистических взглядов на окружающую природу, человека и общество. Давая описания, он вынужден пользоваться определенной терминологией, выработанной до него и нередко наполняемой сегодня новым содержанием. Ниже даются понятия и их этнографическое осмысление.

Верования — отдельные или относительно систематизированные представления, отражающие веру человека в существование сверхъестественных сил и существ, и их влияние на судьбы его и связанных с ним людей. *Религия*, помимо известного классического определения как формы общественного сознания, выражающей бессилие первобытного человека перед непонятными и подавляющими его стихиями природы и социальными силами, должна быть еще определена и как стройная система взглядов, отражающая веру человека в существование сверхъестественного существа (бога) и имеющая внешнее проявление в специальных атрибутах, сооружениях. Памятуя о том, что Л. Фейербах по мысли К. Маркса, сводит религиозный мир к его земной основе и что во всех известных религиозных системах в мире богов существуют подобная земной социальная иерархия и неравенство, правомерно говорить о том, что проекция земного бытия на небесное или подземное царство была возможна лишь при уже сложившихся в человеческом обществе социальных институтах⁸. Иными словами, время возникновения религии (особо подчеркнем — как стройной системы взглядов, иерархичной по своей сути, а не как проявления любой формы веры в сверхъестественное) должно быть связано с появлением социального неравенства в коллективах людей. Вот почему, чтобы различать ложные представления людей доклассовой и классовой эпох, этнографы стараются употреблять для первой понятие «верование» как более общее и исходное, для второй — «религия», подчеркивая этносоциальные различия между мировыми и полисными религиями.

Понятие «мировая религия» в настоящее время широко используется и, как подчеркивает С. А. Токарев (в его интересном исследовании «Религия в истории народов мира» приводится много определений и терминологических толкований различных сторон духовной жизни народов), относится только к трем религиям — христианству, исламу и буддизму. Эти религии объединяет не только их стремление увести своих адептов от

⁸ См.: там же. Т. 3. С. 2.

активной борьбы за преобразование жизни в мир иллюзорных надежд на потустороннее лучшее будущее, но и провозглашение хотя бы формального социального и национального равенства последователей религии перед высшим существом — богом.

При изучении духовной культуры важно подчеркнуть именно то, что христианином, буддистом или мусульманином может стать представитель любой этнической группы, что и объясняет широкое распространение мировых религий по земному шару в различных этнических средах. Напротив, другие религии (несмотря на число их приверженцев), к которым относятся иудаизм, индуизм, синтоизм, даосизм, религии Древнего Египта, доколумбовые религии Центральной и Южной Америки, джайнизм, сикхизм и др., имеют четко выраженную этническую окраску, распространены в пределах конкретного этноса, становятся господствующими среди прочих религий такого же типа, только с политическим возвышением этноса (так, возвышение ацтеков и образование ацтекской державы привело к утверждению господствующего положения ацтекских богов и к низвержению богов подчиненных ацтекам этносов, хотя в пределах этих этносов люди поклонялись своим, а не ацтекским богам). Эти религии, возникающие в период формирования классового общества на базе прежних племенных верований, когда, как правило, их приверженцем нельзя стать, а надо родиться (сионистский принцип и сегодня провозглашает, что иудеем является рожденный иудейкой), называются *полисными* религиями. Указанные различия между двумя типами религиозных систем показывают, что мировые религии в большей степени предмет изучения религиоведов, в то время как полисные — этнографов.

Дорелигиозные верования — понятие, употребляемое в ряде этнографических работ с учетом указанных выше различий между верованиями и религиями для характеристики комплекса иррациональных представлений этнической группы, сложившегося до распространения здесь прежде всего мировых религий. Так употребляются понятия *дохристианские верования*, *доисламские верования*, *добуддийские верования*. К этой категории можно отнести и *адат* — систему обычного права народа, признанную исламом, которая противостоит *шариату* — своду религиозных, бытовых, уголовных и гражданских законов, основанных на установлениях Корана.

Распространена группа терминов, которые используются для характеристики верований доклассовой эпохи. *Тотемизм* (от слова «тотем» индейского племени оджибве Северной Америки, которое означает «его род») — вера человека в родственную связь с представителями животного или растительного мира, иногда с неодушевленной природой (камни, горы, реки), а также в то, что такой представитель является предком их рода.

В этнографии было распространено предположение о связи тотемизма с периодом материнского рода, а также о тотемизме как племенной религии (Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова). Чебоксаровы считают, что проявлениями тотемизма (его главными элементами) являются магия, фетишизм и анимизм.

Магия (от лат. *magia* — колдовство, чародейство) — вера человека в способность сверхъестественными средствами оказывать влияние на естественный ход событий, на материальные предметы или на другого человека. По своему функциональному назначению магия имеет массу наименований — охотничья, производственная, любовная, лечебная, вредоносная, родовспомогательная и др. По общей направленности магия справедливо подразделяется на *заразительную* (имеющую цель принудить подвергающийся воздействию объект совершить то действие или оказаться в том состоянии, которого ожидает исполнитель магического действия) и *охранительную* (цель которой — защита индивидуума или коллектива от любого магического воздействия врага или нежелательных действий внешних сил). Иногда эти два типа называют черной и белой магией. По характеру исполнения магических обрядов магические действия могут быть индивидуальными и коллективными.

Фетишизм (от португ. *abretas* — амулет) — поклонение неодушевленным предметам, которые наделялись сверхъестественной силой, способной оказать помощь поклоняющимся им. Вариантом фетишизма является *идолопоклонство*. Поклонение фетишу, т. е. самому материальному предмету, первоначально никак не связывалось с присутствием в нем особого духа (одушевление фетишей пришло позднее), и фетишами становились, как правило, необычные по своей форме предметы (камни, сучья, части животного и т. п.).

Анимизм (от лат. *anima* — душа) — одушевление, наделение сверхъестественной душой всех вещей, сил и явлений природы. В таком значении анимистические представления так или иначе присутствуют в первобытных верованиях и во всех религиях. Э. Тэйлор, который в прошлом веке ввел это понятие в науку, рассматривал анимизм как «минимум религии», как начальную стадию религии вообще. В советской этнографии анимизм рассматривается не в тэйлоровской трактовке, а в трактовке Г. В. Плеханова, считавшего анимизм необходимым элементом религии, религиозных представлений вообще.

Сказанное достаточно отчетливо показывает, что по своей сути доклассовые верования не столь однозначны, как считают Чебоксаровы, и представляют собой сочетание во всевозможных комбинациях и тотемизма, и анимизма, и магии, и фетишизма, и анимализма (зоолатрии) — поклонения животным, и астральных, или солярных, культов (поклонение небесным светилам)

и аграрных культов (в более поздние периоды доклассового общества) и т. п.

Шаманство (от тунгусо-маньчжурского наименования особого культового служителя «самань») — одна из форм верований в доклассовую эпоху, вера человека в возможность с помощью особых ритуальных действий, совершаемых специальным лицом — *шаманом*, установить контакт с мнимыми духами для оказания ими помощи при лечении болезней, охоте, рыбной ловле, в благополучном странствии по потустороннему миру и т. д. Шаманство широко распространено у народов Сибири и Севера, встречается (судя по археологическим данным и древним письменным памятникам) у многих народов Старого Света в позднепалеолитическую и неолитическую эпохи, а также в период становления классового общества.

Шаманизм — система религиозных воззрений, имеющая свое внешнее оформление и сходную у многих этносов социальную роль. В настоящее время некоторые исследователи считают шаманизм самой ранней формой религии, синхронной периоду возникновения классового общества и имеющей глобальное распространение; другая точка зрения состоит в следующем: шаманизм лишь форма религии зарождающегося классового общества, свойственная исключительно народам Сибири и Севера.

Камлание — специальное действо, совершаемое шаманом для установления «контакта» с духами.

Перевоплощение — принятие человеком любого образа с помощью специальных действий или предметов. Перевоплощение широко распространено в ритуальных действиях, связанных с почитанием тотемистических предков, животных, с *культом умерших* (обрядовое действо, имевшее целью защиту живых от возможного злого влияния духа умершего родственника), *культом предков* (обрядовое действо, характеризующееся почитанием реального предка данной этнической группы или семейной общины, возникшее в период перехода от доклассового общества к классовому и связанное с патриархально-родовой структурой) и т. д.

Бог — иллюзорный объект веры во всех классовых религиях, верховное существо, влияющее на судьбу людей, могущество которого может быть употреблено как на пользу, так и во вред верующим. В сознании верующего бог, как правило, существо положительное, поэтому терминологическое употребление его не должно быть смешано с понятием *духов* — сверхъестественных существ, обычно исполнителей воли богов, подразделяемых на добрых и злых.

Священные места и объекты — особопочитаемые данным этносом места и материальные объекты на местности как зоны обитания или сферы действия предков или духов. Выделение таких мест и объектов связано с анимистическими, тотемисти-

ческими представлениями, с культом умерших и предков. *Могила* — специально подготовленная яма для индивидуального (реже двойного или более) погребения. *Моги́льник* — система отдельных могил, обычно имеющая этническую специфику (место погребения членов данной этнической группы). *Сопроводительный инвентарь* — утварь, орудия труда, одежда, оружие, пища и тому подобные предметы, положенные в могилу или на могилу. *Погребальные обряды* — совокупность действий, связанных с погребением умершего члена рода или семьи и носящих устойчивый традиционный характер.

Табу (из полинезийских языков) — запрет, налагаемый традицией, священнослужителями или властвующими на предметы, действия, слова, имена, нарушение которого неминуемо жестоко (болезнью, смертью) преследуется сверхъестественными существами, духами, богами. *Табуация* — действие, связанное с наложением табу.

Жертвоприношение — обряд приношения даров богам, духам, предкам — семьи, рода, племени. В раннеклассовых религиях выделяется особая группа лиц — *жречество*, которая берет на себя исполнение жертвоприношений, благодаря чему становится важной социальной силой.

С духовной культурой народов связаны многочисленные положительные знания об окружающей природе. Сумму таких положительных знаний в этнографии называют *народными знаниями*, к ним относятся астрономические, агротехнические, метеорологические, гидрографические, зоотехнические и тому подобные наблюдения.

Специальным разделом в этнографическом описании выделяют народные *игры*, имевшие не развлекательный, а социальный характер, поскольку они были связаны с передачей производственных навыков, initiationными и семейно-брачными обрядами, физической закалкой и выносливостью. Этнографами по социальному значению различаются: детские, юношеские, девичьи, взрослые и обрядовые игры. Игры — существенная часть народных праздников, традиционных развлечений и гуляний, приуроченных к крупным производственным и социальным циклам.

В зарубежной этнографии понятие «*фольклор*» включает все и всякое народное искусство и творчество, и иногда его употребляют как синоним этнографии. Советские этнографы рассматривают фольклор в узком смысле — как устное поэтическое творчество, но признают и широкое толкование в таких сочетаниях, как музыкальный фольклор, танцевальный фольклор, выделяя, однако, народную живопись, скульптуру, графику, орнамент в понятие прикладного искусства. В разнообразии типов орнамента основными являются геометрический, растительный и зоо(антропо)морфный (изображения животных и людей).

Таков далеко не полный понятийный аппарат этнографической науки. Наличие рассмотренных выше специфических терминов — свидетельство собственной научной кодификации в этнографии, стремление добиться максимального приближения к однозначному толкованию их. Однако сколько бы ни было простых и сложных толкований, всегда следует помнить о бытовой и научной многозначности таких понятий, как «культура», «племя», «народ», «религия».

Глава IV

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТНОСОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Ведущим методом сбора этнографических данных является метод непосредственного наблюдения. Однако учитывая принадлежность этнографии к историческим наукам, этнографическим источником могут быть как полевые (экспедиционные) материалы, так и факты, собранные смежными гуманитарными и общественными науками.

Наиболее полные и ценные этнографические материалы были добыты методом экспедиционного исследования, который получил название стационарного. Он связан с длительным пребыванием и вживанием в исследуемую этническую среду. Причем срок стационарной работы должен быть не менее этнографического года, который выдающимся советским этнографом В. Г. Богоразом определялся на два-три месяца больше, чем календарный год. Увеличение срока работы на два-три месяца приходится на период первичного знакомства и адаптацию к новым условиям, после чего этнограф наблюдает жизнь этнической общности или ее части во все временные периоды годичного цикла.

Более плодотворным является любое увеличение срока пребывания в изучаемом коллективе. Недаром история этнографии особо отмечает выдающиеся заслуги американца Льюиса Моргана, длительное время прожившего среди ирокезов и даже принятого ими в родовую организацию, и русского Н. Н. Миклухо-Маклая, жившего несколько лет среди папуасов Новой Гвинеи. Стационарный метод полевых исследований, имеющий то неоспоримое преимущество, что этнограф становится соучастником повседневной жизни народа, сохраняет свое значение и в наши дни, хотя распространен не так широко, как прежде. В настоящее время в этнографии преобладает срочный, или сезонный, выезд для полевых исследований, который нередко совмещается с маршрутным, имеющим целью охватить возможно большее число поселений или большую этническую территорию в отведен-

ный срок. Подобный характер полевых исследований дает оперативный материал, он наиболее плодотворен при решении конкретной, а не монографической проблемы, однако страдает существенными изъянами. Так, «срочный» («сезонный») выезд обычно планируется на наиболее удобный для исследователя период работы в поле, а следовательно, исключает наблюдение жизни этноса в межсезонный (для тропиков — период дождей, для севера — время полярной ночи) период.

Сочетание ограниченных сроков с установленным маршрутом лишает этнографа возможности детально вникать в сложные сюжеты социального и семейного быта, а при вероятных языковых затруднениях создает угрозу случайного отбора данных. Очевидно, что при «срочной» методике вероятность наблюдения таких значительных для социально-культурной характеристики этноса явлений, как свадьба, похороны, инициация, неизмеримо мала и сведения о них могут быть собраны лишь путем опроса. Следует заметить, что недостаточность опросной информации породила, правда, лишь в среде социологов, представления о правомерности постановки эксперимента, т. е. искусственного воссоздания общественного действия для исследовательских целей.

Практика, однако, категорически отвергает и в социологии, и тем более в этнографии такую возможность, так как в подобном случае нарушается естественный ход обряда или события, в них появляются бутафорско-театрализованные элементы, способные сознательно или бессознательно создать ложное представление. Полевая этнографическая практика, нацеленная на сбор добротного материала — источника научных знаний — утверждает следующие методы: *опрос* — работу с обоснованно выбранным информатором или информаторами в данной этнической общности; *эксперимент* — соучастие этнографа в социальном или семейном действе, обряде, событии, естественно возникших в период экспедиционной работы; *наблюдение* — тщательное изучение и фиксация всего комплекса этнически своеобразных культуры и быта.

Полевое этнографическое исследование дает как материальные, так и духовные источники знаний. К материальным относятся зафиксированные в чертежах, схемах, фотографическим способом объекты материальной культуры и предметы, связанные с производственной жизнью этноса, — орудия труда, жилище, пища, утварь, одежда и т. д. С помощью современных технических средств (кино-фотоаппаратуры, магнитофонов и т. п.) и традиционных полевых записей фиксируются объекты и явления духовной жизни народа (традиции, обряды, обычаи, верования, фольклор и т. д.), причем материализованные, предметные свидетельства духовной культуры, например предметы культа, народного искусства, места и типы захоронений, фиксируются подобно объектам материальной культуры. В процес-

се полевой работы предметы как материальной, так и духовной культуры изымаются из обихода и составляют основу музейных этнографических собраний. Таким образом, музейные коллекции являются также важным этнографическим источником.

Этнографическим источником, характеризующим прошлую культуру и быт, социальную и семейную организации, являются свидетельства исторических памятников, фольклорные записи, археологические комплексы и т. д. Совершенно очевидно, что при изучении этнической истории, при исследовании прошлой этнографии или этнографии древних этносов непосредственное наблюдение исключено и использование указанных источников, фактов смежных наук, — обязательное условие плодотворного поиска. Существует выработанное практикой определение истинности важного положения, содержащегося в исторической записи, — его неоднократное повторение в разных источниках (не менее трех раз). Этнография сама, как уже говорилось, является источником для социальной и культурной истории.

СВЯЗЬ ЭТНОГРАФИИ С ГУМАНИТАРНЫМИ И ЕСТЕСТВЕННЫМИ НАУКАМИ

Объект исследования этнографии — этнос — проявляет себя во всех сферах экономической, социальной и культурной жизни, его производственная деятельность оказывает непосредственное влияние на окружающую среду и связана с ней. Коль скоро этносы отличаются один от другого своими культурно-бытовыми особенностями, то эти различия проявляются или могут быть выявлены в тех науках, которые изучают самого человека, человеческое общество и воздействие его на природу. Выделение сугубо этнических аспектов из различных научных дисциплин значительно обогащает этнографию, ее источниковедческую базу, особенно при изучении этногенеза и этнической истории.

О связи этнографии с историей уже говорилось, ее связь с антропологией и археологией также очевидна. Именно тот раздел антропологии, который исследует происхождение рас и их распределение в пространстве, изменения физического облика людей в результате историко-социальных контактов, антропологического состава этносов, называется этнической (или даже исторической) антропологией. Определение культурно-бытовых особенностей по археологическим материалам позволяет выделить древние этнические группы и от чисто типологических построений перейти и в археологии к историко-культурным построениям. Такое направление в археологии в последнее время получило название палеоэтнографии (букв. — древней этнографии). Данные этнической антропологии и палеоэтнографии позволяют исследовать ранние этапы (истоки) этнической истории.

Столь же очевидна тематическая и проблемная связь между этнографией и языкознанием (лингвистикой), литературоведением и фольклористикой, т. е. с теми научными дисциплинами, которые отражают наиболее специфические стороны духовной культуры народов, ее богатство, проявляющиеся в лексике, устном поэтическом творчестве, в художественной ткани литературных произведений. Коль скоро язык, имеющий внутренние законы развития, непосредственно связан со своим носителем и имеет этнообразующий характер, в языкознании выделилась особая отрасль — этнолингвистика, рассматривающая проблему происхождения языков и их родственных и контактных связей в соотношении с этногенезом, с этническими процессами.

В последние годы активное использование методов конкретно-социологических исследований в общественных науках выявило наличие определенных социальных закономерностей, являющихся отражением этнической специфики исследуемой структуры (особенно при социологическом изучении и сопоставлении крупных одно- и многонациональных регионов). Естественным явилось выделение особого направления — этносоциологии. Точно таким же был путь выделения из общей психологии подразделения, изучающего влияние этнических категорий на психическую деятельность человека и человеческих коллективов — этнопсихологию.

География, в недрах которой рождалась этнография, в частности русская, и все ее подразделения, изучающие население, его размещение по земной поверхности, влияние на окружающую природу, продолжают сохранять самые тесные связи с этнографией. К таким подразделениям относятся демография, статистика и специальные дисциплины — этностатистика и этническая картография, этногеография.

Разделы таких сугубо естественных наук, как ботаника и зоология, исследующие жизнь и развитие культурных растений и домашних животных, дают любопытный материал для этнической истории, так как через окультуривание диких растений, одомашнивание диких животных и распространение созданных человеком новых видов можно проследить этнические контакты. Подобные проблемы решают этноботаника и этнозоология.

Аналогичное выделение этнически детерминированных отраслей знаний происходит всюду, где общественные или естественные науки соприкасаются с этнографией, т. е. с результатом активной преобразующей деятельности этносов в социальной и природной сферах. Возникновение пограничных, «стыковых» (на базе различных наук) дисциплин — широко распространенная тенденция современного познания мира.

Число более или менее изученных, а точнее, известных этнографий этнических общностей колеблется в пределах 2,2—2,4 тыс. Поскольку каждый этнос является предметом научного исследования, этнография должна была выработать какую-то систему первичной или детализированной группировки изучаемого материала, иными словами, как любая научная дисциплина, имеющая дело с массовым однотипным источником, этнография нуждается в научной классификации этносов.

Необходимость сопоставлять и противопоставлять для выделения особенного в общем, как известно, лежит в основе любой попытки систематизации объектов или их проявлений. Такие попытки могут быть основаны на объективном всестороннем изучении конкретного материала и на субъективном рассмотрении его отдельных граней. Последнее чаще всего приводит к субъективистским, идеалистическим толкованиям, которые, имея дело с народами, чаще всего ведут к построению различных расистских схем. К подобным построениям относится первое, вполне естественное, а потому кажущееся объективным противопоставление «мы» и «они». Противопоставляя собственный этнос чужим, люди редко задумываются над общими закономерностями развития и их особенных проявлениях и чаще всего вкладывают в подобное противопоставление субъективный оценочный критерий, где «наши» действия, образ жизни даются в положительном восприятии, а «их» — в отрицательном. Такими рассуждениями руководствовался античный мир, отделивший «культурных» греков и римлян от «некультурных» варваров. Деление на «культурные» и «некультурные», дикие, варварские народы, затем «цивилизованные» и «первобытные» и далее «исторические» и «исторические» имеет давнюю традицию и порождено субъективным толкованием лежащих на поверхности явлений. Не ясно ли, что от подобных заключений слишком коротким был путь к откровенному расистскому делению на «высшие» и «низшие» расы или завуалированному расистскому противопоставлению «народов — деятелей культуры» «народам — потребителям культуры» и т. д.

Недалеко от неприкрытых расистских постулатов ушли близкие к нашему времени построения этнических классификаций, разделяющих народы по их темпераменту или поведенческому стереотипу, которые питаются этнорасовыми предубеждениями и создают почву бытовому расизму.

К классификациям, построенным на частном или недостаточно тщательном отборе критериев для систематизации этнических общностей, следует отнести и те, которые опираются на внешние проявления материальной или духовной культуры, причем даже если эти проявления весьма важны. Такой классификацией является деление народов мира по религиозному

признаку на народы, имеющие племенные, национальные (полисные) или же мировые религии. При значительном распространении мировых религий в различных этнических средах и многозначности племенных (верований доклассового общества или их пережитков), с одной стороны, и однозначности полисных религий, с другой — как специфических явлений духовной культуры подобная классификация внутренне противоречива и не может выявить общих закономерностей. Так, разделенных по внешнему религиозному признаку небуддистов чжуан Китая и буддистов тай Таиланда трудно было бы объединить в этнические группы, связанные общностью происхождения и языка.

Случайность выбора критериев, объяснимая недостатком этнографических знаний во времена создания классификации, привела к необходимости отказаться от схемы, предложенной Л. Морганом и делившей народы по типу орудий труда, технологии изготовления предметов материальной культуры и формам семьи на прошедших или находящихся на одной из трех стадий — дикость (с тремя степенями развития), варварство (с тремя степенями развития) и цивилизация.

К сказанному следует добавить, что рассмотренные схемы, как правило, использовали в качестве определяющего признака такое явление, которое было следствием производственной и культурной деятельности этноса в конкретной физико-географической среде и прежде всего подчеркивало традиционное противопоставление «мы — они», а не выявляло общность, единство этносов, проявляющееся через их специфику.

Упомянутые классификации, казалось бы, исходят из собственно этнографических критериев, хотя и произвольно выбранных. Произвольный, субъективный отбор сделал их неприемлемыми. Опираясь на смежные науки, этнография смогла выработать классификации на основе объективных фактов, которые исключали субъективные толкования. Для разных целей, для разной степени полноты картины этнического состава мира современная этнография использует четыре типа классификаций: географическую, антропологическую, хозяйственно-культурную и лингвистическую.

Географическая классификация основывается на том объективном, несомненном факте, что этносы расселены в определенных частях ойкумены и зоны их расселения находятся в пределах регионов, известных по географическим данным. Пользуясь материалами различных разделов географической науки, можно в пределах больших регионов рассматривать этносы по определенным климатическим или ландшафтным областям и получить представление о физико-географической среде их обитания. Указанные обстоятельства, ценные сами по себе и отражающие как общие, так и частные моменты, для характеристики этносов, однако, дают лишь первичную схему. По этой причине географическая классификация, удобная на начальном этапе

изучения этнической картины мира, должна дополняться другими классификациями, так как не может ответить на вопрос, почему в сходных по ландшафту и климату областях Старого и Нового Света живут различные этносы. Или почему большие регионы типа Азии, Америки, Африки многоэтничны и как в таком многообразии выделять родственные и неродственные этносы, т. е. как их систематизировать? И все же этнография широко пользуется географической классификацией, что нашло свое отражение в многотомной серии «Народы мира» — уникальном и капитальном труде советских этнографов (начатом в 1954 г. и завершенном в 1967 г.), где тома называются «Народы Африки», «Народы Америки», «Народы Сибири», «Народы Кавказа», «Народы Восточной Азии» и т. д.

В связи с оценкой значения географической классификации С. А. Токарев, указав, что после первоначального освоения человеком земной поверхности начался процесс «вторичного перемещения человеческих групп», однако, не совсем точно передал возможность такой классификации подвести «нас к познанию важного исторического процесса — процесса освоения человеком земли и ее отдельных областей»¹. Такого материала сама по себе географическая классификация не дает, как не дает и оснований для разделения народов определенного района на автохтонные и пришлые (о чем также упоминает С. А. Токарев).

Возникает вопрос, как, пользуясь только объективными данными о наличии населения на американском континенте и справедливо выделяя народы Америки из всех этносов мира, можно (без привлечения других данных) сказать, что индейцы — коренное население, а испанцы, африканцы, англичане, французы — пришлые?

На реально и объективно существующих различиях основана и антропологическая классификация, имеющая дело как с расами первого и второго порядка, так и с антропологическими типами. Очевидно, что информационный уровень антропологической классификации, когда она отходит от общего деления народов на большие расы (расы первого порядка) и опускается до конкретных проявлений на их основе особенностей в антропологических типах, выше, чем у географической классификации. Очевиден также и более высокий уровень ее исследовательской работы. Для того чтобы классифицировать какие-то народы, живущие в Америке, достаточно знать, что она заселена, выявление же антропологических различий между потомками индейцев и потомками европейских переселенцев потребует проведения исследований непосредственно в их среде. Однако сколь бы ни были детализированы антропологические типы, связанные с расообразованием, имеющие определенную присущую

¹ Токарев С. А. Введение // Основы этнографии / Под ред. С. А. Токарева. М., 1968. С. 19.

ему скорость изменений физического облика людей, по антропологической классификации в пределах одной этнической общности различается несколько антропологических типов, например в русской нации, а таималайский антропологический тип свойствен многим этносам. На вопрос о причинах таких явлений может быть только общий ответ, что в первом случае произошло смещение разных в расовом отношении групп, во втором же этносы возникали на одной расовой основе. Но такой ответ следует считать односторонним, так как он может сообщить лишь об антропологической специфике этносов, но не может определить их выделение как самостоятельных общностей.

Этнические территории, связанные с размещением этносов, антропологические особенности этнических общностей — существенные признаки, но в характеристике этнической общности наиболее важными остаются культурно-бытовые межэтнические различия. Эти различия обусловлены хозяйственной деятельностью людей в конкретной физико-географической среде. То обстоятельство, что у разных неродственных народов, стоящих на одном или почти одном уровне социально-экономического развития, обнаруживаются культурно-бытовые сходства, а у родственных народов — различия, которые вытекают из их производственной деятельности, побудило этнографов в какой-то мере вернуться к классификационной схеме Л. Моргана. Однако при этом учитывался новый этнографический материал, и моргановские построения подвергались критическому анализу. Все это привело к формированию новой классификационной схемы по хозяйственно-культурным типам, воссозданной, как указывалось выше, советскими учеными М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым. Авторы хозяйственно-культурной классификации исходили из той объективной предпосылки, что различия между хозяйственно-культурными типами отражаются прежде всего в основных занятиях большинства этносов, а также в орудиях труда, пище, жилище, средствах передвижения, утвари, одежде и прочих элементах материальной культуры. Есть очевидная связь социального строя различных народов с выделяемыми хозяйственно-культурными типами, поскольку строй соответствует уровню развития производительных сил общества. Даже в области духовной культуры можно обнаружить различия между хозяйственно-культурными типами в тех ее элементах, которые наиболее полно обусловлены формами труда и быта, возникающими в тех или иных ландшафтно-климатических условиях.

Таким образом, классификация по хозяйственно-культурным типам является значительным шагом вперед по сравнению с географической и антропологической классификациями. Выделение хозяйственно-культурных типов имеет существенное значение при историко-этнографическом изучении народов, однако, как справедливо отмечено Н. Н. Чебоксаровым и И. А. Чебоксаровой в книге «Народы, расы, культуры», «при наличии

аналогичной историко-географической обстановки одни и те же хозяйственно-культурные типы могут возникать самостоятельно у народов, живущих далеко друг от друга и не взаимодействующих непосредственно между собой»². Иными словами, как и в предыдущих классификациях, народы, этносы могут быть систематизированы в одном ряду по признакам подобия, сходства, но не родства, не общности происхождения. Такое замечание сужает область применения хозяйственно-культурной классификации этнических общностей мира, но не отвергает ее использование наряду с другими.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ МИРА

В языкознании, которое изучает язык во всех его аспектах, в том числе и как средство общения между людьми, и как достаточно яркое выражение культуры, выработаны две основные классификации — морфологическая (или типологическая) и генеалогическая (или генетическая). Если первая исходит из структурного (сравнительно-сопоставительного) метода и исследует языки вне зависимости от их родства, систематизируя в группы морфологически подобные языки, то вторая основывается на сравнительно-историческом методе сопоставления формы и материи языка в развитии и сравнении, исходя из общности по происхождению и родству. На основе первой классификации лингвисты распределяют все языки мира, которых насчитывается свыше 3 тыс., по четырем типам — корневые (слово обычно равняется корню, отношения между словами передаются через порядок слов в предложении); агглютинативные (характеризуются развитой системой аффиксов, прибавляемых к неизменяемой основе слова); флективные (отличающиеся автономностью слова, передачей значений через окончания) и инкорпорирующие, или полисинтетические (выделение этой группы условно, так как здесь слово представляет собой комплекс, где морфология не играет роли и связи выражены исключительно синтаксически). Важная для лингвистики и ее общетеоретических построений морфологическая классификация для этнографии мало полезна.

Напротив, генеалогическая (или генетическая) классификация, систематизирующая языки по их родству, имеет выдающееся значение, так как родство языков, как правило, подразумевает и родство носителей этих языков, т. е. самих этносов (все исключения, вроде распространения испанского, португальского, английского или других языков в странах Америки и Австралии, исторически известны и объяснимы). Сле-

² Чебоксаров Н. И., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. 2-е изд. М., 1985. С. 178.

довательно, если этнографы, используя материалы смежных наук, стремятся выявлять для целей систематизации родство этнических общностей, то особое внимание они должны уделить именно генеалогической классификации, которая «позволяет действительно установить родственные связи между языками, а тем самым отчасти и между самими народами, определить степень их исторической близости между собой»³.

Родственные отношения языков строятся по схеме «языковая семья — языковая ветвь — группа или подгруппа языков — отдельный язык». Язык — явление общественно-историческое, поэтому понятие семьи в применении к языкам не передает отношения, существующие между родителями и детьми, а означает лишь то, что данные языки связаны между собой в процессе происхождения и исторического развития, характер которого определяется общественной природой языка.

Родство языков устанавливается по основному словарному фонду и грамматическому строю. Несомненно, что слова могут заимствоваться не только из родственных языков, но и из любых, с которыми данный язык соприкасается.

Однако общность основного словарного фонда родственных языков — результат не заимствований, а единства происхождения. Лингвисты выделяют два особых случая возможной близости части словарного фонда у неродственных языков. Первый касается явлений субстрата — подпочвенного слоя языков, отражающего прошлую этническую историю и проявляющегося в таких лексических и грамматических особенностях, которые не могут быть истолкованы через современный язык. Так, в романских языках присутствует субстрат — следы пребывания в Европе какого-то народа или народов (есть мнение, что это кельтский субстрат), чей язык был ассимилирован латинским в пору римских завоеваний, но он же передал какие-то свои слова и грамматические формы языку завоевателей. В индийских языках присутствует дравидский субстрат.

Второй случай связан с выделением «языковых союзов» — объединения неродственных языков в пределах особой географической области (например, Балканы, Карпаты, Дагестан и др.). Связи внутри таких союзов недостаточно прочные и чаще всего охватывают лишь отдельные звенья данных языков, а не весь их фонетический, грамматический и лексический строй.

Родившийся в недрах языкознания лексико-статистический метод, который при определенных процентных совпадениях в словарном фонде позволяет устанавливать время расхождения между родственными языками, получил название «глоттохронология». Глоттохронология — историческая языковая хронология,

³ Токарев С. А. Введение... С. 91.

хотя и воспринимается в советском языкознании скептически, может дать материалы для этнической истории народов.

Из 3 тыс. языков мира описано 2 796. В ряде случаев в число языков попадают и диалекты (так, лингвисты считают, что у австралийских аборигенов или папуасов Новой Гвинеи несколько сот языков). Весь многообразный языковой материал на основе генеалогической классификации сводится в родственные группы и ветви, объединенные в высшей классификационной форме — языковой семье. Те языки, которые не обнаруживают никаких генетических связей, выделены в особую группу изолированных, или самостоятельных, языков. К последним относятся: баскский (Испания, Франция, Америка), андаманский (Андаманские острова), буришский (Индия), кетский (СССР), айнский (Япония), японский и корейский (в последнее время находят связи корейского с тунгусо-маньчжурскими языками). Если не считать языковые группы индейцев Америки, чьи языки еще недостаточно изучены, а их объединение в 20 языковых групп во многом условно, то число языковых семей в мире не достигает и полутора десятков, что позволяет всесторонне исследовать как проблемы родства языков внутри семей, так и степень связей и контактов между языковыми семьями.

В качестве основных лингвисты выделяют следующие семьи языков: индоевропейская, семито-хамитская, урало-алтайская (чаще ее рассматривают как более обширное образование — суперсмесью — и анализируют отдельно уральскую и алтайскую семьи), мон-кхмерская (австроазиатская), тибето-китайская (синотибетская), чжуан-дунская (тайская), малайе-полинезийская (австронезийская), дравидская, бантуская, кавказская (яфетическая), палеоазиатская, эскимосо-алеутская, койсанская. Особо выделяются без более точного определения языковых связей по родственным семьям группы языков — папуасские, австралийские, суданские, языки индейцев Америки и тропической Африки.

Распределение языков по языковым семьям, установление степеней родства между ними внутри семей, ветвей и групп дает этнографии возможность, учитывая органическую связь языка с этносом, построить классификационную схему по признаку родства, а не только по сходству или подобию. Таким образом, лингвистическая классификация в этнографии основывается на генеалогической классификации в языкознании.

В этнографических изданиях и на этнографических картах народы, распределенные по географическому признаку, внутри распределяются по лингвистическому. Так, вслед за лингвистами этнографы отмечают, что среди народов Индии выделяются либо индоевропейские, или дравидские, народы, либо народы индоевропейской, или дравидской, языковой семьи.

Использование лингвистической классификации приводит к тому, что этническая карта мира во многом совпадает с лингвистической. Вместе с тем следует учитывать и то обстоятельство, что абсолютного совпадения нет и не может быть, так как на одной языковой основе возникали различные этнические общности.

Глава V

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ НАРОДОВ МИРА

Расселение человека по Земле завершилось в конце верхнего палеолита в том смысле, что к этому времени древние люди уже проникли во все районы современной ойкумены. Побудительной причиной передвижения палеолитических людей на новые неизведанные земли явился рост их численности и поиски средств существования — охотничьей добычи, съедобных корней, ягод, насекомых и других объектов собирательства.

Охота, с одной стороны, собирательство дикорастущих растений — с другой, породили два величайших открытия, во многом способствовавших прогрессу человечества и мировой цивилизации, — возможность приручать диких животных и искусственно выращивать полезные растения — злаковые, клубнеплодные и корнеплодные. К этим двум открытиям человечество шло миллионы лет.

Земледелие и животноводство появились 12—14 тысячелетий тому назад. В наиболее благоприятных районах развилось ручное земледелие, дававшее достаточно стабильные средства к существованию, которые не зависели от случайностей охотничьей добычи или улова рыбы. Развитие ручного земледелия и одомашнивание животных, создание таких видов домашнего скота, которые приносили наибольшую пользу, привели в свою очередь к тому, что где-то 6—8 тысячелетий тому назад соединились скот как тягловая сила с усовершенствованным орудием земледельческого труда — сохой или плугом. Возникло пашенное, плужное земледелие, позволившее в еще большей степени повысить производительность труда, легче добывать средства существования, увеличить появившийся уже на стадии ручного земледелия прибавочный продукт.

В ряде обширных районов ойкумены до возникновения пашенного земледелия произошло первое крупное разделение труда — животноводство отделилось от земледелия и скотоводство

у многих народов зоны Великой Евразийской степи и ряда других мест стало основной отраслью хозяйства. С развитием пашенного земледелия и скотоводства произошло второе крупное разделение труда — в самостоятельную хозяйственную отрасль выделилось ремесло.

По мере развития классового общества, которое могло возникнуть только на основе хозяйственной деятельности, дающей прибавочный продукт — материальную основу имущественного и затем классового неравенства, — выделились торговля (купечество), а в эпоху капитализма — промышленное производство.

ВЫДЕЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ

Хозяйство всех этносов докапиталистической эпохи строилось либо на первоначальных видах занятий — охоте, собирательстве, рыболовстве, либо на ручном земледелии и скотоводстве, либо на пашенном земледелии. Распространение того или иного вида зависело от социально-экономического уровня развития этноса и той физико-географической ситуации, в которой данный этнос обитал.

Советские ученые М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров предложили классифицировать отмеченные виды занятий как три последовательных хозяйственно-культурных типа. Крупный советский специалист по кочевым народам Г. Е. Марков, подчеркивая распространенность скотоводства и его значение в жизни многих этносов, резонно предлагает оба элемента второго типа рассматривать как самостоятельные хозяйственно-культурные типы. Первым хозяйственно-культурным типом являются охота, собирательство и рыболовство. Вторым — ручное (включая мотыжное) земледелие и скотоводство. Третьим — пашенное земледелие.

Расселяясь по Земле, человек сталкивался с различными физико-географическими условиями, которые оказывали влияние на тип его основных занятий и на многие стороны материальной культуры. Причем чем дальше в глубь веков, тем более зависимой от географической среды является хозяйственная деятельность людей. Сходные условия, как климатическо-ландшафтные, так и флоро-фаунистические, способствовали появлению у различных по своему происхождению этносов однотипных производственных приемов, орудий труда, объектов материальной культуры.

Как замечал в начале 50-х годов выдающийся советский исследователь палеолита С. Н. Замятин, для палеолитической эпохи локальные различия между отдельными коллективами людей в области производства и материальной культуры зависят от природных условий и степени приспособления к ним чело-

века. С течением времени растет независимость людей от природы, локальные различия проступают наиболее явственно в духовной культуре, которая, возникая на основе экономической жизни общества, отражает само общественное бытие.

Поскольку материальная и духовная культуры связаны с хозяйственной деятельностью в конкретно-исторических условиях, то внутри генеральных хозяйственно-культурных типов можно выделить подтипы, обусловленные ландшафтно-климатическими зонами. В них объединяются этносы по признакам сходства прежде всего основных занятий и ведущих элементов материальной культуры — пищи, одежды, жилища.

Генеральное деление на три хозяйственно-культурных типа отражает три последовательных этапа развития производительной деятельности людей. В силу того обстоятельства, что первый тип связан с добычей единственных для того периода источников существования — дикорастущих растений и диких животных, как сухопутных, так и водных, в западной литературе он называется «присваивающим типом хозяйства». В таком терминологическом сочетании отчетливо выражено представление о потребительском отношении первобытного человека к природе и ее дарам. На самом деле, как замечают С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров, трудовая деятельность людей в этот период не была только присвоением; чтобы «присвоить» продукт природы, люди в отличие от животных занимались сложной трудовой деятельностью, выражавшейся в изготовлении орудий труда, специальных приспособлений, создании особых организационных форм для ведения охоты и рыбной ловли.

Главной же характеристикой первого хозяйственно-культурного типа была его низкая продуктивность, зависящая от случайных факторов, не дававшая возможности получения прибавочного продукта. Исключение уже в эпоху распространения в основных районах ойкумены второго хозяйственно-культурного типа составляли отдельные группы оседлых рыболовов и охотников за морским зверем на окраинах ойкумены, у которых был некоторый прибавочный продукт и первоначальное имущественное неравенство, приведшее к появлению домашнего рабства. В целом же, как отмечают Н. Н. и И. А. Чебоксаровы, «на базе охоты, собирательства и рыболовства нигде не возникало ни одно развитое классовое общество. Пока эти отрасли хозяйства были единственными и ведущими, человечество не могло выйти из рамок первобытнообщинного строя»¹.

Хозяйственно-культурные типы второй группы, основанные на ручном земледелии, куда входят занятия, связанные с обработкой земли с помощью мотыги, кетменя, палки-копалки, буйволов, подсечно-огневым и другими способами, и скотоводстве как

¹ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. 2-е изд., М., 1985. С. 180.

самостоятельной отрасли, уже дают стабильный прибавочный продукт. Создается возможность делать запасы продовольственных культур и скота, пасущегося на подножном корму. Имущественное неравенство становится историческим фактом и ведет к образованию классового общества и государства. Процесс классовообразования наиболее интенсивен в зоне распространения третьего типа — пашенного земледелия, который дает самый высокий в докапиталистическую эпоху уровень производительности труда и разнообразные формы эксплуатации.

Экономической базой всех высокоразвитых цивилизаций Азии, Африки и Европы являлось пашенное земледелие, а экономической базой классового общества, во всех частях ойкумены служили второй и третий хозяйственно-культурные типы, которые основывались на сельскохозяйственном производстве (земледелии или скотоводстве).

Эпоха первоначального накопления капитала, в период которой капиталистическая Европа колонизовала Новый Свет, Австралию и Океанию, многие районы Азии и Африки, резко нарушила распределение сложившихся хозяйственно-культурных типов на большей части планеты. В капиталистическую эпоху, хотя и в разной степени, сохраняются все три типа, и в сельскохозяйственном производстве третий тип остается определяющим, изменяется лишь традиционное распределение традиционных хозяйственно-культурных типов и их разновидностей по ландшафтно-климатическим зонам. Так, под влиянием колонизаторов в Новом Свете и в Австралии возникает пашенное земледелие, а в Новой Зеландии — овцеводство. Появление после испанского завоевания на американском континенте лошади привело к существенным переменам в жизни охотников прерий, хотя они и остались представителями первого хозяйственно-культурного типа.

Изменения традиционных форм хозяйствования под влиянием колониальной экспансии и развития промышленного капиталистического производства происходили в течение почти трех столетий с момента открытия Америки. Если для Нового Света они завершаются к XVII — началу XVIII в., для Африки в XVIII в., то для Австралии, Океании и Азии — в конце XVIII — первой половине XIX в. Таким образом, характеристика распространения традиционных хозяйственно-культурных типов у народов мира в их ландшафтно-климатической специфике может быть дана с древнейших времен только до XVII—XVIII вв.

Для классификации народов по хозяйственно-культурным типам воспользуемся данными, изложенными в работах М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова — создателей этой классификации. Главным в характеристике подтипов каждого типа является обитание народов в одном из основных климатических поясов земли — теплом (тропическом, субтропическом), умеренном и холодном (полярном, приполярном), а также в увлажненной и засушливой

зонах. Отсюда могут быть типы лесные, степные, пустынные, полупустынные, переходные — лесостепные, лесотундровые или высокогорные, прибрежные и т. п.

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ПЕРВОГО ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО ТИПА

В период палеолита охота, собирательство и рыболовство были основными занятиями населения Земли. Практически в неизменном виде с тех отдаленных периодов этот хозяйственно-культурный тип сохранился как у лесных охотников и собирателей, так и у прибрежных (на реках, озерах, у моря) рыболовов и собирателей жаркого пояса. К ним современная этнография относит небольшие по численности этносы или изолированные части этносов, живущие в тропической и субтропической полосе земного шара.

В Новом Свете к ним относятся малонисследованные индейцы бассейна Амазонки, в Африке — пигмеи бассейна реки Конго, в Южной Азии — расселенные в южной части Индии небольшие дравидо- и мундаязычные группы (потомки аборигенного населения Индостана) и на острове Шри Ланка — ведда, а на Андаманских островах — андаманцы. На островах Индонезии, Филиппин, на полуострове Малакка к ним принадлежат кубу (2 тыс.) Суматры, пунаны (40 тыс.) Калимантана, азта Филиппин, семаңги и сенои Малакки. С андаманцами — рыболовами и собирателями жаркого пояса сближаются «морские кочевники», или оранг-лауты (95 тыс.) Калимантана и соседних островов Индонезии.

В Юго-Восточной Азии, как и в южной части Индостана, последние десятилетия идет процесс преобразования охотничье-рыболовного и собирательского хозяйства указанных выше народов, связанный с проникновением (вслед за ликвидацией намеренной изоляции их в эпоху колониализма) ручного земледелия и товарно-денежных отношений. Чуть раньше переход к земледелию и отчасти лесным промыслам совершили мон-кхмероязычные кава, чжуандуноязычные хайнаньские ли и этнические подразделения ами и атаял тайваньских гаошань южной части Восточной Азии.

Такой переход способствовал оседанию народов, однако в материальной культуре сохранились многие элементы, порожденные древнейшим хозяйственно-культурным типом. К таким элементам, по мнению Н. Н. Чебоксарова, относятся формирование небольших охотничьих или собирательских групп, примитивные постройки в виде ветровых заслонов, жилища на деревьях, временки — хижины из ветвей, коры, листьев, практически полное отсутствие одежды, использование в качестве орудия охоты (на сухопутных животных и рыбу) лука и стрелы, а также духового ружья — полой палки сумпитан или сарбакан, а для

собиранья — палки-копалки или каменного, раковинного, бамбукового ножа.

К югу и северу от жаркого пояса в примыкающих к нему степях и полупустынях у некоторых народов распространялся и сохранился по сей день подтип первого хозяйственно-культурного типа — охотников и собирателей засушливых степей и полупустынь теплого пояса. Представителями этого некогда широко распространенного типа в современном мире являются австралийские аборигены, ботокуды Южной Америки и бушмены Южной Африки. Как и у охотничьих народов жаркого пояса, для них характерен подвижный образ жизни, устройство временных жилищ, отсутствие одежды, но вместе с тем из орудий труда преобладает специфическое метательное оружие типа австралийского копья с копьеметалкой и бумеранга, особой пращи и стрел у ботокуда, маленького лука и отравленных стрел у бушменов.

Единственным домашним животным у охотников и собирателей как жаркого, так и теплого пояса Старого Света была собака, у австралийцев — полудикая собака динго. Объектом охоты являлись крупные животные и птицы (кенгуру, эму, страусы, вигонь и др.). Из-за роста численности членов ранних этнических групп происходило их дробление на более мелкие хозяйственно мобильные локальные группы. Иногда к этому подтипу относят калифорнийских индейцев, бывших преимущественно собирателями.

Чем дальше на юг и север от зоны степей и полупустынь теплого пояса, тем холоднее становился климат, но тем больше влаги получала почва, степи имели хороший травостой, который мог прокормить многочисленных и разнообразных представителей фауны. В этих условиях у охотников и собирателей степей, у рыболовов и собирателей рек умеренного пояса появляются существенные отличия в хозяйственной жизни и материальной культуре от рассмотренных выше подтипов.

Именно такой подтип был распространен у охотников на бизонов североамериканских прерий — алгонкинов, апачей, наваха, кри и др., а также охотников на гуанако районов Патагонии алакалуфов и она до колонизации. Видимо, в доземледельческий и доскотоводческий период этот подтип был свойствен народам, живущим в Южной Европе и Великой Евразийской степи.

Этнографические данные свидетельствуют, что для охотников на бизонов и гуанако была характерна коллективная охота с устройством загонов и ям-ловушек. Они вели полуоседлый образ жизни, так как в сравнительно близких пределах могли добывать достаточно пищи и широко использовали шкуры животных как покрышки для сооружаемых из жердей и ветвей конических и округлых жилищ. Вообще охотничью добычу они полностью утилизировали, запасая жир, употребляя жилы, кожу и шкуры для изготовления одежды и различных приспособлений для охо-

ты, собирательства и переноски тяжестей. Охота велась с помощью лука и стрелы, носила сезонный характер и являлась мужским занятием, женщины собирали съедобные корни, ягоды, грибы, дикорастущий водяной рис. Существенно изменился быт охотников прерий после того, как в XVI в. европейцы завезли лошадей. Пешие охотники превратились в конных охотников на бизонов, и полуоседлый образ их жизни сменился на кочевой.

К группе рыболовов и собирателей этого подтипа относятся айны (Н. Н. и И. А. Чебоксаровы относят их к береговым собирателям и рыболовам умеренно теплого пояса, что справедливо по отношению к современному расселению айнов, но с учетом их прежнего местоположения и культурно-исторических контактов точнее было бы включать айнов в один подтип с нивхами), амурские народы — нивхи, негидальцы, ульчи, нанайцы, обские угорские народы — ханты и манси.

Главным занятием айнов до заимствования ими земледелия у японцев, как и у других перечисленных народов, было речное рыболовство и собирательство даров суши и моря (реки). Полуоседлый быт обуславливался сезонностью основного вида хозяйствования, когда периодически менялись места промысла, но уже имелись и основные пункты поселений. На промыслах сооружались из тальника или ему подобного вида кустарников временные жилища, покрываемые сверху ветвями, корой (чаще берестой); в главном поселении у айнов были каркасные деревянные дома с камышовой обшивкой и кровлей, у нивхов, хантов и других амурских и обских народов — подобного же типа дома или землянки и полуземлянки с деревянным срубом, уложенным в предварительно вырытую яму. У всех этих народов сооружались на сваях срубные амбары для хранения пищевых продуктов, домашней утвари — деревянной или плетеной.

Для народов этого хозяйственно-культурного подтипа охота была побочным занятием. На изготовление одежды шла превосходно выделанная рыбья кожа, а на промысловую одежду — и рыбы пузыри. Рыбу добывали сетями, ловушками, плетеными из тальника или других кустарниковых, острогами и гарпунами. Широкое распространение имело изготовление лодок-долбленок из ствола дерева.

Помимо рыбьей кожи, как уже говорилось, при изготовлении одежды использовались шкуры и кожи оленей, добытые на охоте или полученные путем обмена с оленеводами, шерстяные или другие ткани, полученные в обмен. Основу пищевого рациона составляли рыба и рыбий жир. Впрок вели заготовку юколы, рыбьего жира и рыбьей муки. Очень близки к такому типу были в прошлом ительмены Камчатки, жившие много севернее, но благодаря теплым течениям зона их обитания климатически может считаться переходной от умеренной к умеренно холодной. По данным С. П. Крашенинникова, давшего

первое подробное описание жизни и быта ительменов, их материальная культура имеет много прямых аналогий с нивхской и айнской.

Особый подтип составляют охотники и рыболовы северных таежных лесов, который был широко распространен по всей северной таежной зоне Старого и Нового Света, на американском и европейском севере и севере Сибири и был характерным для атапасков, саамов, юкагиров, кетов, селькупов. В настоящее время при значительной промысловой ценности добычи пушного зверя у енисейских кетов и селькупов, юкагиров, а также сохранившихся еще групп атапасков в Канаде и у саамов на европейском севере отчетливо выражена специфика данного подтипа. Наиболее четко он представлен сегодня у кетов, которых продолжают называть «пешими охотниками тайги».

У этих народов охота на дикого оленя или лося является основным занятием, столь же важна для них и рыбная ловля — добыча сига, осетровых и частичковых рыб, жир, юкола и мука которых заготавливаются впрок. Шкура и кожа добытых на охоте животных идет на изготовление как зимней (меховой), так и летней (ровдужной) одежды. Используют кеты и покупные или обмененные ткани, преимущественно сукно. Так как особых различий между охотой и рыболовством (по степени их социальной значимости) нет, то хозяйство подчиняется двум циклам: зимне-весеннему — охоте и летне-осеннему — рыбной ловле. Поэтому помимо постоянных поселений для отдельных, обычно семейно-родовых групп с землянками, полужемлянками, чумами (переносные конические жилища с остовом из жердей, покрытые берестяными полотнищами или оленьими шкурами) или русско-сибирского типа срубными домами, имеются и временные промысловые стоянки. Во время промысла сооружается либо тот же чум (но меньшего размера), либо получум (жердевой остов покрыт берестой лишь с подветренной стороны), либо шалаш из веток, а то и просто снежная яма. Кеты практически ведут оседлый образ жизни.

Женщины, помимо сбора ягод, съедобных трав и корнеплодов, занимаются и рыбной ловлей. До появления огнестрельного оружия кеты охотились с помощью лука со стрелой и копья с ножевидным лезвием (пальма), для охоты на птиц применяли особую стрелу с наконечником в форме трезубца. Рыбу ловят сетями, плетеными ловушками (типа морды, верши), острогой, а на небольших реках устраивают запор (котец).

Основными средствами передвижения кетов являются широкие ступательные лыжи для зимнего периода, оклеенные камусом (шкурой с оленьей ноги), а для весеннего периода без оклейки — голицы. Кеты делают также лодки-долбенки из ствола осины, которые являются главным транспортным средством на воде. Грузы перевозят на ручных нартах. Важную роль в хозяйстве играют собаки, которых иногда используют как тягло

для перевозки людей или грузов на нартах, а также на охоте.

Очень близок и территориально и по своему общему характеру к описанному подтипу — подтип охотников лесотундры и тундры. Когда речь идет о сохранении хозяйственных и культурных особенностей этого подтипа, следует иметь в виду, что в современных условиях у охотников тундры Старого Света распространено оленеводство, которое существенно изменяет их традиционный быт. К такому подтипу первого хозяйственно-культурного типа относятся часть упомянутых уже саамов (лопарей) и юкагиров, а также долгане, нганасаны и материковые эскимосы Северной Америки. Объектом охоты этих народов, помимо дикого оленя, были песцы, мелкие грызуны, а также птица. До появления огнестрельного оружия охотились при помощи лука и стрелы, ставили силки, капканы. Эскимосы охотились на птиц с дротиками, а живущие на севере Старого Света — с обыкновенной палкой.

Главные черты материальной культуры вышеназванных народов подобны материальной культуре «пеших охотников тайги», изменение претерпела только одежда. У охотников лесотундры и тундры более утепленная зимняя одежда. Широко распространена длинная до пят глухая с пришитым капюшоном меховая кухлянка и высокие до бедра сапоги из оленьих камусов (бокари).

В сходных с описанным подтипом климатических условиях обитают охотники и рыболовы побережья холодных приполярных морей, которые сочетают ловлю лососевых с охотой на сухопутных животных в районе арктических морей или охоту на морского зверя с собирательством даров моря в антарктических морях. К первой группе данного подтипа могут быть отнесены сохранившиеся части некогда крупных этносов северо-западного побережья Северной Америки — тлинкиты, хайда, а также алеуты, ко второй группе — аборигены Огненной Земли ямана (или ягана).

Особенности длительного пребывания в понских пищи в бурных водах делали быт ямана кочевым или полукочевым. На берегу каждая семья имела полукруглую хижину из ветвей, крытую корой, на море семьи плавали в корьевых лодках (специально обработанная кора деревьев плотно сшивалась жилами животных и натягивалась на планочный каркас лодки). Здесь же в лодке на специальной земляной площадке постоянно горел костер. Для изготовления одежды широко использовали шкуры сухопутных и морских животных (ямана охотились на тюленей, других ластоногих и китов). Тюлени и киты были наряду с лососевыми основным объектом рыбной ловли у тлинкитов, хайда и алеутов.

У всех народов этой группы имелись постоянные поселения на берегу, они строили корьевые или кожаные лодки для морских плаваний, на изготовление орудий лова и охоты — гарпунов,

острог, стрел шла моржовая кость и кости других морских животных, кроме того, тлинкиты, алеуты и хайда были прекрасными резчиками по дереву. Эти народы пользовались специальными приспособлениями для защиты глаз от солнечного блеска, отраженного водой — деревянными очками-прорезами, козырьковыми шляпами, козырьками и т. п. Все они утилизировали тюлений и китовый жир. Сочетание рыболовства с охотой на сухопутных животных у тлинкитов, ведущих оседлый образ жизни, способствовало значительному экономическому прогрессу, появлению прибавочного продукта и даже домашнего рабства.

С культурой и бытом тлинкитов и алеутов чрезвычайно близко соприкасаются культура и быт арктических охотников. Этот подтип сложился в своеобразных условиях полярных районов Северной Азии у береговых чукчей и коряков и у эскимосов Северной Америки и Гренландии. Отсутствие леса, длительность зимы, обилие морских животных — тюленей, моржей, китов, котиков и др. способствовали формированию такой культуры, которая, базируясь на охоте за морским зверем, должна была полностью утилизировать охотничью добычу для удовлетворения всех жизненных потребностей.

Арктические охотники вели оседлый образ жизни и главным их жилищем была землянка или дом, сложенный из брусков утрамбованного снега, так называемая эскимосская иглу. На каркас снежного дома шли кости кита или кашалота. Шкуру добытых животных использовали при изготовлении лодок, как открытых, так и типа байдарок, и изготовления одежды, в том числе и своеобразной промысловой водонепроницаемой одежды из плавательных пузырей и кишок. Мясо шло в пищу, его умели заготавливать впрок. Обилие мяса и рыбы давало возможность держать значительное число собак, что и способствовало развитию упряжного собаководства. Жир добытых животных был, пожалуй, самой ценной частью, так как созданные на его основе каменные жировые лампы позволяли отопить и осветить жилище и таким образом выжить в суровых условиях Арктики.

Из костей животных изготовляли орудия лова и охоты — гарпуны, крючки, копья, стрелы. Арктические охотники всегда были прекрасными косторезами, и традиция эта сохраняется по сей день, хотя их быт меняется из-за катастрофического оскудения фауны арктических морей. Они же изобрели своеобразный поворотный гарпун, дававший возможность надежно поражать морских гигантов.

Как уже говорилось, собирательство привело через многотысячелетние наблюдения человека от сбора дикорастущих злаков и корнеплодов к их искусственному выращиванию, а приручение осиротевших животных, подраненных птиц или травоядных — к специальному содержанию, а затем и выращиванию.

В этнографии есть крылатое выражение: «Австралийцы стояли

накануне земледелия!» Такое заключение было сделано после сбора данных о способах хранения тех клубнеплодовых и корнеплодовых (в частности, дикого ямса), которые собирали женщины и для сохранения закапывали в землю. На самом деле оставалось совсем немного — закопать, забыть об этом, увидеть появившиеся ростки и затем в конце вегетативного периода обнаружить увеличенное число клубней. Этого, однако, у австралийских аборигенов не произошло, но зато так или почти так случилось во многих районах ойкумены, где на смену первому хозяйственно-культурному типу пришел второй.

ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ ВТОРОГО ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО ТИПА

Обе составные части второго хозяйственно-культурного типа — ручное земледелие и скотоводство — и по сей день достаточно широко распространены на Земле. Всюду, где мы встречаемся с ранними формами государственности, классового общества, их экономическим основанием являются либо ручное земледелие, либо скотоводство. Весь Новый Свет до появления европейцев так и не знал пашенного земледелия, но он самостоятельно на базе своих эндемичных культур — кукурузы, картофеля, таро, маниоки, путем одомашнивания специфических южноамериканских животных — ламы и альпаки — пришел к ручному земледелию и животноводству. Они явились базой развития выдающихся цивилизаций доколумбовой Америки — майянской, ацтекской, инкской и др.

Как собирательство, явившееся отправной точкой для открытия земледелия, было древнейшим занятием, так и ручное земледелие возникло много раньше, чем животноводство. Как отмечают Н. Н. и И. А. Чебоксаровы, в рационе ручных земледельцев преобладает растительная пища в сочетании с рыбной, и небольшое место занимают мясные продукты, что может свидетельствовать о переходе к земледелию прежде всего рыболовов и собирателей, а не охотников и собирателей.

Основными сельскохозяйственными культурами, которые выращивали ручные земледельцы, были для тропического и субтропического пояса корнеплодные и клубнеплодные — ямс, таро, батат, картофель, маниока, а также суходольный рис, банан, сахарный тростник, хлебное дерево, для жаркого пояса — заливной рис, для районов степей и полупустынь — пшеница, просо, кукуруза. В Европе выращивали ячмень, рожь, овес, технические культуры — коноплю, лен, в Америке — кукурузу, картофель, из технических — хлопок. Для всех ручных земледельцев характерен оседлый образ жизни, который может быть, однако, нарушен в тех местах, где продолжает культивироваться подсечно-огневой способ обработки земли, ведущий к быстрому истощению почвы и необходимости через несколько

лет искать новые участки. Практически все народы, вступив на путь земледельческого хозяйства, знали керамику, употребляли сажальный кол — модернизированную палку или мотыгу, изготавливали ткани из растительных волокон технических культур или особых пород дерева.

Следует также иметь в виду, что животноводство развивалось внутри уже возникшего земледелия и многие локальные варианты второго хозяйственно-культурного типа являлись сочетанием ручного земледелия как преобладающего вида занятий со скотоводством как подсобным, и наоборот.

Среди ручных земледельцев выделяются несколько локальных вариантов. Ручные земледельцы тропиков и субтропиков, изобретатели тропического земледелия, основанного на выращивании корнеплодовых, сахарного тростника, бананов, хлебного дерева и т. п., представлены большим числом народов Южной, Юго-Восточной Азии, Океании, Америки и Африки. Ручными земледельцами являются индейцы бассейнов Амазонки и Ориноко в Америке, пигмен, банту и другие народы тропической Африки, папуасы и меланезийцы Океании, некоторые этнические группы южной Индии, Индонезии и Филиппин. Для них характерно применение как подсечно-огневого метода (используются ножи и топоры — тесла для корчевания деревьев, кустарников и последующего рыхления почвы), так и постоянной обработки земли с помощью сажального кола, мотыги или буйволов (животных прогоняют по влажному полю для рыхления почвы), в земледельческих работах велика роль женского труда. В Азии и Африке у земледельцев этой группы помимо собаки есть домашние свиньи и птицы. Жилище — каркасно-столбовое, часто свайное, в плане — прямоугольное, реже круглое. Керамику они выделывают вручную без гончарного круга, одежда только поясная — набедренная повязка или передник. В хозяйстве широко используется бамбук.

Ручные земледельцы жаркого пояса представлены двумя подгруппами — океанической, к которой относятся микронезийцы и полинезийцы, и предгорной, распространенной у народов в возвышенных субтропических районах Азии.

Океанические ручные земледельцы применяют палку-копалку (в Новой Зеландии со специальной ступенькой), выращивают гаро, хлебное дерево, кокосовую пальму, на некоторых островах — суходольный рис, но очень тесно связаны с мореходством; из-за отсутствия глины не имеют керамики и используют как утварь колена бамбука, тыквы-колебасы, на изготовление одежды идут перья птиц. Указанные особенности отличают океаническую подгруппу от предгорной. К последней относят малайезычных гаошань Тайваня, мон-кхмероязычных кава в Юго-Восточной Азии и Южном Китае, хайнаньских ли и отдельные группы яо, а также цзинпо в Китае и Бирме, ифугао и другие горные народы Филиппин. Основными сельскохозяйственными культура-

ми являются заливной рис и таро. обработка поля ведется либо мотыгой, либо палкой-копалкой. Значительное место продолжает занимать в хозяйстве охота, у гаошань и кава она продолжает носить ритуальный характер и является в последние годы своеобразной трансформацией прежней охоты за черепахи. Бамбук — самый распространенный материал при изготовлении жилищ, орудий труда и лова, деталей одежды — защитных плащей и шляп. Жилища, как правило, свайные.

В той же географической зоне, но отличающейся в связи с подъемом местности более холодным климатом, выделяется вариант ручных земледельцев высокогорной зоны жарко-умеренного пояса. Среди них наиболее яркими представителями являются группы тибетцев — земледельцев долины Цангпо, близкие им дулун и ну, а также народы группы ницу на юге Восточной Азии и прежде всего собственно ницу Ляншаня. Для этих народов характерно выращивание холодоустойчивых сельскохозяйственных культур — ячменя, овса, гречихи, кукурузы, а также таро, ямса, технических — конопли, сурепки. Существенно также значение животноводства — разведение овец, коз, яков, сарлыков, буйволов и лошадей. Несмотря на появление в этих районах в последние десятилетия плуга, обработка земли ведется преимущественно мотыгой, а имеющийся скот выращивается на мясо, шерсть и кожу.

Холодный климат высокогорий, наличие хвойных лесов предопределили тип постройки жилища на высоком фундаменте, чаще всего двухэтажного (где низ используется для загона скота, а верх — для жилья), сложенного преимущественно из камня с использованием деревянных столбов для поддержания всей конструкции, крыши и для перекрытий. Очаг устроен в жилой части дома. Одежда из шерсти, кож и шкур диких зверей и домашних животных. В рационе наряду с растительной пищей есть и мясо-молочная. К этому варианту относятся народы Андского нагорья, припамирские таджики, кафиры, кашмирцы, буриши, жители Северного Кавказа (Дагестана), Альп, горных районов Тироля и Швейцарии, пиренейские баски.

Самым распространенным являлся тип мотыжных земледельцев степей и сухих предгорий умеренного пояса Старого и Нового Света. В Новом Свете он был представлен хозяйством доколумбовых ацтеков, майя, чибча-мусков, современных пуэбло, которое основывалось на кукурузе. В Старом Свете он некогда охватывал обширные районы Северной Африки, Передней Азии и Средней Азии, Северо-Западной Индии и Китая, где были очаги пшеничного и просяного (Китай) земледелия и где довольно рано на смену ручному земледелию пришло пашенное.

С мотыжными земледельцами степей и сухих предгорий были неразрывно связаны ручные земледельцы лесной зоны умеренного пояса Старого и Нового Света. В Америке к ним относились

индейцы ирокезских, атапаских и алгонкинских этнических групп, заимствовавшие земледелие у южных юто-ацтекских племен, в Евразии — древние славянские, финно-угорские и тунгусо-маньчжурские народы, которые выращивали ячмень, овес, рожь, просо, технические — лен, коноплю. Этот вариант длительное время сосуществовал с различными охотничье-рыболовными вариантами первого типа и отличался большим заимствованием культурных достижений древнейших охотников и рыболовов лесной зоны. Для обоих последних вариантов ручных земледельцев характерно использование в одежде тканей из растительных волокон, а в сооружении жилищ — глины, камыша, дерева.

Животноводство развивалось либо в связи с ручным земледелием (и у многих народов при переходе к пашенному оно так и осталось подсобным занятием — выращиванием тяглового скота), либо при сохранении видов хозяйства первого типа (например, северные норвежцы и шотландцы, а еще больше фарерцы и исландцы преимущественно заняты овцеводством в сочетании с рыболовством и охотой на морского зверя). Обособление животноводства от земледелия и превращение его в основную отрасль хозяйства, т. е. выделение на этнической карте мира пастушеских племен, стало возможным при одомашнивании не только крупного рогатого скота, но и лошади, верблюда и оленя. Такое событие, положившее начало первому крупному разделению труда, могло произойти лишь в тех зонах, где первоначально обитали дикие предки этих животных и где были условия для содержания значительного поголовья стада.

Пастбища являлись главным условием содержания скота, и скотоводческие народы расселялись в зоне степей и полупустынь Евразии, а также в полупустынных и пустынных районах Африки и тундре Старого Света. Содержание скота на подножном корму приводило к постепенному выбиванию пастбищ и к необходимости передвижения на новые места. Кочевой образ жизни отличал все скотоводческие народы. Их быт, материальная культура были приспособлены к постоянным передвижениям по открытым пространствам.

Продукты скотоводства полностью утилизируются в хозяйстве кочевников, основу питания которых составляла мясо-молочная пища. Шкура и кожа животных, а также шерсть шли на изготовление одежды, упряжи, переносных жилищ, утвари. Кочевание как хозяйственная потребность немыслимо без лошади, верблюда, оленя или яка — животных, приспособленных человеком для верховой езды и транспортировки груза. В районах Центральной Азии человек приручил лошадь, и под влиянием коневодства тюрко-монголов тунгусо-маньчжурские народы одомашнили оленя, который в таежной зоне был преимущественно транспортным животным, облегчившим условия быта охот-

ника и рыболова, а в тундре у самодийцев оленеводство стало ведущей отраслью хозяйства.

Как справедливо пишут Н. Н. и И. А. Чебоксаровы, «можно говорить о существовании нескольких локальных вариантов типа кочевников-скотоводов степей и полупустынь — центрально-азиатском, среднеазиатском, аравийско-африканском, южноафриканском и т. д. Для центрально- и среднеазиатских кочевников, например, характерно преобладание в поголовье домашних животных лошадей и овец, а также распространение войлочных юрт в качестве основных жилищ. В Передней Азии, Аравии и Северной Африке большую хозяйственную роль играют верблюды и козы, человеку жилищами служат преимущественно шатры и палатки. На юге Африки лошадей и верблюдов нет, стада состоят почти исключительно из крупного рогатого скота; жилища представляют собой круглые легкие хижины с жердевым остовом, располагаемые на стойбищах по кругу с загонem для скота в центре (так называемый «крааль»)².

Вариант южноафриканских скотоводов-полукочевников засушливых степей и полупустынь представлен у аборигенов африканского юга готтентотов и некоторых групп банту. К африканско-аравийским скотоводам-кочевникам полупустынных и пустынных районов относятся многие арабские племена, в том числе знаменитые кочевники Аравии — бедуины, а также скотоводы-кочевники передне- и среднеазиатских степей и полупустынь, в основном в эту группу входят тюркоязычные народы (казахи, узбеки, киргизы и др.), а также индоиранские (белуджи, пуштуны и др.). К центральноазиатским скотоводам-кочевникам степей и полупустынь относят тюркоязычных уйгуров, алтайцев, тувинцев и других, а также монголоязычных монголов, калмыков, бурят и т. д.

Сколько бы значительна ни была роль скотоводства в жизни пастушеских племен вышеуказанных географических зон, следует всегда иметь в виду, что часть скотоводов, как показали археологические раскопки последних лет (в частности, гуннского Иволгинского городища), внутри скотоводческих общностей занималась земледелием. Иными словами, скотоводы нуждались в продуктах земледелия и получали их либо путем обмена, либо путем захвата, либо развитием самостоятельной земледельческой отрасли, хотя и в ограниченном масштабе. В настоящее время подавляющее большинство бывших скотоводов-кочевников перешло к оседлости, к отгонному и стойловому содержанию скота, к развитию зерновых и технических культур.

Сочетание внутри одного этноса ручного земледелия и кочевого скотоводства наиболее ярко выражено у тибетцев, у которых, помимо ручных земледельцев, в долинах Цангпо есть скотоводы-кочевники высокогорий. Тибетцы-скотоводы разводят

² Там же. С. 208.

яков, сарлыков и меняют свою продукцию на сельскохозяйственную. Ячья и сарлычья шерсть идет на изготовление одежды, переносной шатрового типа палатки, кошм. Для шитья обуви и деталей костюма употребляют кожу; помет животных служит топливом. Распространена меховая шуба (по-тибетски чуба, не исключено заимствование этого типа одежды и ее названия русскими у тибетцев, через монголов или тюрок). Тибетцы-скотоводы, небольшие тибетоязычные этносы в Притибетье, алтайская этнографическая группа теленгиты — представители уникального типа высокогорных скотоводов-кочевников.

Оленеводы тундры Старого Света — самый поздний по времени образования вариант скотоводов-кочевников, который распространен у сухопутных чукчей и коряков, ненцев, иганасан и других народов севера Сибири. Оленеводство дает все необходимое для существования и проживания человека в районах Приполярья и Заполярья (из оленьих шкур шьют одежду, мясо оленя — основа питания; оленей используют как средство передвижения).

ПАШЕННЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ — ТРЕТИЙ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЙ ТИП

Пашенное земледелие было, вне всякого сомнения, гигантским шагом вперед, который способствовал резкому повышению продуктивности сельского хозяйства и позволил ввести в хозяйственный оборот новые площади. Как уже говорилось, пашенное земледелие явилось логическим сочетанием прогрессивных методов ручного земледелия со скотоводством. Зона его распространения даже сегодня ограничена, так как есть достаточно обширные горные или предгорные районы, где применение плуга просто невозможно. Она была еще меньше в пору возникновения третьего хозяйственно-культурного типа, поскольку для его появления требовалось благоприятное сочетание достаточно обширных просторов, искусственного орошения, тяглового скота и изобретения хотя бы примитивного рала.

В науке, кроме указания на то, что до европейской колонизации ни Новый Свет, ни Австралия и Океания, ни Африка к югу от Сахары не знали пашенного земледелия, нет однозначного решения проблемы — в одном или нескольких центрах появились пахотные орудия, в одном или нескольких (как и ручное земледелие) центрах возник такой тип обработки земли?

Археологические данные дают достаточно оснований, чтобы считать долины рек Тигра и Евфрата, Нила, Инда и Ганга, Амударьи и Сырдарьи, Амура и Зен, Хуанхэ и Янцзы, т. е. засушливую умеренную и субтропическую климатическую зону, районами самого раннего пашенного земледелия для Афро-

Евразийского континента. Однако, анализируя те же археологические материалы, нетрудно заметить, что пашенное земледелие более чем на два тысячелетия раньше появилось в крайне западных областях континентов — Нильская долина и Двуречье — чем в восточных (Приморье и Приамурье, Лёссовое плато и Центральная равнина Китая). Можно допустить, что именно от древнеегипетской цивилизации и цивилизаций Двуречья пашенное земледелие начало свое распространение на восток и к середине I тыс. до н. э. достигло крайне восточных пределов — побережья Тихого океана.

Пашенное земледелие, революционизировавшее само производство, не принесло существенных изменений в материальную культуру, которую создали ручные земледельцы, хотя и несколько модернизировало или разнообразило ее, особенно в одежде и пище, где стали более широко применяться ткани из льна, хлопка, конопля, расширился в рационе ассортимент изделий из масличных и зерновых культур. С пашенным земледелием в хозяйствах различных этносов успешнее стали внедряться бахчевые культуры, виноград, плодовые деревья.

Следует отметить, что создатели хозяйственно-культурной типологии выделяют внутри ХКТ следующие локальные варианты: а) пашенные земледельцы засушливой зоны — самый распространенный вариант, который представлен у народов Средиземноморья, Передней и Средней Азии, Северного Китая, Маньчжурии и Кореи; б) пашенные земледельцы влажных тропиков и субтропиков — вариант, который возник в Южной и Юго-Восточной Азии, на юге Восточной Азии (к югу от Янцзы) в колониальную эпоху под влиянием европейцев; в) пашенные земледельцы лесостепей и лесов умеренного пояса — вариант, представленный сегодня у народов Европы, Южной Сибири и Дальнего Востока, а также в Северной Америке. Причем в Северной Америке этот вариант пашенных земледельцев в результате европейской колонизации возник совсем недавно, тогда как в Европе, Сибири и на Дальнем Востоке он появился еще во II—I тыс. до н. э. в связи с распространением из исторически ранних очагов земледелия пахотных орудий.

Рассмотренные хозяйственно-культурные типы достаточно ясно показывают взаимосвязь и взаимозависимость прогресса мировой цивилизации и производственной, хозяйственной деятельности людей, равно как и пути тысячелетних культурных контактов между этническими общностями Старого и Нового Света, т. е. всего земного шара.

Глава VI

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(о значении различных источников
в рамках комплексного подхода)

Исследование этногенеза справедливо относится к сложнейшим проблемам этнической истории народов. Думается, сегодня уже есть все основания признать, что значительные успехи советских этнографов в этой области прямо связаны с освоением ими метода комплексного подхода к решению вопросов этногенеза.

Формирование новых научных принципов в этногенетических исследованиях советских этнографов приходится на конец 40-х — начало 50-х годов. Особо следует отметить известную статью С. А. Токарева «К постановке проблем этногенеза». Автор дал верную оценку методики и методологии этногенетических исследований в советской и мировой науке, подчеркнув те принципы комплексного подхода к этногенетическим проблемам, которые были одобрены на всесоюзном совещании этнографов в 1951 г.

Подводя итоги прошлых исследований этногенетических проблем, С. А. Токарев писал: «Изучение этногенеза отдельных народов составляет чрезвычайно сложную проблему. Полное решение ее невозможно без учета всех сторон этногенетического процесса и без привлечения всех видов источников. К сожалению, этого в большинстве случаев не делается, и проблема происхождения того или иного народа чаще всего решается на каком-нибудь одном материале — антропологическом, языковом, археологическом и пр. В результате получается одностороннее решение проблемы»¹. С. А. Токарев кратко, но точно охарактеризовал ценность письменных, антропологических, археологических и языковых источников. «Народ характеризуется всегда множеством признаков, он представляет собой

¹ Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12—36.

сложный комплекс исторически сложившихся особенностей, бытовых черт, материальной и духовной культуры. Понять происхождение народа — это значит разъяснить все эти особенности, установить их генезис и развитие.

Вот почему именно этнография и только этнография как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа. Но она может дать такое решение не в отрыве от других упомянутых выше наук... а непременно в тесном сотрудничестве с ними»².

Необходимо отметить, что принцип, предложенный С. А. Токаревым, явился естественным продолжением методики, реализованной Ф. Энгельсом в двух его историко-этнографических рукописях. Речь идет о работах «К истории древних германцев» и «Франкский период», задуманных как единое сочинение по истории Германии и германского народа. В них Энгельс привлек имевшиеся тогда данные археологии, антропологии, письменной истории, лингвистики. Такой подход позволил объективно оценить письменные источники и доказательно представить ранние этапы этнической истории германцев. По сути дела, это был первый опыт комплексного решения этногенетических проблем. Исследуя историю древних германцев, сведения, которые имелись у античных авторов, Ф. Энгельс заметил: «С Тацитом и Птолемеем прекращаются письменные источники о событиях и условиях внутренней жизни Германии. Но зато перед нами открывается ряд других гораздо более наглядных источников — находки памятников древности, поскольку их можно отнести к эпохе, подлежащей нашему рассмотрению»; к таким же важным источникам он относил и данные языка, так блестяще им использованные в рукописи «Франкский период» в разделе «Франкский диалект»³.

Идея комплексного подхода в этногенетических исследованиях заключается в широком и методически верном использовании данных этнографии в сочетании с материалами исторических и смежных наук, включая и разделы некоторых естественно-научных дисциплин (этноботаника, этнозоология и некоторые другие). Комплексный метод прежде всего учитывает все многообразие факторов: антропологических, археологических, данные фольклористики, истории, лингвистики, этнографии, а также иных дисциплин: ономастики, глоттохронологии и др.

Период, пройденный за три с половиной десятилетия, позволяет сделать определенные обобщения, необходимые еще и потому, что, несмотря на серьезные публикации по этнической истории, в смежных науках еще продолжает осуществляться метод частного, так сказать, подхода к этногене-

² Там же. С. 36.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 468—469; 518—546.

тическим проблемам. Это свойственно антропологам и археологам, но главным образом языковедам. Нередко еще сохраняется позиция игнорирования этнографических данных при изучении этногенеза.

Одним из итогов этого периода можно считать то, что определились хронологические рамки этногенетических исследований, а также пространственно-объективная методика. Проблема хронологии занимает важное место при исследовании этногенеза как процесса. Являясь историческим процессом, этногенез начинается со становления первой формы этнической общности — племени.

Советские антропологи считают, что образование антропологических типов связано с неолитом, советские археологи связывают с эпохой неолита окончательное оформление племенной организации. По мнению видного советского лингвиста С. Е. Яхонтова, время сложения основных языковых семей по лексико-статистическому методу тоже может соответствовать неолиту, поэтому правомерно относить начало этногенеза народов именно к неолиту. Конечно, далеко не у всех народов мира изучение этногенеза возможно вести со столь отдаленной эпохи, но у всех народов его нужно начинать с доклассового периода.

Методически этногенетическое исследование можно вести относительно определенного этноса, а также населения конкретной территории. В первом случае особую значимость приобретают толевые исследования современного этноса и выстраивание линии научного поиска от современного состояния в прошлое к этногоническим источникам. Во втором случае мы начинаем разработку проблемы от древнейших памятников культуры на изучаемом пространстве и их создателей и приходим к современному этническому составу исследуемого района. Второй путь предпочтительнее, ибо он последовательно, на вещественном материале восстанавливает картину этнических и культурных преобразований.

Рассмотрим методические принципы использования данных каждой отдельной отрасли знаний. Начнем с науки, способной дать наиболее древние этнодифференцирующие факты, — антропологии, и с той именно ее части, которая известна как историческая, или этническая, антропология. В данных антропологии нас прежде всего привлекают материалы этноразличительного характера, которые дает не просто расовая дифференциация, носящая преимущественно обобщающий характер, а классификация народов мира по антропологическим типам, сложившимся в результате социально-исторического развития уже сформировавшихся рас в процессе культурных, исторических, межрасовых контактов, вызванных миграционными и консолидационными процессами.

Определяя антропологический тип как классификационную

единицу, Н. Н. Чебоксаров писал: «В группы антропологических типов объединяются те, которые связаны историей происхождения, которые сложились в силу сходных или однородных причин из элементов одинакового происхождения, смешавшихся в разных пропорциях, которые морфологически напоминают друг друга»⁴. Именно антропологические типы выступают как первичные категории этнического многообразия мира, выраженного антропологически. Следует, однако, помнить, что и классификация по антропологическим типам носит обобщенный характер, т. е. иногда под одним типом (например, таималайский) может выступать множество этносов, а иногда один этнос может быть представлен несколькими типами (например, русский).

Уместно было бы вспомнить, что такой установленный антропологический тип неолитических яншаосцев, как северо-китайский, полностью соответствует антропологическому типу современных северных китайцев, что свидетельствует о хронологической стабильности, малой изменчивости телесных характеристик, дающих возможность заглянуть в далекое прошлое этноса, практически к его истокам. Присутствие различных антропологических типов у населения изучаемого района или исследуемого этноса говорит о существенных этнокультурных событиях, установление которых станет вехами в этнической истории края или народа.

Советские антропологи Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова выдвинули важный тезис, согласно которому «язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка. Поэтому в тех случаях, когда антропологические данные указывают на распространение того или иного антропологического типа... встает задача выяснения исторических условий, вызвавших это распространение, а также тех историко-культурных и языковых явлений, которые были с этим распространением связаны»⁵.

По мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов значение антропологических данных в общем комплексе возрастает. Это положение по-своему определил выдающийся советский антрополог В. В. Бунак, который писал: «Если, несмотря на тесную зависимость антропологических группировок от этнических объединений, та и другая части не совпадают, то должна существовать причина такого несоответствия. Она заключается в том, что перестройка антрополо-

⁴ Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций. Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. М., 1951. Т. 16. С. 306.

⁵ Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Советская этнография. 1952. № 1. С. 4.

гических признаков происходит несравненно медленнее, чем изменение этнических общностей»⁶.

Различия в антропологическом типе не адекватны различиям сравниваемых групп в этническом и языковом отношении. «Значительная разнородность антропологических типов, входящих в состав народов, лингвистически более или менее близких, при отсутствии переходных между ними типов свидетельствует о формировании языковой общности в результате ассимиляции»⁷. Вместе с тем антропологическая близость не дает оснований отрицать процесс ассимиляции. Антропологическая общность при большой языковой разнородности свидетельствует о существовании в прошлом тех или иных форм языковой общности (например, антропологическая общность народов Дагестана).

При соотнесении антропологических данных с хозяйственно-культурными типами или историко-этнографическими общностями необходимо помнить, что в первом случае речь идет о возникновении сходных хозяйственно-культурных типов, развивающихся независимо друг от друга, и тогда общность не объясняется историческими связями; во втором случае общность возникает на определенной территории в результате длительных связей, общности исторических судеб населяющих данную область народов. Следовательно, в классификации народов по хозяйственно-культурным типам нет оснований предполагать близость или особые генетические связи антропологических типов; напротив, классификация по историко-этнографическим областям имеет особое значение для решения этногенетических проблем, так как формирование антропологических типов связано с возникновением самой такой общности.

Чем дальше в глубь веков, тем больше совпадений в этнической и антропологической общности. Однако социально-исторические события приводят к изменению состава этнических общностей, увеличению их численности, дроблению или слиянию отдельных частей, изменению круга брачных связей; все это обуславливает перестройку антропологических типов.

Во избежание ошибок в определении таксономического значения признаков при сравнении антропологических данных этнических общностей рекомендуется контролировать признаки путем «а) возможно более широкого использования палеоантропологических данных, дающих прямые указания на последовательность смены типов;

б) всестороннего биологического анализа признаков, их функциональной сущности и путей развития;

⁶ Бунак В. В. Этнические группы и антропологические типы, их взаимоотношение в процессе формирования в связи с проблемами этногенеза. М., 1951. С. 3—4.

⁷ Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал... С. 5.

в) учета этнического и географического распределения полученных комбинаций признаков».⁸

В настоящее время этнически значимые антропологические данные добываются не только палеоантропологией, но и успешно развивающимися в последние десятилетия отраслями популяционной генетики: серологией, одонтологией, дерматоглификой, фотометрией.

Обратимся, например, к антропологическим данным по мунда Индии. Сравнение санталов и мунда с их дравидоязычными соседями показывает, что у первых чаще встречаются некоторые морфологические особенности, характерные для южных тихоокеанских монголоидов. Возможно, в состав мундоязычных народов вошли какие-то монголоидные компоненты, по происхождению связанные с народами Юго-Восточной Азии, тем более что еще более монголоидными выглядят мон-кхмероязычные кхаси Ассама — района, пограничного с Бирмой и Индокитаем.

На следующем месте по древности источника стоят данные археологии. Археология (которую справедливо называют еще «палеоэтнографией», если она занимается не только формальным описанием памятников, а пытается восстановить жизнь и быт носителей определенной культуры) дает возможность проникнуть в ранние этапы этнической истории. Вместе с тем исследователь ощущает сложность разграничения этнических общностей по данным археологии из-за их фрагментарности.

В использовании археологического материала следует методически верно ориентироваться в его возможностях. Они как правило, относятся к двум сферам жизни этносов: 1) производство (орудия труда) и материальная культура (прежде всего жилище, утварь) и 2) некоторые аспекты духовной культуры (прикладное искусство, верования). Утверждения о способности археологического материала даже на уровне неолита, не говоря уже о более ранних периодах, демонстрировать социальные и семейно-брачные отношения не могут считаться безусловными.

Наиболее представительный материал по этим двум сферам дает именно эпоха неолита. Неолитические данные многочисленны и отличаются большим культурным разнообразием, обусловленным теми локальными различиями, которые сформировались в предшествующую эпоху и которые с глубоким знанием дела проанализировал выдающийся советский археолог-палеоэтнограф С. Н. Замятин. Ему принадлежит первенство в представленной далее методологической оценке данных археологии для этногенетических исследований.

Производство и материальная культура в наибольшей степени зависят от физико-географической среды, когда на формирование орудий труда и устройство быта древнего человека

⁸ Там же. С. 10.

вливают и фауна, и петрография, и климат, и флора, и даже наличие или отсутствие естественных укрытий. Там, где человек в наибольшей степени должен адаптироваться к природе, в сходных экологических нишах могут возникнуть сходные формы производства и материальной культуры.

Разграничивать этнические общности по данным археологии весьма трудно из-за фрагментарности археологических объектов. Как считает С. Н. Замятин, можно выделить локальные различия в культуре палеолитического периода, непосредственно предшествующего периоду, с которого начинается положительное решение этногенетических проблем. Они становятся отчетливее по мере распространения человека по ойкумене; их выявление зависит также от способности человеческих коллективов приспосабливаться к жизни в различных географических сферах. Локальные различия, устанавливаемые по археологическим данным, дают возможность показать автохтонность, или пришлость, народа, интенсивность культурных контактов, приспособленность к местным физико-географическим условиям. «Лишь в результате длительного процесса, составляющего основное содержание культурного развития палеолитического человека, у него возникает способность варьировать формы своего хозяйства и быта в зависимости от характера окружающей природной среды».⁹

Культура, о локальных различиях в которой идет речь, обусловлена не столько различиями природной среды, сколько общественным бытием. При этом природные условия не являются основанием для разделения этносов, ибо физико-географическая среда оказывается изначально данной. Таким образом «локальные различия возникают в процессе исторического развития и определяются не внешней средой, взятой самой по себе, а характером приспособления общества к данной среде. Интенсивность этого приспособления непрерывно возрастает, и на определенном историческом этапе оно начинает играть решающую роль в жизни отдельных первобытных племен».¹⁰ Время такого критического нарастания интенсивности — мезолит, и особенно неолит.

Вместе с тем опыт использования археологического материала свидетельствует, что в памятниках материальной культуры можно выделить этническую специфику, которая не обусловлена ни технологической необходимостью, ни природным материалом. В качестве примера можно сослаться на примечательное событие, отмеченное археологическими данными по юго-восточной этнокультурной провинции Китая и относящееся к середине I тыс. до н. э. В тот период на данной территории

⁹ Замятин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. ин-та этнографии. Нов. сер. М., 1951. Т. 16. С. 97.

¹⁰ Там же.

обнаруживается в качестве основного орудия труда ступенчатое тесло (мотыжка), сменившее плечиковый топор-тесло и, в свою очередь, уступившее место тоже плечиковому топору-теслу, но уже не из камня, а из металла. Ни материалом, ни технологическим нововведением появление ступенчатого тесла нельзя объяснить; единственным разумным объяснением, подтвержденным к тому же письменным китайским источником, явилось мнение, что ступенчатый тип орудия труда связан с племенем юэ (относящимся к протополинезийской общности и осуществившим сравнительно кратковременное вторжение в пределы мон-кхмероязычного населения юго-восточного Китая).

Наиболее же этнически обусловленными, а следовательно, и доказательными для этногенеза и этнической истории выступают археологические памятники, возникновение которых не связано ни с внешней природной средой, ни с техническим или хозяйственным приспособлением к ней, а определяется непосредственно жизнью общества, отношениями внутри него.

«Речь идет о таких памятниках как предметы личного убора и украшения, орнамент, произведения изобразительного искусства, позволяющие, в свою очередь, подойти к выяснению связанных с ними религиозно-магических представлений, погребения с различными обрядами захоронения. Различия этого рода, если можно так выразиться, наиболее этнографичны, позволяют установить гораздо более дробные локальные группы»¹¹.

Сходство памятников такого рода — результат исторически сложившейся культурной общности. Здесь уместно вспомнить раскопки памятников I тыс. до н. э. из области Дунтин-Поянху в Южном Китае, когда набор сопроводительного погребального инвентаря более чем в ста случаях (а вскрыто захоронений чуть больше ста) свидетельствовал о преемственности культурной традиции, уходящей своими корнями в докитайскую этническую общность указанного района (неолитическая эпоха). При этом археологические данные хорошо увязывались с уже существовавшими письменными источниками.

Значительное место в комплексе научных источников для решения этногенетических проблем занимают языковые данные. Языкознание нередко предоставляет возможность заглянуть в очень ранние этапы этногенеза, этнической истории народа. Одним из основных достижений лингвистов-компаративистов является генеалогическая классификация языков мира по принципу родства в языковых семьях и их ветвях и группах. Именно генеалогическая классификация языков принимается этнографами для исследования историко-культурных связей этносов, да и самой классификации этносов. Вслед за языковедами этнографы исходят из того, что родство языков, как правило, означает родство носителей этих языков. (Случаи формирова-

¹¹ Там же. С. 98.

ния этносов в Новом Свете или в зоне бывших колоний на базе языков колонизаторов и колонистов этому положению не противоречат). Все это дает основания при этногенетических исследованиях обращать внимание прежде всего на языковое родство самого этноса с соседями или возможными предками и потомками.

Язык — великое проявление этнической специфики культуры общности, наглядный выразитель ее уникальности. Поэтому необходимо использовать материал живого языка со всеми его связями и с одновременной реконструкцией древних его форм, чтобы через имеющиеся письменные источники проследить саму историю языка и наложить ее на историю этноса. При этом необходимо иметь в виду, что языковые сопоставления возможны только на синхронном уровне (иными словами, нельзя сопоставлять факты живого современного языка без соответствующих реконструкций для определения родства с древними языковыми формами).

Кроме того, следует учитывать, что определение генетического родства языков опирается только на данные основного словарного фонда и грамматического строя языков. Обращение к грамматическому строю в обычной практике (нелингвиста) затруднено, в то же время пользование основным словарным фондом вполне доступно. Заметим, однако, что отношение к основному словарному фонду бывает часто недостаточно корректно, поэтому напомним, какую категорию понятий включает в него практика этногенетических исследований. В него входят так называемые «первичные понятия»: человек и его тело, исчисляемые до 10, местоимения, термины родства, космические, астральные объекты и явления природы, а также понятия из сферы материальной культуры, отражающие конкретную среду зоны этнического формирования и элементарные социальные, семейные отношения. С. Е. Яхонтов предлагает расширить основной фонд включением в него глаголов, обозначающих элементарные действия человека, как-то: «есть», «стоять», «лежать», «идти», «бежать» и т. п.

Любопытная в этом смысле ситуация сложилась с семитохамитскими народами, «разошедшимися» после усыхания Сахары. «О былом единстве языков всех этих групп свидетельствуют общие им всем черты грамматического строя — единая система местоимений, некоторые черты структуры глаголов, образование отглагольных имен и своеобразная система образования множественного числа. Хотя на протяжении веков словарный состав языка изменился, бывшая общность, однако, все еще может быть уловлена в ряде общих коренных основ».¹²

¹² Ольдерогге Д. А. Об этногенезе народов Центрального Судана. М., 1951. С. 47.

В этногенетических исследованиях весьма эффективным оказывается также метод М. Сводеша по глоттохронологии. В скорректированном С. Е. Яхонтовым виде этот метод дал достаточно существенные результаты даже по этногонии, в частности тибето-китайских народов.

Завершая раздел о языковых материалах, уместно привести еще два методических положения, принадлежащих С. Е. Яхонтову. Одно из них состоит в том, что если какой-нибудь язык географически изолирован от других членов своей семьи, то время отделения такого языка, вычисленное по глоттохронологии, свидетельствует о времени переселения народа на новую территорию. Согласно второму положению, наличие небольшого этноса, в языковом отношении изолированного, в окружении крупного языкового и этнического массива свидетельствует об автохтонном происхождении первого.

Классическим примером, подтверждающим второе положение, является существование в индонезийской среде дравидоязычных брагуи, отделенных от основного дравидского массива тысячами километров и плотной массой индо-арийцев. Кстати, брагуи дают повод для утверждения о наличии еще до индо-арийцев дравидоязычного населения в Индостане, и в частности в долине Инда. Все это побудило советских исследователей искать в древних дравидских создателях хараппской цивилизации.

Особое место в ряду языковых материалов занимают слова и понятия ономастического круга, как-то: этнонимы, антропонимы, топонимы (включая сюда гидронимию) и даже зоонимы. В этой связи нельзя не вспомнить предостережение, сделанное П. И. Кушнером: «Обычным приемом многих историков, специализирующихся на вопросах этногенеза, является метод „примеривания“ сообщенных античными авторами названий к этнонимам обитавших позже на тех же территориях народов. Этот метод весьма примитивен и спорен, поскольку сведения античных авторов неточны, нередко противоречат друг другу и допускают смешение этнонимов с географическими названиями»¹³. П. И. Кушнер привел примеры неверного отождествления эстиев Тацита с эстами, готов с гетами (как это сделал Йордан) или венгов с вендами. «При отсутствии тщательного лингвистического анализа названий народов и при произвольном сближении фонетически близких названий метод „примеривания“ нисколько не приближает нас к разрешению этногенеза...»¹⁴ — писал он.

В этой связи любопытно исследование этнонима «бамбара», проведенное В. Р. Арсеньевым. Он доказал, что первоначально этим именем назывались «немусульмане», но затем произошло стяжение «бамбара» с реальным этнонимом «бамана», что дало

¹³ Кушнер П. И. К вопросу об этногенезе литовцев. М., 1951. С. 5—6.

¹⁴ Там же. С. 6.

основание считать сегодня «бамбара» реальным этнонимом, названием реальной этнической общности.

Этнонимы довольно часто встречаются и в письменных источниках, и в устной традиции. Однако нельзя забывать, что этноним — «это только небольшая доля всей истории народа, носящего данное имя — скорее имени, чем истории его носителя».¹⁵

Личные имена людей и прозвища животных также являются основаниями для выводов об этнокультурных контактах этнических общностей. Но особенно значимыми оказываются данные топонимики. Чаше всего основные географические объекты — крупные реки, горы, долины, пустыни — сохраняют названия, присвоенные им первопоселенцами, и, если топонимы непонятны, невыводимы из языка ныне живущего в данном районе этноса, то можно и нужно искать их предков, искать этносы, оставившие о себе память. Ярким примером являются кетские названия таких рек Западной Сибири, как Дубчес, Кеть, Енисей. Во всех трех топонимах присутствуют кетские слова и понятия. Слово «Кеть» ясно, в слове «Дубчес» присутствует видоизмененное кетское слово сесь — река, сей в слове «Енисей» тоже восходит к сесь, а Ени, возможно, — имя высшего божества или какого-либо другого значительного персонажа кетской мифологии. Таким образом, есть основания считать древних кетов перво-поселенцами этих речных долин Западной Сибири.

В ряду данных для этногенетических исследований существенное место занимают письменные источники, факты письменной истории. Как известно, письменность — культурное достижение классового общества. В силу этого она исторически ограничена, и количество древних письменностей ничтожно мало в сравнении с числом современных им этносов. Самым ценным в письменных источниках являются этнонимы и топонимы, сюжеты культуры (особенно духовной), а также элементы словаря — набор иноэтничных слов.

Примечателен классический памятник истории IX в. — труд китайского дипломата Фань Чо «Маньшу». В синологии идет спор об этнической принадлежности населения средневекового некитайского царства Наньчао. Ряд исследователей склонны считать его тайским. Однако в одной из глав «Маньшу» описывается похоронная обрядность основного населения Наньчао — умань, совпадающая с погребальным обрядом современных ицзу, а в другой приведен словарь уманьских слов, которые понимаются только через язык ицзу. Нет никаких сомнений, что письменный источник свидетельствует об этнической принадлежности наньчаосцев к народам, говорившим на языках группы ицзу тибето-бирманской ветви синотибетской языковой семьи.

¹⁵ Попов А. И. Названия народов СССР: (Введение в этноимику). Л., 1973. С. 6.

Поскольку письменные источники весьма ограничены во времени и пространстве, при этногенетических исследованиях уместно опираться на такой вид источников, как фольклорные данные. При этом фольклор подразделяется как народное творчество вообще, имеющее подразделения и устной поэтики, и музыки, и хореографии, и орнаментики прикладного искусства. Методически существенны легенды, предания, сказания, где особо должны быть выделены встречающиеся этнонимы и топонимы, данные, относящиеся к социальному устройству общества, духовной культуре и быту, сюжетность и ритмика; в музыкальном фольклоре нужно знать построение фразы, гамму и музыкальный инструментарий. Для этногонических штудий существенными являются также орнамент и народная скульптура; причем следует учитывать, что различные типы орнамента неоднозначны. Так, исторически возможно повторение геометрических фигур; в растительном орнаменте присутствует символика конкретной географической среды, в зооморфном — конкретной фауны. Для определения этнической специфики важны случаи сочетания орнаментов, а также отличие глобальных вариаций от специфических. Необходимо учитывать и технику нанесения, или исполнения, орнамента как этнический показатель. Фольклорные танцы и игры, производственные и обрядовые, всегда выступают в связи с конкретной этнической средой.

«В качестве дополнительных источников при освещении некоторых вопросов происхождения народов,— писали в 1951 г. С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров,— могут быть использованы этногенетические предания, почти всегда заключающие рациональное ядро, которое обычно удается отделить от фантастических древнемифологических мотивов и от недостоверных наслоений позднейшего времени. Яркими примерами источников этого рода могут служить ненецкие и чукотские сказания о древних оседлых обитателях Крайнего Севера, а также легенды о происхождении и переселениях полинезийцев».¹⁶ К этому примеру уместно добавить этногенетические предания мяо о собаке — прародительнице народа паньху и легенду предков ицзу дяньцев о борьбе человека с белым тигром, которые нашли отражение в рисунках на лезвиях мечей из погребений IV—III вв. до н. э.

Существенным подспорьем при обработке первичных данных об этногенезе и этнической истории становятся объективные данные по историко-этнографическим областям мира. Связь историко-этнографической области с этнической историей конкретного района определяется тем, что сама историко-этнографическая область как объективная реальность связывает население общей культурой и общей исторической судьбой, что

¹⁶ Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н. Об этногенетических проблемах. М., 1951. С. 6—7.

и формирует новые этнические общности и этнокультурные связи.

С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров еще в 1951 г. отметили, что существующий уровень этнографических знаний позволяет выделить крупные историко-этнографические области, в которых живут народы, связанные общностью происхождения или хозяйственной экономической деятельностью. В пределах СССР ими были выделены следующие области: Прибалтика, Волго-Камье, Северный Кавказ, Закавказье, степи Казахстана и Средней Азии, Приамурье и т. д. «Наличие в пределах одной историко-этнографической области народов, говорящих на разных языках, указывает обычно, что некоторые из этих народов сложились вне рассматриваемой области и лишь впоследствии проникли в ее пределы, частично или полностью восприняв культуру местного коренного населения, но сохранив свой язык: таковы, например, вероятно, манси и ханты в Приобье, венгры на Дунае, таи в Индокитае. Возможен, впрочем, и другой случай, когда имела место языковая ассимиляция без существенных переселений („тюркизация“ шорцев или переход на английский язык большинства шотландцев)»¹⁷.

Иными словами, если в начале этногенетического исследования возможно поместить изучаемый этнос в определенную историко-этнографическую группу, то возникнут не только гипотетические, но и реальные историко-культурные связи, появится возможность поиска этногенетических истоков.

Наиболее объективно оценить этногенетические факты может прежде всего этнограф. Именно он, используя данные антропологии и археологии, языкознания и письменной истории, фольклора и ономастики, этноботаники и этнозоологии, увязывает эти факты с материалами самой этнографии.

Этнографические материалы берутся в их бытовании, в этногенетических исследованиях они выступают достаточно конкретно и играют существенную роль. Пользоваться данными этнографии непросто, особенно теми, которые получены из сферы хозяйственной деятельности и материальной культуры и которые имеют нередко модернизированный характер, неся следы контактов и заимствований, а также сходства из-за подобия физико-географических условий. И все же в любой группе этнографического материала — будь то материальная или духовная культура, социальные или семейно-брачные отношения — всегда можно выделить этническую специфику, которая и выражает этногенетическую связь этнографии с данными других наук.

Практика полевой этнографической работы, насчитывающая не одно столетие, выработала принципы отбора показательных (т. е. этнодифференцирующих) элементов в разносторонней жизни, культуре и быте этноса. Остановимся на некоторых

¹⁷ Там же. С. 5.

из них в соответствии с логикой исторического исследования, т. е. начнем с хозяйственной деятельности этноса. Последняя детерминируется физико-географическими условиями обитания этнической общности и уровнем ее социального развития. Как известно, число основных занятий крайне ограничено, поэтому сам по себе факт повторения одного и того же занятия в разных регионах еще не обуславливает каких-либо выводов, но все же сочетание основных и подсобных занятий, разделение труда, сезонность, набор орудий труда, получение продукта и его распределение могут дать значимые факты. Кроме того, этническая специфика проявляется и в типе орудий труда, и в их главных рабочих частях.

Здесь используется тот же методический принцип, что и при анализе археологических данных: если изменения в конструкции орудия труда не вызваны технологической необходимостью или изменением занятий, но в таком случае следует искать глубокие этнические сдвиги, которые могли отразиться на этногенезе этноса или, во всяком случае, на его этнокультурных связях. Примечательно в этом смысле изменение основных занятий русских старожилов, поселившихся еще в XVI—XVII вв. на Колыме, Анадыре и Индигирке. В условиях Крайнего Севера они вынуждены были отойти от пашенного земледелия и заняться рыбной ловлей, заимствовав от чукчей и юкагиров многие орудия и сами приемы этих промыслов.

Хозяйственная деятельность находит свое отражение в народном календаре, который нередко фиксирует ее ранние этапы, свойственные этническим предкам изучаемого народа. К примеру, современных кетов в названиях месяцев находит отражение занятие рыбной ловлей как в прошлом их основного занятия.

В сфере материальной культуры число этнопоказательных признаков, не вызванных приспособлением к среде обитания, увеличивается. Даже в типе поселения, которое обычно зависит от рельефа местности, можно обнаружить специфику его организации (например, с центральной площадью, храмом или мужским домом вне зависимости от характера рельефа).

Значительной этнической спецификой отличаются и жилища. Она может проявляться в основной конструкции (каркасно-столбовая), где стены не несут никакой нагрузки, как, например, у китайцев; свайная или на высоком фундаменте постройка малайе-полинезийцев и тибето-бирманцев (у последних низ для скота, верх для людей); в сооружении чума без опорного кольца у ненцев и эвенков и с опорным кольцом у кетов и селькупов; тюркский и монгольский тип юрты и т. п.

Этническую окраску имеет и организация внутренней планировки, а именно: расположение и конструкция очага, положение камер (комнат) и их функции, красный угол и «гостевое место», ориентировка входа, положение дымового и светового отверстий. Нередко дополнительную специфически этническую картину дают

названия конструктивных деталей жилища. Так, основные шесты в кетском чуме имеют название по времени дня, когда на них падает луч света; это признак сугубо кетский, и если он встречается у тувинцев-тоджинцев, то следует искать этногенетические связи их с кетами.

Определенной специфичностью обладают и утварь, и пища, которые всецело зависят от хозяйственной деятельности людей. Так, различного вида пароварки — утварь, свойственная китайской этнической традиции, а изделия из бересты и дерева — таежным народам, в то же время сосуды из бамбука типичны для народов Океании, а из кожи — для скотоводов. Данные элементы материальной культуры представлены достаточно широко, но в своей ритуально-обрядовой форме они могут и бывают этнически специфичными. Так, для современных китайцев, выращивающих пшеницу и рис, такими элементами являются новогодние и свадебные пряники из проса, а для ицзу, знающих преимущественно гречиху и ячмень, — употребление в обрядовых целях таро. У многих этносов имеется еще и особая утварь и пища, связанные с обрядом погребения, когда состав и форма последних не просто этнически специфичны, но сохраняются в пределах этноса на протяжении многих десятилетий, а иногда и веков.

В материальной культуре наиболее этнически показательна традиционная национальная одежда. Она (нередко в женском арианте) выступает своеобразной визитной карточкой этноса. Зрелое знание традиционного покроя, цветовой гаммы, набора одежды, ее украшений позволяет достаточно точно определить этническую принадлежность костюма и всю систему его этнокультурных или этногенетических связей. В качестве примера можно привести деление народа мяо на пять племенных общностей, различавшихся по цвету одежды: черные, синие, белые, красные и пестрые мяо. Орнаментика одежды связана с системой религиозных представлений. Так, в орнаменте одежды удмуртов широко представлены две конские головы, которые в Прикамье распространены уже в I и II тыс. н. э. и соотносятся с традициями скифо-сарматов Нижнего Поволжья. Погребальная одежда как часть похоронного ритуала полностью относится к этнопоказательной сфере культуры. В обыденном костюме может играть роль и запах одежды: левосторонний, правосторонний или прямозастежный. По запаху можно отличить монголов от тюрков даже в скульптурных изваяниях.

Перейдем к некоторым замечаниям по этнографическому материалу, связанному с условиями общественного бытия конкретного этноса. Начнем с социальных отношений, которые даже при изучении классовых обществ могут выявить взаимоотношения между людьми, находящиеся вне официальных установлений и являющиеся выражением «общественного» или «традиционного» быта. «Для этнографов общественный быт

интересен в двух отношениях. Во-первых, сохраняющиеся пережитки позволяют реконструировать общественные отношения прошлых эпох... Во-вторых, нормы общественного быта отдельных народов... отличаются большим своеобразием, что позволяет использовать их как источник сведений об этнической истории и этнических особенностях».¹⁸ Этническую специфику могут выявить полевые материалы по таким категориям общественной жизни, как обычаи и нормы, связанные с производственной деятельностью изучаемого населения; обычаи и нормы организации общественной жизни (общественные группы, отношения между людьми по нормам обычного права).

Следом за социальными отношениями идут семейно-брачные, являющиеся особой формой общественного быта, — сфера эта чрезвычайно обширна и во многом связана с обрядовой, как правило, этнически обусловленной жизнью изучаемой общности. В первую очередь анализу подвергается материал, отражающий пережитки прежних форм семьи и соотношение семьи с более широким коллективом (брак, состав брачащихся пар, предпочтения и запреты в браке, системы родства и свойства). Сами термины относятся, безусловно, к этнопоказательной категории. Там, где есть прямые совпадения, нужно искать следы прошедшей ассимиляции. Этнически значимыми являются пережитки кувады, авункулата, сорората, левирата и тому подобных явлений.

Особого внимания требуют основные события семейной жизни: рождение и воспитание ребенка (обряды укрытия последа, пуповины, роли отца и матери в изготовлении предметов детского обихода); инициация (обряды, связанные с общественным совершеннолетием ребенка); свадебные обряды, одежда и пища. Этнически специфична, например, кетская традиция сватовства с использованием медного котла, который имеет родовую принадлежность (медь считается священным металлом). Семья жениха перед чумом невесты ставит медный котел, наполненный шкурами ценных зверей; если котел внесут в чум — значит, сватовство принимается, если его не тронут или перевернут — сватовство отвергнуто. У кетов и тувинцев-тоджинцев есть обычай сравнивать волосы брачащихся: если они неотличимы, то брак будет счастливым. Совпадение обряда у тувинцев и кетов не случайно и, возможно, объясняется их общим этногенезом. Любопытно, кстати, что у кетов ребенку до года (точнее, до появления зубов) не дают имени и он считается принадлежащим небесному миру (в случае смерти его хоронят на дереве, а не в земле), такой же обычай зафиксирован у тибетцев, а это еще один канал выяснения этногенеза кетов.

Самой консервативной, стойкой формой семейного быта

¹⁸ Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966. С. 87.

являются похороны и похоронный обряд. В них входят выбор места погребения, сооружение могилы, сопроводительный инвентарь, траурные одежды, оформление кладбища, погребение или захоронение, действия после похорон. Так, этногенетическими особенностями отличаются похоронные действия кетов, живущих в Заполярье, но сооружающих могилу на глубине двух метров от поверхности земли, делающих гроб из толстых кедровых плах, что свойственно более южному по происхождению народу, а не северному, так как подобная организация погребения чрезмерно трудоемка. Кетская традиция считать кедр деревом подземного мира, а березу верхнего (небесного) также весьма специфична.

Чтобы выявить конкретную этническую специфику, исследуемое явление необходимо рассмотреть, во-первых, с позиций общемировой традиции; во-вторых, в соответствии с традицией, свойственной народам, относящимся к одной языковой ветви; и, в-третьих, в соответствии с традицией, принятой у изучаемого этноса. Выявленная таким образом этническая специфика может послужить поводом для серьезных изысканий в этнической истории. Возьмем, к примеру, уже упомянутое предание о легендарной борьбе жителей Дянь с белым тигром. Оно приходит на память, когда мы узнаем, что у современных ицзу священным животным является белый тигр и старейшины хоронят в родовой роще воздушным способом, завернув тело в шкуру белого тигра.

Народные праздники — производственные, семейно-родовые и обрядовые (как, например, медвежий праздник у народов Сибири) — уже в самих названиях могут нести этническую нагрузку и выступают специфичными во всем своем оформлении. Что же касается народных знаний (народная астрономия, агрономия, зоотехника), порожденных реальным опытом, разнообразным восприятием окружающего мира, то они, напротив, могут оказаться общими для разных этнических общностей.

Такими в общих чертах представляются методические принципы этногенетического исследования, где важнейшей основой является комплексный подход к изучению столь важного исторического явления, каким является этническая история народа.

Глава VII

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЭТНОГРАФИЯ (основные школы и направления)

С самых древних письменных сообщений о соседних народах, которые встречаются в древнеегипетских текстах, начали накапливаться сведения о разнообразии этнического состава мира. За многие столетия они стали столь значительными, что когда Великие географические открытия нового времени неизмеримо расширили знания о земном шаре и его населении потребовалось систематизировать факты, дать им четкое обоснование. Рождение в середине XIX в. этнографии как науки о народах и специфических особенностях их культуры и быта явилось закономерным следствием общественного интереса к истории мировой цивилизации.

Интерес проявлялся весьма широко, причем ему способствовали масштабы Великих географических открытий, достигших в первой половине XIX в. апогея. Следует заметить, что с открытием в 1492 г. Америки почти каждое последующее десятилетие увеличивало знания об окружающем мире и о населении Земли. Для России накопление материала по интересующей нас дисциплине началось с освоения Сибири, Кавказа и других прилегающих краев.

Мир не просто велик, но и населен огромным множеством разнообразных людей — это представление к началу XIX в. стало очевидным. Обилие накопленных данных, поражающих совпадениями ценностных ориентаций у разных народов, населяющих отдаленные друг от друга районы, настоятельно требовало осмысления увиденного на уровне науки, а не только библейского или казуистического постулата.

При этом не следует забывать, что наука XIX в. была возвращена такими титанами мысли XVIII в., как Ломоносов, французские энциклопедисты, Карл Линней, Джеймс Кук и многие другие.

В 1845 г. в России возникает Географическое общество с отделением этнографии, а в 1859 г. выходит гениальное произ-

ведение Чарльза Дарвина о происхождении видов, способствовавшее рождению особой научной дисциплины — антропологии. Обе науки избрали объектом изучения народ и народы. Причем русская традиция, воспринятая учеными ряда соседних стран, базировалась на географической основе, а английская, повлиявшая на другие научные центры мира, — на биологической.

Предпочтительно описательный характер русской этнографии как науки о населении вновь открытых земель не способствовал формированию какой-либо оригинальной школы или направления в науке. До 1933 г. — года создания академического научно-исследовательского этнографического центра, отечественная этнография находилась под большим влиянием тех школ и направлений, которые развивались в других странах. Важным периодом в становлении отечественной этнографии стало начало 40-х годов XX в., когда сформировалась своеобразная советская школа, утверждавшая принцип материалистического понимания истории. Несомненно, что больший исторический период отечественной этнографии проходил под воздействием тех школ и направлений, которые были выработаны почти за столетие в зарубежной науке.

В совместном издании советских и немецких этнографов «Этнография, смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления, методы», вышедшем в 1988 г., уже подвергнуты современному анализу школы и направления зарубежной этнографии. В этой ситуации нам остается ограничиться только основными сведениями.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ШКОЛА

Эволюционистские идеи, исходившие из зависимости развитых цивилизаций от первобытной культуры как количественное изменение последней, получили широкое распространение во второй половине XIX в. во всех странах, где этнография становилась самостоятельной научной дисциплиной. В России, однако, взгляды эволюционистов не были господствующими, так как на русскую этнографию большое влияние оказывали идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, чьи основополагающие труды переводились в России раньше, чем в других странах, и получали распространение среди широкой научной общественности.

Основоположником эволюционной школы справедливо считается выдающийся английский ученый *Эдуард Тэйлор* (1832—1917), которому, кстати, принадлежит введение в англо-американскую этнографию понятия «антропология». Тэйлор во время своего путешествия на Кубу (1855 г.) встретился с меценатом-банкиром, субсидировавшим археологические раскопки в Центральной Америке и пробудившим в нем интерес к неизвестным цивилизациям, к необычной для европейца культуре других народов. Поездка в Мексикку окончательно

определила жизненный путь Тэйлора, который отдает все свои силы и время изучению обширных к тому времени этнографических собраний в музеях Европы, этнографических публикаций. В 1865 г. выходит книга, ставшая своеобразным научным кредо Тэйлора: «Исследования в области древней истории человечества». В этом труде Тэйлор делает следующие выводы: а) культура развивается по линии прогресса от первобытного состояния к современному; б) существующие различия между народами не имеют отношения к расовым различиям, а отражают лишь достигнутый уровень культурного развития; в) все конкретные элементы культуры у каждого народа либо изобретены самостоятельно, либо заимствованы у соседей, либо унаследованы от прошлых эпох.

Наиболее отчетливо позиции Тэйлора как эволюциониста и как буржуазного идеолога, верящего в общественный прогресс (правда, лишь в рамках эволюционного развития капитализма), были изложены в его основном исследовании «Первобытная культура». Этот труд, грандиозный по представленному и проанализированному в нем материалу, был завершён в 1869 г., вышел в свет в 1871 г., а уже в 1872 г. его перевели на русский язык и позднее на другие языки мира. Тэйлор стал самым признанным авторитетом в этнографии: в 1871 г. он избирается в Королевское общество, а с 1896 г. после организации первой кафедры антропологии при Оксфордском университете становится ее профессором. В 1881 г. вышел второй капитальный труд Тэйлора — «Антропология (Введение в изучение человека и цивилизации)», являющийся итогом новых исследований ученого и своеобразным продолжением «Первобытной культуры». Всего Тэйлор написал более 250 работ, оказавших влияние на утверждение в конце XIX — начале XX в. эволюционистского направления в этнографии.

В числе представителей эволюционизма следует назвать также *Джона Леббока* (1843—1913), *Герберта Спенсера* (1820—1903), *Джона-Фергюссона Мак-Леннана* (1881—1927), ученика Тэйлора видного религиоведа *Джеймса Джонса Фрэзера* и выдающегося американского ученого, сделавшего решительный шаг от эволюционизма к материалистическому пониманию первобытной истории, *Льюиса Моргана* (1818—1881).

Эволюционная школа в этнографии представляла собой первую довольно стройную концепцию развития человека и его культуры и исходила из признания прогресса в общественном развитии. Основные идеи эволюционистов состояли в следующем: 1) явления общественной и культурной жизни отмечают эволюционный процесс непрерывного, постепенного изменения, количественных увеличений или уменьшений, свойственный всем народам на пути от дикости к цивилизации; 2) общественное развитие идет по законам эволюции, характерным для живой природы и, в частности, животного мира, где

присутствует также межвидовая борьба за существование, выражающаяся в наложении одного элемента культуры на другой или оттеснении новым старого; 3) общая теория дает основания считать моногамную семью, государство, частную собственность явлениями, присущими человечеству изначально. Относительно последнего положения Тэйлор писал: «Родительская и патриархальная власть являются самыми примитивными учреждениями. Как семья представляет собой единицу первобытного общества, так отцовская власть есть зародыш права и власти государственной».¹

Самостоятельное открытие Л. Морганом материалистического понимания первобытной истории, на которое сразу же обратили внимание К. Маркс и Ф. Энгельс, разрушало эволюционистскую прямолинейную схему и подрывало уверенность в неизбежности капитализма, считавшегося у эволюционистов вершиной цивилизации. На родине, в Соединенных Штатах капитальный труд Морган «Древнее общество» был предан забвению, как, впрочем, и его научная деятельность. Лишь почти столетие спустя имя и труды Морган вернулись в американскую науку.

Представители эволюционной школы исходили только из количественных изменений, а поэтому не могли, да и не стремились, объяснить историю зарождения культуры и ее составных частей, предполагая существование всех будущих явлений, хотя бы в зародышевой форме, с самого начала человеческой истории. Эволюционисты, и прежде всего сам Тэйлор, помимо добротного обобщения собранного к XX в. этнографического материала, разработали анимистическую теорию происхождения религии и методику изучения пережитков для реконструкции прошлой социальной и культурной истории, которые надолго пережили основные концепции этой школы и сыграли заметную роль в науке.

Понимая под анимизмом духо- или душеверие, Тэйлор определил его как изначальный «минимум религии», который уже свойственен первобытному человеку и его верованиям. Связывая анимистические представления со сновидениями, смертью, тенью, эхом, Тэйлор не мог объяснить, как и почему у дикаря возникали неверные толкования природных явлений, не видя материальной зависимости первобытного человека от природы, что и обуславливало рождение фантастических, иррациональных представлений. Рассматривая анимизм как веру в душу, даже бестелесную, Тэйлор явно грешил против фактов в угоду собственной схеме: вместе с тем он не нашел в первобытных верованиях единого бога (монотеизм), а в массе олицетворенных сил природы видел политеизм, который трансформировал с развитием цивилизации в единого бога. Подобное, хотя

¹ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. XX—XXI.

и очень осторожное суждение подрывало монотеистическую концепцию клерикалов и вызывало резкое осуждение анимистической теории со стороны церкви. В тэйлоровском толковании анимистическая теория сегодня неприемлема, но она была и остается вершиной религиоведения XIX в., способствовавшего в новых условиях рождению верных историко-материалистических взглядов на проблему происхождения религии.

Выдающееся значение для науки имела тэйлоровская теория пережитков, согласно которой в современной жизни от прошлого сохраняются отдельные элементы культуры, социальной организации, хозяйственной деятельности, по которым можно восстановить (как по рудиментам живого организма) эти давно умершие явления. Подобная теория давала этнографии возможность реконструкций как культурных, так и социальных. Однако Тэйлор предлагал рассматривать сохранение того или иного пережитка обособленно, вне всяких очевидных социально-культурных связей, а следовательно, и без возможности объяснить причины сохранения самих пережитков на данной стадии культурного развития.

Оценивая эволюционную школу в целом, следует подчеркнуть: эволюционисты XIX в., утверждавшие единство человеческой культуры и прогресс общественного развития, были представителями наиболее передового направления в зарубежной, да и в отечественной, этнографии. Особую славу эволюционистам принес Л. Морган. Ф. Энгельс писал: «...Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад, и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс».² Многие положения и схема периодизации Моргана были использованы Ф. Энгельсом при создании классического труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства», который положил начало особому, историко-материалистическому направлению в этнографии.

Характеризуя деятельность Моргана, Ю. В. Бромлей замечает: «Среди ученых эволюционистского направления особое место занимает Л. Г. Морган. Восприняв сильные стороны эволюционизма — положение о единстве человечества и идею прогрессивного развития, Морган освободился от ряда его слабостей. Биологизация общественных явлений, непонимание значения качественного своеобразия отдельных этапов историко-эволюционного пути, а главное, непонимание роли материального фактора в общественно-историческом процессе — эти черты ограниченности эволюционизма были в основном преодолены Морганом. В результате многолетней работы ученый стихийно, неосознанно подошел к историческому материализму».³

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 25.

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 184.

**АНТИЭВОЛЮЦИОНИСТЫ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ, СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛЫ**

Неспособность представителей классической эволюционной школы объяснить качественные изменения в культуре и общественной жизни, с одной стороны, и открытое неприятие историко-материалистических идей — с другой, породили в зарубежной этнографии идеалистические направления неокантовского и агностицистского толков, отрицавшие наличие объективных закономерностей в истории человечества, саму возможность познания этапов и причин общественного развития.

Перед первой мировой войной в Западной Европе, и прежде всего в Германии и Австрии, возникли две школы — Фрейбургская (или Баденская) и Марбургская, которые опирались на «антропогеографический» метод Ф. Ратцеля, признававшего только пространственное распространение культур и их исключительную связь с географической средой.

Первая школа в лице видного ученого Г. Риккерта противопоставляла историю природы истории общества, объявляя последнюю скопищем единичных и неповторимых явлений, и тем самым выдвигала в качестве основной задачи выделение в истории общества независимых друг от друга культурных ценностей. Вторая отрицала возможность познания начала и конца исторических явлений, т. е. само познание процесса развития, видя главную цель научного исследования в изучении действия отдельных функций явления. В недрах Баденской школы достаточно отчетливо проявились концепции диффузионизма, сторонники которого сводили историю культуры к ее пространственному распространению и постоянным заимствованиям, миграциям самой культуры, выступающей некоей постоянной доминантой. Следует отметить, что Марбургская школа проявила себя в особой функциональной школе зарубежной этнографии, оформившейся после первой мировой войны.

Внутри диффузионистской концепции Баденской школы выделяются: культурно-историческое направление (Ф. Гребнер и представитель венской культурно-исторической ветви патер В. Шмидт) и направление культурных кругов (Л. Фробениус). Согласно концепции Гребнера, в которой развивается риккертянская идея об уникальности, неповторимости явлений, этнография должна изучать в явлениях культуры лишь уникальные признаки. С этой целью Гребнером были предложены критерии формы, присущие предмету культуры, но не обусловленные ни материалом, использованным для его изготовления, ни функциональным назначением. Именно эти признаки, по Гребнеру, следует считать уникальными. На практике же оказалось, что, во-первых, невозможно четко выделить уникальное, во-вторых, это уникальное обнаружилось у разных народов. В данной связи предста-

вителям школы культурных кругов пришлось ввести понятие «миграция культуры», дополнить критерий формы еще и критерием количества, образовать круг его распространения, т. е. принять теорию культурных кругов Л. Фробениуса. Следует заметить, что до Фробениуса те же идеи проповедовал патер Шмидт, представлявший историю цивилизации как последовательный ряд культурных кругов, в основании которого лежит первоначальный круг культуры пигмеев, якобы обитавших по всей ойкумене. Идеализм диффузионистов и теоретические основы их школ в определенной мере способствовали зарождению крайне реакционных политических концепций, включая геополитические и расистские.

До, во время и после первой мировой войны особое место во Франции занимает социологическая школа Э. Дюркгейма. В противоположность эволюционистам Дюркгейм понимал общество людей не как последовательные стадии вживания человека в среду обитания, а как систему закрытых статичных организмов. Устойчивость организмов такого рода придает «социальная солидарность». Любое радикальное изменение может привести к тотальным последствиям, к катастрофам для социума. Вторым важным положением Дюркгейма выступает идея сосуществования с индивидуальным сознанием «коллективных представлений», к которым относятся религиозные верования, мифы, нормы морали и права. Прямыми последователями Дюркгейма явились М. Мосс, М. Гране, Л. Леви-Брюль и другие.

Конец XIX в. отмечен в зарубежной этнографии утратой лидирующего положения эволюционной школы, что было характерно для Западной Европы, России и США. На смену эволюционизму, как уже говорилось, в Германии и Австрии приходят различные варианты диффузионистского толка, во Франции — социологическая школа, а в США возникает и утверждается на три десятилетия американская историческая школа, или историческая школа Франса Боаса. Хотя Боас видел конечную цель этнографического изыскания в построении единой истории всех народов, основанной на конкретном материале культуры и языка народа как уникального явления, он не мог не оценить теорию прогресса эволюционистов, допуская подобный прогресс в сферах науки и техники. Блестящий исследователь, талантливый лингвист, выдающийся этнограф-полевик, Боас сыграл важную роль в формировании американской этнографии, уступившей, однако, после 1930 г. свои позиции разного толка психологическим направлениям в науке, а также в формировании русской этнографии, привлекая к своим работам ученых России — В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга. Из школы Боаса вышли в основном все американские этнографы (антропологи) первой половины XX в. Учениками Боаса считаются А. Кребер, А. Гольденвейзер, Р. Лоун, Л. Уайт.

О своем учителе Гольденвейзер писал: «Неоценимым вкладом

Боаса была историческая точка зрения, согласно которой туземные культуры должны быть исследованы на их ограниченной историко-географической родине и в перспективе их отношений к физическому окружению, примыкающим культурам и многим и часто запутанным психологическим ассоциациям, образовавшимся между различными видами культуры».⁴

Представители исторической школы изучали культурные элементы и их диффузии в пределах конкретного ареала культуры. Как справедливо подчеркивала Ю. П. Аверкиева, это был период краеведческого изучения коренного населения Америки, результатом которого явилась публикация многих полевых материалов (правда, позднее оказалось, что ряд из них сознательно фальсифицирован в антиморгановском духе).⁵ В работах исторической школы культура народа или племени представлялась механическим соединением черт, собранных воедино спонтанным действием диффузии.

Если в период между двумя войнами историческая школа еще продолжала существовать в США наряду с новым направлением — психологическим, то в Западной Европе возникло иное направление, имевшее очевидные корни в философских построениях прежних школ — функциональное.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА

Идеи функциональной школы получили достаточно широкое распространение в науке, но наиболее ярко они были отражены в английской этнографии. Основоположителем функциональной школы принято считать Б. Малиновского, а также А. Рэдклифф-Брауна. А. Рэдклифф-Браун, президент Королевского антропологического общества Великобритании в конце 30-х — начале 40-х годов, последние годы своей деятельности провел в США, но это не способствовало распространению концепций функционализма в Новом Свете, что объясняется колониалистской практикой функционализма.

Время появления функциональной школы весьма знаменательно: под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции пробудились к борьбе за освобождение народы колоний. Хотя идеи функциональной зависимости общественных явлений затронул еще Э. Дюркгейм, соотношению целого и его функциональных частей серьезное политическое значение придали именно в 20—30-х годах XX в., когда под угрозу ставилась колониальная система, рассматривавшаяся как нечто целое, опирающееся на сохранение и консервацию родо-племенных отношений — функций целого.

⁴ Goldenweiser A. A. Early civilization. New York, 1922. P. 126.

⁵ Аверкиева Ю. П. Неоэволюционизм, релятивизм и расизм // Расы и народы. Т. I. М., 1971. С. 39—41.

Как уже отмечалось, основоположниками функциональной школы в этнографии, имевшей много последователей, и прежде всего в Англии, были А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский. Последний являлся наиболее ярким представителем функционализма.

Бронислав Малиновский, поляк, родился в 1884 г. в г. Кракове, входившем тогда в состав Австро-Венгрии. В 1908 г. он окончил Краковский университет и получил степень магистра по разряду физико-математических наук. Увлечшись этнографией, Малиновский выехал в Германию для получения специального образования. Два года он провел в Лейпцигском университете, где познакомился с принципами культурно-исторической школы, затем переехал в Англию и работал с учениками Тэйлора.

В начале 1914 г., будучи лектором Лондонской экономической школы, Малиновский в составе этнографической экспедиции выехал в Океанию. Он побывал на Новой Гвинее (район Маилу), а затем более двух лет провел на Тробриандских островах, где его застала первая мировая война. Как подданного вражеской страны, Малиновского должны были интернировать, но по ходатайству австралийского правительства и видных английских ученых-этнографов он получил разрешение заниматься исследованиями на Новой Гвинее и Тробриандах. Всю войну Малиновский провел в Океании. В 1915 г. вышла его работа «Туземцы Маилу», а в 1922 г. — книга о тробриандцах («Аргonautы западной части Тихого океана»). Последняя работа своим содержанием, необычным для академических описаний свободным стилем, глубиной проведенного анализа привлекла к автору внимание других исследователей. Труд о тробриандцах оказался заметным явлением в этнографической науке.

В 1924 г. Малиновского пригласили в Лондонский университет читать лекции по социальной антропологии, а в 1927 г. он возглавил специально созданную в университете кафедру. Лондонский период жизни и деятельности Малиновского ознаменовался окончательным оформлением функционализма как этнографической теории. Общая концепция функционализма базируется на той же основе сочетания целого и его функций, т. е. идеи «хололизма» — культура есть единое, гармонически функционирующее целое, каждая часть которого выполняет какую-то функцию, жизненно важную для целого. Любой обычай имеет значение в настоящем, пережитков в культуре нет, а прошлое ее непознаваемо. Все стороны жизни и культуры всякого отдельного народа — неразрывно связанные между собой части целого. Подчеркиванием особого значения функции как «удовлетворения потребности деятельностью, в процессе которой объединяются люди», или «удовлетворения органического импульса соответствующим актом» Малиновский несомненно привносит в социальную жизнь биологическую окраску. Общество превращается в функционалистов, в сумму индивидов, имеющих

биологические потребности, а различия между культурами сводятся лишь к различным способам удовлетворения элементарных человеческих нужд.

«Холизм» придал функционализму своеобразную законченность при характеристике структур целостностей. Племя — целостность первого порядка, все народы Африки — второго, колониальная Африка и империалистические метрополии — следующая целостность. Это структуры взаимосвязанных функций, где нарушение функционального действия любого явления в целостности первого порядка способно разрушить всю стройную пирамиду. В этой связи этнография, согласно функционалистским установкам, должна изучать не сам институт вождей, род, инициацию, семью, а лишь их функции в обществе с тем, чтобы достойно оценить их значение.

Большое внимание Малиновский уделял значению прикладной этнографии, ее роли в современном мире. Он подчеркивал: «Задача этнографа заключается не в том, чтобы выяснить историю происхождения тех или иных институтов, а чтобы показать их значение в данном обществе и показать это с определенной целью, не ради большей точности описания, но чтобы научить колониальные власти и предпринимателей, имеющих дело с этим народом, как нужно обращаться с ним для более удобного достижения своих целей».⁶

Что же касается диффузионистов, то Малиновский оценивал их следующим образом: «Этнография, наука о человеке и его культуре, большей частью избегала жизненных проблем: она пыталась укрыться за китайской стеной антикварных интересов. Во всех гуманистических изысканиях имеется сильное стремление заниматься мертвыми остатками вместо того, чтобы иметь дело с действительностью, поддерживать чисто академический интерес к теориям и воздерживаться от проверки доктрин на трудном пути практической деятельности. Этнограф прошлого чувствовал себя спокойно, плетя гипотезы о том, что случилось, когда человек старался развиваться от питекантропа эректуса или кого бы там ни было: пытаясь изобрести „происхождения“ и „развития“, антрополог сам изготавлял из своего внутреннего сознания различные „истории“ и „диффузии“. И многие этнографы современности заняты изучением влияния египетской культуры на Центральную Африку, спорят о том, возникли ли все цивилизации в Месопотамии, Атлантиде или на Памире»⁷.

Функциональная школа практически прекратила свое существование ко второй половине XX в.

⁶ Малиновский Б. К. Основы этнографии. Варшава, 1946. С. 87.

⁷ Там же.

В США функционализм не получил широкого распространения, так как на основе философии прагматизма, «исторической школы» в этнографии и фрейдизма в психологии в 30-х годах начала складываться психологическая школа, пришедшая в первые годы после второй мировой войны к психорасизму.

Прагматизм в философии представляет одно из направлений субъективного идеализма, в котором познающий субъект вне времени и пространства, оторванный от материального мира и конкретных условий, познает лишь свой собственный опыт. Опыт — нечто данное, источник которого находится внутри самого познающего субъекта, в его инстинктах, биологических потребностях, психике. Прагматик неизбежно приходит к отрицанию существования кого-либо другого, кроме самого себя. Он отрицает объективную истину, утверждая, что истина в лучшем случае — инструмент для ориентации в мире своего опыта, — отсюда любая теория и любое действие истинно, если они приносят выгоду познающему субъекту.

Вторжение З. Фрейда в социальные науки и оперирование им этнографическими данными по существу началось в 1920 г., но через 20 лет фрейдизм в этнографии США стал наиболее популярным направлением. В первую очередь представители психологической школы заимствовали у Фрейда его рассуждения о культуре, ее происхождении, о культурном процессе. По Фрейду, происхождение культуры связано с «убийством первобытного отца». Фрейд рисует следующую далекую от идиллии картину: первобытная орда, отец-деспот обладает всеми женщинами и не дает сыновьям приближаться к ним. Влечение сыновей в конце концов приводит к убийству отца и его поеданию. Впоследствии сыновья испытали огромное чувство вины и установили запрет на кровосмешение — инцест внутри рода и на отцеубийство. Оба запрета образовали так называемый «эдипов комплекс», который передается по наследству и является базисом культуры.

С тех пор культура стала не чем иным, как системой норм и запретов, где присутствует психологический конфликт — бессознательные силы стремятся нарушить все запреты и пойти на агрессивные действия или кровосмесительную любовь, а сознательные (рассудок) и усвоенные с детства нравственные нормы сдерживают их. Чем выше стадия развития культуры, тем больше усложняется общественное поведение и психика превращается в «бурлящий котел возбуждений» — отсюда войны, революции, преступления. И коль скоро, по Фрейду, культурный процесс — это особое видоизменение жизненного процесса, происходящее под влиянием задач, которые ставит перед человеком Эрос, и под воздействием Анаanke — внешней

необходимости⁸, то ценой прогресса стала утрата счастья — исполнения сексуального влечения.

В США идеи фрейдизма были подхвачены психиатром Кардинером, ставшим этнологом, и антропологом (этнографом) Линтоном. Квинтэссенцию концепции психологической школы изложил Ф. Александер в следующих положениях: а) психика человека меняется только в первые 4—5 лет жизни и формируется под влиянием процесса сосания материнской груди, пеленания, попытки встать на ноги, говорить и других первичных опытов; б) после первых лет жизни психика «затвердевает» и остается практически неизменной всю жизнь, определяя судьбу, успехи и неудачи человека, при этом социальная позиция лишь незначительно влияет на поведение индивидуума; в) психика следующего поколения формируется под влиянием тех же первичных опытов, что и у предыдущего поколения, и такой процесс повторяется беспрерывно, передаваясь по наследству; г) возникающая путем воспитания детей «структура характера» у каждого народа своя, как и своя «средняя психика», причем есть народы с «плохой», а есть с «хорошей» психикой; сам народ не может изменить психику, даже если она «плохая», но он может сделать это с помощью другого народа, обладающего «хорошей» психикой, «хорошей структурой характера».

Если первоначально представители психологической школы исходили из неизменности духовных свойств различных культур и посвящали исследования основной личности, среднему психическому типу, который якобы определяет и психологию общества и статичный профиль его культуры, то рассуждения о народах с «хорошей» и «плохой» психикой в определенной мере способствовали формированию расистских концепций.

КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ И ТЕОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ В АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

После второй мировой войны господствовавшая в Западной Европе функциональная (или социологическая) школа понесла как чисто физические (многие этнографы либо умерли естественной смертью, либо погибли, либо эмигрировали в США), так и концептуальные потери — рушилась колониальная система, фашизм резко изменил прежние ценностные установки. Исследователи США также пытались выйти из идейного тупика. Прямое или косвенное влияние указанных причин способствовало распространению идеи равенства народов и их культур. К такому именно направлению относится культурный релятивизм, или теория ценностей, особенно активно развиваемая в начале 50-х годов М. Херсковичем.

⁸ Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и лигии. М.; Пг., 1923. С. 149—170.

Идея культурного релятивизма заключается в следующем: каждый народ создает свою культуру, которая и обеспечивает его жизнеспособность как целостной системы, поэтому нельзя сказать, какая из культур лучше или выше. На субъективность и относительность оценки последнего заключения обращал внимание Херсковиц. Неодинаковое же отношение (предпочтение) народов к различным явлениям культуры, замечал он, объясняется не иерархическим отличием культур, а разными системами ценностей у этих народов. Другой представитель данного направления Т. Норсроп писал: «Я утверждаю, что ни в одной из культур нет чего-либо такого, что можно было бы назвать по смыслу антинаучным. Так может только показаться, когда мы будем смотреть с точки зрения индуктивных данных другой конкретной культуры, обогащенной своей конкретной интеллектуальной и культурной историей»⁹. Ту же по существу идею Херсковиц излагал следующим образом: «Предположение, что культуры бесписьменных народов ниже, чем наша, является результатом нашего же длительного интеллектуального развития. Редко вспоминают о том, что понятие прогресса, столь глубоко проникшее в наше мышление, сравнительно недавнего происхождения. На деле это — уникальный продукт нашей культуры. Это — часть того культурного потока, который создал научную традицию и машину»¹⁰.

Сколь бы ни импонировали нам подобные высказывания, ясно одно — представители культурного релятивизма считают, что истина может быть относительной, т. е. приемлемой для одного народа и неприемлемой для другого.

Объяснить неодинаковое отношение народов к различным явлениям культуры попыталась теория ценностей. Под системой ценностей и Норсроп, и Херсковиц понимали представления, понятия, мировоззрения, которые у каждого народа различны. Изучение же конкретных ценностей для установления их системы у данного народа должно вестись, по их мнению, путем опроса представителей исследуемого этноса с тем, чтобы выявить их взгляды на вселенную, место человека в ней, свойства человеческой природы, представления о жизни и счастье. От общих ценностных оценок этнограф доходит до самого конкретного явления и составляет систему ценностей изучаемого этноса. Вместе с тем представители культурного релятивизма даже не пытаются решать вопрос, откуда появились ценности, ценностные оценки. По их мнению, и то, и другое существовало изначально.

Сторонники теории ценностей (в частности, Э. Элберт) выработали своеобразную схему, своего рода программу для

⁹ Northrop Th. S. *Philosophical anthropology and practical politics: A prelude to war or to just law*. New York, 1960. P. 311.

¹⁰ Hershkovits M. *Cultural anthropology and abridged revision of «Man and his works»*. New York, 1955. P. 311.

сбора полевого материала для выяснения системы ценностей народа. В качестве высшей формы ценностей берутся: 1) исходные ценности (например, у навахо — это вселенная, соблюдение традиций, гармония и согласие в природе и обществе); 2) центральные ценности (типа ценностей навахо — семья, знания, здоровье, собственность, наслаждение); 3) директивы — различные предписания и запреты типа «можно делать это и нельзя то»; 4) характеристики (в этой группе исследователь должен выяснить различные качества людей и отношений между ними, какие свойства характера считаются добродетельными, какие порочными). Кроме того, отдельные явления культуры делятся на «хорошие» и «плохие».

Видный современный французский этнолог Клод Леви-Стросс, давая обзор этнографических течений, писал: «...доктрина культурного релятивизма непримлема для самих народов, ради которых она поддерживалась, в то время как этнологи, сторонники однолинейного эволюционизма, находят неожиданную поддержку у этих народов, более всего стремящихся к пользе и благому индустриализации и предпочитающих считать себя временно отставшими, а не перманентно уникальными»¹¹.

Следует отметить, что культурный релятивизм не имеет широкого распространения в зарубежной этнографии, которая после 1960 г. совершила решительный поворот к сохранившим свою историческую ценность взглядам Л. Моргана.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТЕОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЭТНОГРАФИИ — НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ (МОРГАНИЗМ) И СТРУКТУРАЛИЗМ

Большинство направлений зарубежной этнографии, утверждавших себя как антитеза классическому эволюционизму XIX в., а в США — прогрессивной однолинейной эволюции Моргана, в 1960-х годах практически перестали существовать. Как пишет Ю. П. Аверкиева, «в 1960-х годах слыть антиэволюционистом стало уже немодным, и прежние критики эволюционизма начали уверять научную общественность в том, что они всегда были эволюционистами, а критиковали лишь эмпирически необоснованные догмы однолинейного эволюционизма XIX в.»¹². На VII МКАЭН (1964 г., Москва) зарубежные коллеги предложили провести симпозиум на тему «Учение Моргана о периодизации первобытного общества» и было высказано весьма положительное отношение к этому выдающемуся американскому ученому со стороны его соотечественников. В 1963 г. и в 1964 г. в США под редак-

¹¹ Levi-Strauss C. *Anthropology: its achievements and future* // *Current anthropology*. 1966. V. 7. № 2. P. 125.

¹² Аверкиева Ю. П. Неоэволюционизм, релятивизм, расизм // *Расы и народы*. Т. I. М., 1971. С. 39.

цией Э. Ликок и Л. Уайта вышли новые издания «Древнего общества». В печати всерьез обсуждался вопрос о принадлежности Б. Малиновского и его школы к своеобразному ответвлению эволюционизма.

Возвращение американской этнографии к Моргану явилось важным событием современной науки; многие этнографы США, убеждавшие общественность в своих эволюционистских взглядах, определили свою концепцию как неозволюционистскую. Сейчас неозволюционизм — одно из самых распространенных течений в теоретической этнографии Запада. В трудах представителей этого направления (Дж. Стюард, Дж. Мёрдок и др.) наблюдается явный отход от крайнего антиисторизма, теоретического нигилизма, антиэволюционизма. Вместе с тем среди неозволюционистов нет единства в отношении к проблеме прогресса, предпочтение отдается эволюционизму метафизического тэйлоровского направления, утверждающему лишь количественные изменения. Кроме того, наметилась тенденция к включению в развитие культур многолинейности как антитеза мorganовской однолинейности и т. п.

Как считает Дж. Стюард, история человеческого общества — сумма многолинейно развивающихся замкнутых систем. Теория Стюарда, и он особо это подчеркивает, отличается от эволюционизма XIX в. тем, что неозволюционисты «не ищут всеобщих параллелей, всеобщих законов» и допускают возникновение новых качеств релятивистски, лишь в рамках, определенных системой конкретной линии развития. Стюард объясняет многолинейность развития человеческого общества как результат приспособления человека к различным экологическим средам. Не социально-экономические причины определяют, по мнению Стюарда, общественное развитие, а сама исконная экономическая среда. Л. Уайт, активный приверженец Моргана и представитель классического эволюционизма, говорил, что Дж. Стюард признает эволюцию «поштучно». «Неозволюционизм с его концепцией экономического приспособления, — пишет Ю. П. Аверкиева, — и релятивистской трактовкой идеи развития, является сейчас наиболее широко принятой методологической основой этнографических исследований на Западе»¹³.

С неозволюционизмом, как и с прежними идеалистическими школами, связано и такое направление структурной антропологии, как структурализм французского ученого К. Леви-Стросса. В Западной Европе и США его считают теоретиком науки, а работу Леви-Стросса «Структурная антропология» расценивают как сочинение, «преодолевшее ошибку и односторонности, и исторического материализма, и идеализма». Основой концепции Леви-Стросса является положение, согласно которому путем применения методов структурной лингвистики возможно

¹³ Там же. С. 40—41.

воссоздать систему символов, отражающих структуру той или иной сферы культуры. В основе концепции структурализма лежит представление о некоей вечной, внеисторической структуре, не имеющей причинно-следственных связей, структуре, которая является плодом непознанного и существующего вечно человеческого сознания.

Сам Леви-Стросс считает, что разработал так называемый структурный метод. В предисловии к американскому изданию «Структурной антропологии» говорится: «Он (Леви-Стросс.— *Р. И.*) рассматривает отношения между явлениями по преимуществу и те системы, в которых эти отношения существуют, а не природу самого явления. Он убедительно доказывает, что достижения общей науки о человеке не могут быть предвидены по структурным соображениям, так как они включают как неосознанные, так и осознанные социальные процессы, он несколько раз подчеркивает этот тезис при рассмотрении генеральных аспектов культуры, а именно: языка, родства, социальной организации, магии, религии и искусства»¹⁴.

За более чем столетний период существования этнографии как науки только теория Л. Моргана выдержала испытание временем. Сегодня уже никого не удивляет, что в трудах зарубежных этнографов признается моргановская периодизация истории первобытного общества, а также его идеи существования родовой организации, коллективной собственности и даже отсутствия в доклассовом обществе государства.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ (СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ЭТНОГРАФИИ)

Отечественная этнография относительно рано познакомилась не только с прогрессивным для своего времени эволюционизмом, но и с марксизмом. Первый иностранный перевод «Капитала» был осуществлен в России. В работе над русским изданием этого произведения активное участие принимал Павел Зибер (автор «Первобытной экономики»); в свою очередь труды М. М. Ковалевского и Л. Я. Штернберга по конкретным проблемам общинно-родовой организации привлекали внимание К. Маркса и Ф. Энгельса.

Дореволюционная этнография дала миру таких выдающихся деятелей, как Д. Н. Анучин, который первым для решения сложных историко-культурных проблем привлек комплексный материал — этнографию, археологию и антропологию. Стали этнографами и внесли свой вклад в развитие науки ссыльные народовольцы В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, Б. О. Пилсудский и др.

¹⁴ Levi-Strauss C. Structural anthropology. New York, 1963.

Наряду с Русским Географическим обществом и его местными отделениями центральным научным учреждением в предреволюционные годы являлся Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, где с начала XX в. под руководством В. В. Радлова трудились лучшие этнографические кадры, работавшие в тесном контакте с любителями-этнографами на местах, а также с этнографами Московского общества естествоиспытателей и университетских центров Москвы, Петербурга, Казани.

Революционная ситуация в России, проникновение марксизма в рабочее движение оказывали определенное влияние на русскую этнографию, но вплоть до первых десятилетий советской власти (как и во всей исторической науке СССР) основу теоретических трудов составляли различные концепции эволюционизма, а подчас и краеведческое направление школы Боаса.

Большая Октябрьская социалистическая революция свершилась в многонациональной стране. Решение национального вопроса стало важной заботой советской власти. Ликвидация всех последствий антинациональной политики царизма, достижение подлинного равенства между народами были невозможны без подъема культуры и экономики всех народов до уровня передовых наций. Активное социалистическое строительство в национальных окраинах бывшей империи требовало научного знания уровня их развития, создания для бесписьменных прежде народов письменности как важного средства подъема культуры и политического сознания масс.

Выдающуюся роль в этой революционной и преобразующей деятельности сыграла советская этнографическая наука и ее научный центр — Музей антропологии и этнографии. В 1918 г. в Петрограде усилиями коллег и помощников В. В. Радлова, и прежде всего В. Г. Богораз, открываются экспозиции старейшего музея, призванного служить просвещению широких народных масс. В том же году в Петрограде создается первое высшее учебное заведение, готовящее этнографов для практической работы в национальных окраинах. Инициатором подготовки кадров был В. Г. Богораз, до конца своей жизни (он умер в 1936 г.) совмещавший педагогическую работу с научной работой в музее.

Являясь одним из инициаторов создания Комитета по делам Севера при Президиуме ВЦИК, В. Г. Богораз, выступая на его заседании в 1925 г., говорил, что отныне на Север надо посылать своеобразных миссионеров новой культуры и советской государственности. Посланцы комитета по делам Севера, подчеркивал В. Г. Богораз, должны предварительно получить полное научное образование, по преимуществу этнографическое. В разных регионах страны этнографы стали активными помощниками советской власти в осуществлении ленинской национальной политики. Не их вина, что в годы сталинизма и господства

командно-административных методов управления их социальная роль была принижена.

Сосланный в конце прошлого века по делу народовольцев на Колыму, ставший в ссылке этнографом и беззаветным борцом против всякого национального угнетения и мракобесия, В. Г. Богораз всего себя отдавал делу служения советской власти. Являясь сотрудником МАЭ, В. Г. Богораз преподавал в университете, а в 1931 г. создал и возглавил Музей истории религии, который и поныне размещается в Казанском соборе.

Деятельность огромного отряда этнографов, сформировавшегося к началу 30-х годов, требовала координации их усилий. Решением правительства на базе Музея антропологии и этнографии в 1933 г. был создан Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР, переименованный в 1935 г. в Институт этнографии АН СССР. До настоящего времени Музей сохранил свое значение как ценное хранилище и просветительское учреждение; одновременно он является научной лабораторией антропологических и этнографических исследований.

В предвоенные годы как центральное научное учреждение этнографии в СССР, так и многочисленные университетские и музейные центры вели активную работу по организации теоретических и практических исследований. Эта работа была продолжена в грозные военные годы и ее справедливо связывают с именем С. П. Толстова. Ленинградский центр не прерывал самоотверженную работу и в блокадном городе. В дни блокады и на фронтах советская этнографическая наука потеряла многих своих деятелей. В начале лета 1942 г. многих оставшихся в живых сотрудников удалось эвакуировать на Большую землю. В 1943—1944 гг. в Москве из группы эвакуированных сотрудников Института этнографии АН СССР создается московская группа, призванная решать первоочередные задачи, стоящие перед страной. Эта московская группа до 1950 г. была частью Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, а с 1950 г. такой частью стал Институт в Ленинграде с Музеем антропологии и этнографии.

Начиная с 1956 г. советские этнографы активно участвуют в международных конгрессах и симпозиумах, пропагандируя теоретические основы марксистской науки, утверждая принцип материалистического понимания истории. Советская школа в этнографии уже давно имеет международное признание. Отечественная этнографическая школа — это отрасль исторической науки, исследующая культуру и быт всех народов, не разграничивая их на «письменные» и «бесписьменные», наука, способная решать узловые проблемы истории доклассового общества, формирования социальных и семейных институтов. Советская этнография изучает культуру народов «в ее национальной или этнической специфике», вскрывает «в ней напластования различных исторических периодов». Особое значение в деятельности совет-

ских этнографов имеет изучение современных культуры и быта, причем этнография концентрирует свое внимание преимущественно на их национальных особенностях. В отличие от различных направлений и школ зарубежной этнографии советская школа в качестве объекта исследования берет этническую общность, часто ассоциируемую с понятием «народ».

Наиболее четко и определенно современные задачи советских этнографов изложены, на наш взгляд, в упоминавшемся уже исследовании Ю. В. Бромлей «Этнос и этнография» и в его обобщающем труде «Современные проблемы этнографии» (М., 1981). Академик Ю. В. Бромлей с 1967 по 1989 г. возглавлял Институт этнографии, успешно продолжая и развивая традиции советской школы. За первые четыре десятилетия советские этнографы достигли существенных результатов в этнографическом изучении мира (в 1966 г. была завершена фундаментальная серия «Народы Мира», в 1986 г. совместно с географами — серия «Страны и народы», в 20 т.), в изучении этногенеза и этнической истории народов мира, в исследовании современных преобразований традиционных обществ, культуры и быта различных народов (за период с 1933 г. издано более сотни монографий по этой тематике), в разработке и решении проблем современных этнических и этнокультурных процессов в СССР и за рубежом. В последние десятилетия получили широкое развитие экспедиционные исследования не только на территории СССР, но и за его пределами — советские этнографы побывали на островах Тихого океана, в общинах Индии, в горах Кубы и Вьетнама, в песках Йемена и в степях Монголии. Стали обычными этносоциологические исследования, появляются труды по этнопсихологии и самое главное, ведется глубокое исследование теоретических аспектов первобытной истории и современной этнической ситуации национальных отношений.

Советская этнография исходит из того, что этнография — наука об этносах, и пока существуют этносы, остается и объект исследования, и сама наука. Этносы должны изучаться как целостные системы с учетом всех их производственных, социальных, семейных, культурных и прочих связей. Вместе с тем, исследование не может ограничиваться изучением отдельного этноса, оно должно быть продолжено в сопоставлении с другими, чтобы выявить свойственные народам и специфические, и общие черты. «Понимание этнографии как науки, изучающей все этносы на всех этапах их исторического пути, — пишет Ю. В. Бромлей, — делает ее ответственной за разработку общей этнографической характеристики народов мира, включающей в себя их историческую этнографию и современное положение... необходимость выявления общего и особенного в этнографической картине мира предполагает исследование не только основных этнических единиц — самих народов, но и этнических общностей высшего порядка, а также таких межэтнических комплексов,

как хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области»¹⁵.

Мировоззренческое значение этногенетических исследований, которые проводятся не только советскими этнографами, но и их зарубежными коллегами, велико. Они убедительно показывают, что история человечества — это история контактов и смешений различных в антропологическом, языковом и культурном отношениях этнических групп, что нет и не может быть абсолютно чистых этносов, не впитавших черты культуры и физического типа других народов. Историко-культурные исследования свидетельствуют об единстве человеческого развития, вкладе каждого народа в мировую культуру. Советские ученые рассматривают этнографию как обществоведческую дисциплину, способную изучать все этносы с древнейших времен до современности, а следовательно, и призванную разрабатывать научные основы руководства общественным развитием.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 6—7.

Глава VIII

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО АН СССР

Напротив Адмиралтейства, на другой стороне Невы, стоит приметное старинное здание Петербурга — Петрограда — Ленинграда — знаменитая Петровская Кунсткамера, входящая в число первых каменных строений города на Неве. Сооружалось здание по плану Петра I специально для уже существовавшей в новой столице Кунсткамеры. Стоит здание на Стрелке Васильевского острова недалеко от Двенадцати Коллегий (главного корпуса Ленинградского университета).

На Стрелке Васильевского острова царь Петр задумал создать центр новой столицы — вот почему здесь были сооружены коллегии — министерства Петровской поры — и Кунсткамера, основанная в 1714 г. и сыгравшая важную роль в становлении русской науки.

Воплощали идею Петра I архитекторы Г. М. Матарнови, Г. Киавери, М. Г. Земцов. Строительство началось при жизни Петра в 1718 г. и было закончено через десять лет, уже после его смерти.

В 1728 г. над Невой встал трехэтажный каменный дворец. По его центру возносились шесть этажей, которые завершались башней, увенчанной армиллярной сферой. В этом дворце зарождавшейся русской науки были просторные для начала XVIII в. музейные залы с большими многочисленными окнами, яркими светильниками. Коллекциям, начало которым положил сам Петр I, на новом месте было значительно просторней, чем в прежних помещениях, не приспособленных для хранения и показа вещей.

Отсчитаем назад несколько десятилетий, вернемся в последнюю четверть XVII в., когда еще не строилась на выходе в Балтийское море новая столица, когда у великого реформатора той поры — царя Петра — еще только зрели идеи преобразования

России, превращения ее в могучее и просвещенное государство со своей наукой и культурой.

Первым научным учреждением Петру виделся по европейским образцам «Кабинет редкостей», на немецкий лад «Кунсткамера». За советом о путях просвещения России и о создании подобного кабинета обратился Петр к великому математику и философу Готфриду Лейбницу. В обстоятельном ответе Лейбниц писал: «Иностранные вещи, которые следует приобрести, — это разнообразные книги и инструменты, курьезности и редкости. Все то, что можно будет распространять, чему можно обучаться в стране. Для этого потребуются библиотеки, книжные лавки, кабинеты редкостей, естественных и искусственных вещей, ботанические и зоологические сады... Кабинет должен содержать все значительные вещи, редкие произведения, созданные природой и искусством. В отношении природы необходимы, в частности, камни, металлы, минералы, естественные растения и их искусственные воспроизведения, животные в высушенном виде и сохраненные в спирте, скелеты, картины и другие воспроизведения всего, что не удастся получить в подлинных образцах.

Искусственные вещи могут быть в виде рисунков, моделей и копий всевозможных удачных изобретений, металлических инструментов, подзорных труб, зеркал, стекол, часов, картин, статуй и других скульптур, моделей и разных древностей — одним словом, все то, что может наставлять и нравиться»¹.

Программа Лейбница предполагала отдать предпочтение в этом собрании предметов разных наук естественным и техническим наукам. Но «Кабинет редкостей» создавался в России, стране многонациональной, где знания о культуре, быте и искусстве ее народов были важной частью научного познания и просвещения. Вот почему, воспользовавшись советами Лейбница, царь Петр создал Кунсткамеру, насытив ее произведениями природы и человека из всех сфер знаний и из всех частей России, а также соседних стран.

Основу первых коллекций Кунсткамеры составили личные собрания диковинных вещей и инструментов, приобретенных Петром во время заграничных путешествий, а также предметов, купленных по его заданию у антикваров Западной Европы. Сам Петр, к примеру, в 1698 г., будучи в Амстердаме, купил у голландского анатома Рюйша (Рейса) за огромную сумму — 30 тыс. гульденов — уникальную коллекцию (почти 1000 шт.) анатомических препаратов. В 1714 г. Петр I распорядился перевезти из Москвы в Петербург все свои личные коллекции, включавшие предметы культуры и быта из стран Европы и Азии, — минералы, зоологические и анатомические препараты — и разместить их в Летнем дворце столицы в отдельном помещении,

¹ Сборник писем и мемуаров Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал В. И. Герье. СПб., 1873. С. 17.

названном «Кабинетом редкостей», т. е. «Кунсткамерой». Тогда же в «Кабинет» пустили первых зрителей.

1714 год стал годом начала славной истории первого русского музея, прародителя практически всех основных музеев и институтов Академии наук СССР и библиотеки Академии, иными словами — колыбели русской науки.

Очень скоро музею стало тесно в Летнем дворце, и ему в 1717 г. отдали каменное двухэтажное здание опального боярина Кикина, но на Стрелке Васильевского острова уже началось строительство нового специального помещения для коллекций. Стрелка Васильевского острова не стала столичным центром, но размещение на ней Кунсткамеры привело с течением времени к формированию здесь крупнейшего научного и учебного центра Петербурга и всей страны.

В 1724 г., когда была основана Петербургская Академия наук, Кунсткамера вошла в ее состав как первое и единственное научное учреждение. В 1728 г. все ее коллекции (а они были весьма многочисленными по тем временам, учитывая специальные сборы первых академических экспедиций, а также личные пожертвования вельмож и ученых) переместились в новое здание. Особенно богатой была тогда этнографическая коллекция, поступившая в 1730-х годах от Второй Камчатской экспедиции.

Первый русский музей был еще очень молод, когда в зиму 1739—1740 гг. Бирону — фавориту вздорной и жестокой императрицы Анны Иоанновны — пришло в голову устроить «потешную свадьбу» придворного шута князя М. А. Голицына с шутихой А. Н. Бужениновой и «шестие народов», населяющих Россию. На Неве соорудили Ледяной дворец, а музею предписали выдать для ряжения придворных бесценные коллекции одежды разных российских народов. Так Кунсткамере «высочайшей рукой» был нанесен огромный урон. Позже, в 1747 г. сильный пожар уничтожил многие коллекции и разрушил верхнюю башню. (Башня была восстановлена только в 1948 г.)

Благодаря стараниям Академии наук, снарядившей специальные экспедиции по России и в сопредельные страны (в частности, в Китай) для сбора коллекций по культуре и быту разных народов, к концу 1770-х годов удалось восполнить коллекции и существенно увеличить экспозицию музея. Музей прочно занял место первого академического и просветительского учреждения России, в стенах которого были представлены следующие науки: физика и минералогия, анатомия и этнография, зоология и ботаника, механика и химия, астрономия и геология. В помещении и мастерских Кунсткамеры в том же XVIII в. трудились М. В. Ломоносов, Г. В. Рихман, А. К. Нартов, Л. Эйлер и другие гении русской науки и техники.

Пережив «потешную свадьбу», пожар и длительный ремонт после него, музей был готов служить науке, однако управитель

Академической канцелярии и надсмотритель Кунсткамеры И. Тауберт не спешили восстанавливать экспозиции и разбирать фонды для работы с ними. В 1767 г. великий ботаник С. Г. Гмелин писал, обращаясь к президенту Академии наук: «Весьма сожалею, что такой кабинет, который, может быть, больше значит, чем все знатные вещи на свете, поныне от неразумного смотрения в такое худое состояние пришел, что едва оный исправить возможно будет»².

Рапорт Гмелина возымел действие. 9 августа 1767 г. учреждаются должности музейных хранителей, и хранителями четырех разных по тематике разделов Кунсткамеры назначаются выдающиеся ученые того времени: П. С. Паллас, К. Ф. Вольф, С. Г. Гмелин и О. Петров. За исключением О. Петрова, проработавшего в музее недолго, остальные стали действительными членами Академии и внесли значительный вклад в науку. Их стараниями отправляемые с 1768 г. Академией физико-топографические экспедиции собирали коллекционный материал для академического музея.

Вскоре вслед за назначением новых хранителей произошло назначение и нового надсмотрителя Кунсткамеры — академика Семена Кирилловича Котельникова. С. К. Котельников управлял Кунсткамерой с 1771 по 1797 г. и превратил ее в богатейшее собрание вещественных предметов природы и человека, в музей, доступный и для широкой публики. Слава о Петербургской Кунсткамере далеко перешагнула границы России, и многие из россиян и иностранцев считали за честь способствовать пополнению ее коллекций. Котельников успел сделать очень много для руководимого им музея, а значит, и для Академии.

Вместе с тем нельзя забывать, что и Кунсткамера и Академия, будучи императорскими, во многом полагались на высочайшую милость, а ожидать ее приходилось годами. Следует помнить также, что неудержимое развитие русской науки происходило в крепостнической стране. Достижения ученых, открытия путешественников не становились широким достоянием. Просветительская роль академического музея все чаще предавалась забвению, кроме того, даже издавались монаршие распоряжения о недопуске в ее залы «ливрейных слуг и черни».

Смерть С. К. Котельникова в 1797 г., уход выдающейся деятельницы русской культуры Е. Р. Дашковой с поста президента-директора Академии усугубили беды, переживаемые музеем: при изобилии коллекций отсутствовали фонды для их размещения и помещения для изучения. Три года Кунсткамера была без надсмотрителя, пока новому академическому начальству не пришла в голову мысль пригласить на этот пост академика Николая Яковлевича Озерецковского, лестную характеристику которому давала еще Е. Р. Дашкова, поддерживая перед

² Архив АН СССР. Ф. 3. № 309. Л. 244 и об.

двором его экспедиционные работы на севере России. Вообще с именем Е. Р. Дашковой — одной из образованнейших женщин екатерининской эпохи, независимой в своих политических суждениях, — в истории Кунсткамеры была связана замечательная страница — изъятие у вельмож костюмов, фактически присвоенных ими после «потешной свадьбы».

В трудные дни пришел к руководству Кунсткамерой Озерецковский, возглавлявший ее более четверти века. Музей стал большим и разнообразным собранием, прежние хранители-академики умерли, молодежь им на смену никто не готовил. Созданный при Академии университет фактически прекратил существование и возродился только в 1819 г. На аудиенции 1801 г. у Александра I по случаю его восшествия на престол новый надсмотритель даже преподнес рапорт о нуждах Кунсткамеры, ответа на который так и не последовало за все 26 лет его службы. Не дождавшийся монаршего внимания, Озерецковский делал все возможное, чтобы получить постоянную поддержку от разных кругов просвещенной России. По его настоянию великие мореплаватели в кругосветных плаваниях собирали коллекции для академического музея, по его просьбе дипломатические и торговые миссии присылали дары от народов других стран. Благодаря его настойчивости Академия издала некоторые свои труды на русском языке, в том числе Каталог-путеводитель по Кунсткамере Осипа Петровича Беляева, что способствовало широкому знакомству русской общественности с делами Академии и ее главного учреждения.

Однако Н. Я. Озерецковскому становилось все труднее руководить Кунсткамерой как единым научным учреждением, и в 1804 г. он выделяет из нее собрание минералов в особый Минералогический кабинет и передает правление им своему другу и соратнику, блистательному минералогу академику Василию Михайловичу Севергину.

В тревожные дни наполеоновского нашествия, когда коллекции готовили к эвакуации в Петрозаводск, Озерецковский окончательно понял, что прежняя Кунсткамера как комплексное собрание научных материалов себя изжила. Естественный процесс дифференциации наук требовал обособления внутри единого музея самостоятельных отделов и кабинетов.

11 ноября 1818 г. Озерецковский поручает академику Х. Д. Френу возглавить Восточный кабинет — собрание восточных монет, рукописей и книг. Кабинет сразу же стали называть Азиатским музеем. В 1824 г. богатейшие коллекции и книги по ботанике объединяются в Ботанический отдел, заведовал которым академик К. А. Триниус. 10 ноября 1825 г. учреждается Египетский кабинет, или Египетский музей, сосредоточивший уникальные предметы из Египта, включая мумии. Главой Египетского кабинета стал академик Ф. Б. Грефе. Таким образом, разделение Кунсткамеры началось еще при жизни Н. Я. Озерец-

ковского и по его настоянию. Судьба уготовила Озерецковскому честь быть последним надсмотрителем Кунсткамеры; умер он в 1827 г.

В 1830 г. Академия обратилась к царю с просьбой о выделении дополнительных средств и помещений для возникших новых учреждений внутри прежнего музея. Однако Николай I решил сократить штат и отменить назначение академиков смотрителями-руководителями отделов. На содержание Музея царь отпустил такую мизерную сумму, которая превращала центр и гордость русской науки в склад диковинных предметов, недоступных для обозрения и изучения.

Академия не смирилась с царским решением и для огласки в высших кругах России размножила в 50 экземплярах прошение на высочайшее имя о создании на основе Кунсткамеры новых учреждений, а также о выделении новых штатов и ассигнований. Два года продолжались переписка и переговоры с правительством. Это событие стало достоянием не только всей Академии, но и широкой общественности. Однако еще пять лет, с 1831 по 1836 г., решалась судьба Кунсткамеры и ее будущее, родившееся в недрах научных отделов. Усилиями академиков были достигнуты реальные результаты. Окончательное разделение, а также выделение из Кунсткамеры семи академических учреждений официально произошло в 1836 г. Именно тогда в «Уставе и штатах императорской Санкт-Петербургской Академии наук» были записаны в качестве самостоятельных музеев: Минералогический, Ботанический, Зоологический-Зоотомический, Азиатский, Нумизматический, Египетский и Этнографический. Особо выделялся мемориальный «Кабинет Петра I». В штатах музеев предусматривались как научные, так и научно-технические сотрудники. Разместившиеся в двух соседних зданиях, все семь новых музеев в 1837 г. открыли свои залы для публики.

Сегодня Минералогический музей 1837 г. — основа современного Минералогического музея АН СССР (Москва). Ботанический музей — важная часть музейных собраний Ботанического института АН СССР. На базе Зоологического-Зоотомического музея возник современный Зоологический институт АН СССР и его музей. После передачи вещевых коллекций Азиатского музея Этнографическому на базе оставшихся рукописей и книжных собраний возник Институт востоковедения АН СССР. Нумизматический музей вошел в состав таких же коллекций Эрмитажа. Так же в Эрмитаж был передан Египетский музей и «Кабинет Петра I» — основа современной Петровской галереи. На базе Этнографического музея возник Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР и Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

Таким образом, почти каждый современный музей и институт АН СССР, связанный историей с музеями 1837 г., выделив-

шимися из Кунсткамеры, справедливо может считать датой своего рождения 1714 г. — год создания их общей колыбели — Кунсткамеры. В 1989 г. Кунсткамере исполнилось 275 лет. Ее возраст стал возрастом всех выросших из ее стен академических музеев СССР и прежде всего Музея антропологии и этнографии как наследника первых вещевых и анатомических коллекций Кунсткамеры и самого ее здания — одного из символов Ленинграда.

Не только ленинградцы, но и многочисленные гости Ленинграда называют Музей антропологии и этнографии «Кунсткамерой». И это не случайно. Начало коллекциям музея положила Кунсткамера, здание музея — здание Кунсткамеры, наконец, задачи музея — просвещать и воспитывать своих посетителей — совпадают с основными задачами, стоявшими перед Кунсткамерой. И все же Музей антропологии и этнографии — только одна из частей бывшего единого научного центра XVIII—XIX вв., отличающаяся от своей прародительницы и задачами, и количеством посетителей, и пропагандой знаний о культуре и быте народов всех населенных континентов Земли.

У нынешнего Музея антропологии и этнографии — особая история. Первым директором вновь образованного Этнографического музея в 1844 г. был назначен известный в то время лингвист и этнограф академик А. М. Шегрен. До этого попечение о музее взял на себя академик Ф. Ф. Брандт — директор Зоологического музея. А. М. Шегрену пришлось нелегко. Этнографические коллекции из самой Кунсткамеры переместились в другие академические здания, построенные в Таможенном переулке и Биржевом проезде (рядом с Кунсткамерой). Для многочисленных этнографических коллекций помещение было слишком мало. Жизнь же настоятельно побуждала дальнейшее развитие формирующегося российского центра этнографической науки.

Незадолго до этого, в 1842 г., глава Анатомического кабинета, знаменитый ученый, академик К. М. Бэр преобразовал его в Музей соматической антропологии и доисторической археологии. В Академии наук России возникло еще одно учреждение, занимающееся изучением самого человека, этапами его развития и ранней трудовой деятельности. Ценнейшие археологические находки — орудия труда, изделия, отражающие материальную и духовную культуру предков современного человека, предметы, свидетельствующие о высоком художественном вкусе древних (изящные золотые, серебряные, каменные и бронзовые скульптуры, многофигурные композиции, статуэтки, амулеты и украшения) — были собраны в отделе доисторической археологии музея К. М. Бэра. Данный отдел вместе с Этнографическим музеем демонстрировали связь культур древних и современных народов.

Когда в 1860 г. руководителем Этнографического музея стал академик А. А. Шифнер, возникла идея объединения

двух музеев. И в этом же году К. М. Бэр и А. А. Шифнер принимают активные меры к созданию единого академического центра — Музея «трех областей науки». Однако только в 1878 г. оба музея слились в один, и по предложению видного этнографа, исследователя народов Амура и Дальнего Востока, академика Л. И. Шренка, возникший музей получил название «Музей по Антропологии и Этнографии преимущественно народов России». Такое название было не вполне удачным, ибо изначальные петровские этнографические коллекции содержали не только предметы культуры и быта народов России, но и зарубежных стран. Причем последние коллекции к 1880-м годам составляли весьма значительную часть. И в этом не было ничего удивительного: если XVIII век отличался академическими экспедициями по просторам России, которые планомерно собирали этнографические коллекции для Кунсткамеры, то век XIX — русскими кругосветными путешествиями и экспедициями в Русскую Америку, Океанию, Африку, Южную Америку.

Новый Музей был официально создан в 1878 г. Только через десять лет ему наконец-то выделили второй этаж той пристройки к зданию Кунсткамеры на Таможенном переулке, первый этаж которого он занимал последние годы, но где было тесно и сотрудникам, и коллекциям. Коллекции годами лежали нераспакованными в ящиках, среди них находились бесценные, уникальные экспонаты, привезенные со всех населенных континентов. Лишь небольшая часть редких собраний предметов культуры и быта «в 1891 г. трудами его единственного хранителя Ф. К. Русова впервые»³ была выставлена и открыта для публики.

В 1893 г. на пост директора музея пришел великий востоковед и выдающийся организатор науки академик Василий Засильевич Радлов. К этому времени уже существовали этнографические отделения при Русском Географическом обществе в Петербурге и в его местных отделах, этнография вошла в географические и востоковедные дисциплины, изучаемые на факультетах университетов Москвы, Петербурга, Казани, Томска. В Москве действовал Дашковский этнографический музей, где находились коллекции в основном по русской культуре. В середине 90-х годов XIX в. был открыт Этнографический отдел Русского музея — будущий Государственный музей этнографии народов СССР. Иными словами, Музей по антропологии и этнографии не был единственным центром по этнографии в стране, но он оставался *единственным академическим*, а значит, и центральным, учреждением российской этнографии.

Наследство, доставшееся В. В. Радлову, было безусловно богатейшим, а возможности распоряжаться им для науки и просвещения — мизерными. В Музее отсутствовал штат кон-

³ Петри Е. Л. Федор Карлович Руссов // МАЭ. СПб., 1911. Т. I. Вып. 10. С. 5.

серваторов, не существовало бюджета для планомерного сбора этнографических коллекций, не было нормальных выставочных помещений. Тем не менее, В. В. Радлов, неизменно пользовавшийся поддержкой передовой русской общественности (а его деятельность на посту директора охватывала время революционного пробуждения России), сумел сделать многое. Он возглавлял главное научное этнографическое учреждение России четверть века — до дня смерти 12 мая 1918 г.

Один из видных деятелей русской, а затем и советской этнографии Л. Я. Штернберг в 1912 г., оценивая труд В. В. Радлова, писал: «Музею удалось за истекшие 17 лет расширить свое помещение вчетверо, увеличить свои коллекции почти в двадцать раз и выступить на широкий путь научного института этнографии. В декабре 1902 г., к двухсотлетней годовщине Петербурга, музей получил нынешнее свое наименование — „Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого“. Этим названием, в котором выключены шренковские слова „примущественно России“, определяется настоящий общеетнографический характер деятельности музея... Музей является музеем *общей* этнографии — имеет своим предметом культуру *всего* человечества... Территория научного ведения музея — вся ойкумена человека, живой объект изучения — все народы Земли»¹.

В 1914 г. В. В. Радлов добился того, чтобы из здания Кунсткамеры постепенно была выведена библиотека Академии наук, а само здание отдано Музею антропологии и этнографии, он же сумел получить средства для строительства третьего этажа над пристройкой к Кунсткамере. Окончательно возвращение музея в здание Кунсткамеры произошло в первое пятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции. Так музей стал наследником не только всех этнографических коллекций Кунсткамеры, но и ее здания вместе с пристройкой.

С победой Великого Октября сотрудники музея активно включились в огромную работу по решению национального вопроса в СССР, по культурному подъему и возрождению национальных окраин бывшей царской России. Советские этнографы — сотрудники музея — выезжая в отдаленные кочевья, создавая школы, письменность, способствовали рождению национальной литературы, национальной культуры. Сразу после Октября залы музея наполнили новые посетители. С этого времени и до начала второй мировой войны музей посещало в год 30—45 тыс. человек.

Закономерно, что именно на базе музея в Ленинграде в 1933 г. был создан Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР — признанный мировой центр отечественной этно-

¹ Штернберг Л. Я. Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Живое слово. СПб., 1911. Т. XX. С. 454.

графии и антропологии. Вскоре из его названия было изъято слово «антропология». Антропологические же исследования велись в Институте этнографии, который после второй мировой войны в память об особых заслугах великого русского ученого-гуманиста Николая Николаевича Миклухо-Маклая был назван его именем.

С созданием Московской части Института этнографии АН СССР, которая с 1950 г. становится головной, Ленинградская часть, сохраняющая исторический приоритет в изучении сибирских, востоковедческих, кавказоведческих проблем, обладает и несомненным преимуществом — важнейшей научной базой этнографии — Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого. Музей этот — неразрывное целое Ленинградской части Института, ведущего хранительскую, музееведческую и просветительскую работу.

Тяжелое испытание вынес музей и его сотрудники в годы второй мировой войны. В блокадном, осажденном Ленинграде, рассредоточив самые важные коллекции по разным районам города, ученые музея и института под бомбами и снарядами продолжали научно-исследовательскую работу. Изнуренные голодом и холодом, сотрудники, живущие в самом здании Кунсткамеры, постоянно следили за сохранностью доверенных им коллекций. Коллекции музея были спасены ценою жизни тридцати трех человек.

В хранилищах Музея антропологии и этнографии сосредоточен в предметах материальной и духовной культуры, в объектах производства и верований, в изделиях народных умельцев и художников огромный мир человеческой культуры тысячи народов Земли. Этнографические предметы, собранные за последние триста лет, хранят память об их создателях. Помимо этнографических коллекций, в которых сегодня насчитывается более 300 тыс. предметов, в Музее антропологии и этнографии собрано 500 тыс. археологических и 180 тыс. антропологических предметов.

Кто же собирал эти бесценные свидетельства человеческой жизни, развития самого человека и его культуры? Начало коллекциям положил Петр I, купив в 1716 г. у аптекаря А. Себы в Голландии уже для Кунсткамеры первую этнографическую коллекцию. За год до этого, в 1715 г. отправленный в Пекин Лоренц Ланг приобрел китайские вещи, ставшие экспонатами музея. Собираателями были также и ученые и путешественники. Коллекции пополнялись и за счет даров императорскому дому, преподносимых соотечественниками или иностранцами. Дары принимала и сама Кунсткамера, а после революции сюда поступили дары народов и стран советскому государству. Кроме этого коллекции пополнялись за счет обмена экспонатами между Музеем антропологии и этнографии и музеями других стран мира.

Остановимся только на самых существенных поступлениях. Особое место в истории собирания коллекций занимает XVIII в., когда в отличие от XIX в. коллекции собирались академическими экспедициями планомерно и целенаправленно. Первым подлинным этнографическим собранием, попавшим в Кунсткамеру, была богатая коллекция по культуре и быту народов Сибири Д. Г. Мессершмидта, поступившая в 1727 г. Вслед за ней экспозиция и запасы музея пополнились за счет вещевого фонда от участников Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. — Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера и др. Именно этим коллекциям и был нанесен самый большой урон пожаром 1747 г. Вспоминая о пожаре, М. В. Ломоносов писал, что мягкая «сибирская рухлядь» и одежда либо сгорели в огне, либо испортились, будучи выброшенными из пылающего здания на снег.

Пожар нанес серьезный ущерб Кунсткамере, но ее коллекции были быстро восстановлены. В 1753 г. в Пекин направилась экспедиция академического врача-лекаря Ф. Л. Елачича с заданием собрать в Сибири и Китае вещи, особенно «какие в бывшей в 1747 году в Кунсткамере пожар згорели и утрачены»⁵. Ф. Л. Елачичу дали, к примеру, подробное описание утраченных 180 китайских предметов с указанием материала, внешнего вида и размеров. Не все вещи были вновь приобретены, но все же из Китая он привез 273 предмета. Подобное задание восстановить ущерб и в целом пополнить коллекции имела Вторая академическая экспедиция в Сибирь (1768—1774 гг.), в которой работали П. С. Паллас, С. Г. Гмелин, И. И. Георги.

В 1780 г. в Кунсткамеру поступила коллекция Джеймса Кука из Океании, которая существенно пополнила Океанический отдел. Американские фонды музея начали создаваться в конце XVIII и в начале уже XIX в. благодаря великим кругосветным экспедициям и деятелям Российско-Американской кампании. В 1794 г. в Кунсткамеру поступает азиатско-американская личная коллекция Екатерины II, полученная ею от морской экспедиции И. Биллингса и Г. А. Сарычева. С той поры русские мореплаватели считали долгом чести сделать подношение Кунсткамере или выполнить ее просьбу о сборе коллекций.

В 1803 г. уходят вокруг света корабли «Надежда» и «Нева» И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского и, согласно полученной инструкции, доставляют в Кунсткамеру предметы быта и одежды европейских, азиатских и американских народов. Ими были впервые привезены деревянные алеутские шляпы и деревянные боевые шлемы тлинкитов, образцы эскимосской одежды. Все экспонаты были зафиксированы в специальном каталоге, составленном по строгим музейным правилам. В 1817—1819 гг.

⁵ Ленинградское отделение архива АН СССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 808 а.

совершает свое плавание на шлюпе «Камчатка» В. М. Головин, и вновь Кунсткамера получает щедрый дар из предметов культуры и быта индейцев обеих Америк. В 1819 г. покидает родные берега знаменитая Антарктическая экспедиция Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, и в 1828 г. в Кунсткамеру поступают богатейшие собрания этой экспедиции, привезенные с далеких островов Тихого и Индийского океанов и из Австралии. В 1826—1829 гг. музей пополнился предметами океанических и американских народов, подаренными экспедицией Ф. П. Литке, путешествовавшим на шлюпе «Сенявин».

Накануне разделения Кунсткамеры на профильные музеи, точнее в 1833 г., из императорской канцелярии поступила удивительная и уникальная коллекция, привезенная из Китая полковником Генерального штаба Михаилом Васильевичем Ладыженским. Коллекцию Ладыженский собирал лично, находясь в 1830—1831 гг. в Пекине на службе при дипломатической и духовной миссиях. Его богатый дар состоял из тысячи с лишним экспонатов, включавших одежду, предметы быта, ткани, изделия прикладного искусства, культовые изделия. Среди уникальных предметов, равных которым нет в музеях мира, — полный комплект парадного костюма китайского генерала — принца крови, который надевался им один раз в период царствования императора во время большого парада всей гвардии, проходившего в присутствии монарха. Коллекция М. В. Ладыженского существенно обогатила китайский отдел музея.

В 1836 г. происходил разбор коллекций Кунсткамеры для новых музеев и распределения между ними. Тогда же стало ясно, что большая часть поступлений от неакадемических экспедиций, хотя и обильна, но беспорядочна и не полна. Особенно это касалось этнографических, зоологических и ботанических собраний из Америки, поступивших в основном из кругосветных путешествий и от Российско-Американской кампании. Так, практически отсутствовали предметы культуры и быта индейцев Калифорнии, Северо-Запада Америки. Чувствовалась необходимость собственной академической экспедиции, тем более, что ее организация могла быть поддержана Российско-Американской кампанией.

Инициаторами подобной экспедиции являлись академик Ф. Ф. Брандт, фактический директор в 1839 г. двух музеев — Зоологического и Этнографического, и хранитель последнего академик Е. И. Шредер. В июле 1839 г. Российско-Американская кампания согласилась материально поддержать планируемую экспедицию. Нужно было найти человека, который возьмется выполнить задание трех музеев бывшей Кунсткамеры — Зоологического, Ботанического и Этнографического. Таким человеком стал Илья Гаврилович Вознесенский, самостоятельно постигший грамоту, тайны изготовления зоологических препаратов и гербариев. Десять лет провел И. Г. Вознесенский

в Русской Америке, собрал и доставил в музеи Академии большое количество экспонатов (в Зоологический — 6 тыс., в Ботанический — более 7 тыс., в Минералогический — почти тысячу, в Этнографический — свыше тысячи). Все коллекции были превосходно препарированы, законсервированы и упакованы — они и сегодня считаются лучшим собранием музеев.

В 1851 г. Академия писала на высочайшее имя: «Много-трудное поручение последней экспедиции исполнил Вознесенский с самоотверженностью и совершенным успехом. Ученые плоды этой замечательной экспедиции богатством, разнообразием и важностью превзошли все ожидания Академии...». Академия просила власти отметить работу Вознесенского, однако ему «ни происхождение, ни воспитание не давали права занять классной должности...»⁶. Почти всю жизнь Вознесенский находился на иждивении Академии, лишенный права на официальное жалованье, и получил его лишь перед смертью (И. Г. Вознесенский скончался в мае 1871 г.). Для истории Кунсткамеры и ее музеев сделанное И. Г. Вознесенским значительно превышает даже то, что было сделано до и после него такими всемирно известными учеными, как П. С. Паллас и С. П. Крашенинников, Н. Н. Миклухо-Маклай и П. К. Козлов.

Экспедиция И. Г. Вознесенского была не единственным предприятием Академии середины XIX в.: по ее заданию совершают поездки и собирают коллекции академик Л. И. Шренк на Амуре, профессор М.-А. Кастрен в Западной Сибири, Г. И. Лангсдорф в Южной Америке. Вместе с тем следует отдать должное и самостоятельным сборам двух выдающихся ученых — путешественников и этнографов XIX в. — Василия Васильевича Юнкера и Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Первый в 1876—1878 гг. и 1879—1886 гг. совершил два путешествия в Центральную Африку и в 1879 г. подарил Академии наук собрание предметов материальной культуры африканцев, являющееся самым ценным среди африканских коллекций. Второй осуществил поездку на острова Тихого океана, долго жил на Новой Гвинее и в Австралии и подарил музею в 1886 г. обширную коллекцию по культуре и быту папуасов и других народов, в частности рапануйцев — жителей острова Пасхи и аборигенов Австралии. Коллекция В. В. Юнкера насчитывала почти 2 тыс. предметов, Н. Н. Миклухо-Маклая — около 1 тыс.

Даже при поступлении столь богатых собраний в 1890 г. музей имел 23 829 этнографических коллекционных единиц, а в 1914 г. их было уже 130 700. Такое резкое увеличение произошло за счет планомерного сбора, проводимого музеем по России, Зарубежной Азии, Африке и Америке, а также покупки коллекций у русских и зарубежных собирателей. Крупнейшими дореволюционными поступлениями в Музей

⁶ Гильзен К. К. Илья Гаврилович Вознесенский. СПб., 1915. С. 8.

антропологии и этнографии в начале XX в. стали коллекции, собранные В. М. Алексеевым в Китае, А. Фричем в Южной Америке, А. И. Ивановым и П. К. Козловым в Китае, В. И. Анучиным в Западной Сибири, Г. Ф. и Л. А. Мервартами в Индии и др.

После революции в фонды Музея антропологии и этнографии поступило много частных собраний, а также коллекции музейного фонда СССР. Начинается более активное пополнение новыми экспонатами за счет обмена с зарубежными музеями. Подобная практика возобновилась в 1950-е гг. и существует по сей день. Весьма активно обмен осуществляется с музеями Японии. Крупным поступлением от советского дипломата П. В. Комина стал в 1963 г. дар предметов культуры и быта папуасов Западного Ириана. Таким образом, за годы советской власти этнографический фонд музея более чем удвоился, и сегодня по богатствам собраний, особенно неевропейских народов, он занимает первое место в мире.

Вводный отдел Музея состоит из двух подразделов, один из них дает обзор истории возникновения Кунсткамеры и ее развития, второй — происхождения человека и формирования человеческого общества. По истории Кунсткамеры ценнейшими художественными экспонатами являются: само здание Кунсткамеры, ее интерьер, а также некоторые первые собрания изделий прикладного искусства и народного творчества. Начало человеческой истории олицетворяют экспонаты из палеолитических стоянок СССР: женские статуэтки «палеолитических Венер» и другие произведения искусства древнекаменного и новокаменного века, ювелирное мастерство скифов и, конечно, реконструкции по черепу образов наших далеких предков скульптора-антрополога М. М. Герасимова. В музее представлены также предметы, отражающие культуру и быт коренного населения всех обитаемых континентов Земли. По традиции экспозиция начинается с Австралии и Океании. Далее экспонаты рассказывают о культуре и быте народов Америки, Африки, Зарубежной Азии.

В каждом музейном отделе есть уникальные и неповторимые произведения, которые составляют гордость русской и советской этнографии. В отделе Австралии и Океании, помимо прекрасно выполненных резьбой по дереву фигурок предков из папуасского собрания Н. Н. Миклухо-Маклая, представлены тонкие изящные накидки и плащи гавайцев из птичьих перьев, а также вещи, принадлежавшие Камеамеа I и подаренные им Джеймсу Куку. В отделе Америки — исполненные высокого мастерства и отмеченные художественным дарованием шлемы тлинкитов и шляпы алеутов из коллекции И. Г. Вознесенского, а также копия ацтекского Камня Солнца — дар мексиканских ученых героическому Ленинграду, выстоявшему блокаду и победившему. Обширна коллекция Африканского отдела, и здесь

есть особо редкие экспонаты: бронза Бенина — столицы государства Эдо, сожженной английскими колонизаторами в 1897 г., металлическое оружие и изделия из слоновой кости жителей Тропической и Южной Африки.

В отделе Зарубежной Азии экспонируются изделия прикладного и декоративного искусства. Здесь миниатюрные нэцке японцев и мелкая пластика из камня, бронзы, дерева и слоновой кости индийцев и китайцев, китайский лубок и вышивка народов Вьетнама, театральные маски и фигурки кукольного театра японцев и индонезийцев, фарфор и селадон Китая, Японии, Кореи. Особо выделяются предметы изящного искусства и декоративного творчества из китайского собрания М. В. Ладыженского, а также портик дворца в Насике и модели индуистских храмов из дерева шоло индийской коллекции М. С. Андреева — выдающегося русского ученого-этнографа.

Каждый из указанных отделов музея хранит большое количество предметов, являющихся научно-исследовательской базой этнографов мира и основой экспозиций, представляющих посетителям жизнь и быт народов Земли. В экспозиции представлен мир зарубежных стран, а в фондах — ценнейшие собрания предметов культуры и быта по народам СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение в этнографию представляет собой попытку привлечь внимание широкой вузовской общественности к необходимости изучать культуру и быт, историю происхождения народов, далеких и близких, в особенности — объединившихся в едином государстве. Оставив в стороне малорезультативную проблему как называть саму науку о народах — этнографией или этнологией, следует признать ее и теоретическую и практическую значимость в многонациональной стране, когда незнание сути народной традиции, обычая, хозяйственного уклада может спровоцировать межнациональное отчуждение и даже противостояние. Совершенно очевидно, что такое знание, которое само по себе способно породить чувства сопереживания, соучастия и жизни соседей, не может прийти само, а должно быть получено так в семье, так и в системе образования. Пока же, довольно часто, наши знания о соседях носят «обывательский характер», и даже нередко уничижительный. Мы живем еще в условиях, рожденных нами самими или усвоенными от прошлого стереотипами представлений. Так, удобная для административных целей система оседлости, даже у народов, ведущих хозяйственно-кочевой образ жизни, стала эталоном культурного развития и активно внедрялась в жизнь десятилетиями. «Борьба за оседлость» не могла не привести к падению традиционного хозяйства (например, кочевого оленеводства), к «освобождению» от полезного труда женщин, а это послужило причиной крупных социальных потрясений у большого числа народов Севера и Сибири. Такой же социальной трагедией обернулось для СССР и особенно России предпочтение индустрии перед сельским хозяйством, результатом чего стали экологические невзгоды и прямое обезлюждение обширных прежде аграрных земель.

Только через знания, желание узнать больше о всех народах, живущих в мире, и особенно в СССР, можно рассчитывать

на установление подлинной дружбы народов и взаимообогащение каждого достижениями другого и других. Только через знания можно прийти к пониманию сути самих национальных проблем, стоящих перед современным миром, перед СССР.

Следует давно понять, что межнациональные проблемы, национальные вопросы в настоящее время не решаются сами по себе. «Истматовские кадры», утверждающие и сегодня: национального вопроса в СССР нет, дискредитировали себя. В плену прежних теоретических схем находится (судя по «круглым столам» и публикациям) и основной отряд обществоведов. Даже в органах облисполкомов и обкомов по национальным проблемам, уже созданных в большинстве союзных республик, практически нет лиц, профессионально занимающихся изучением национальных культур и традиций. Отсутствие компетентных и профессионально подготовленных лиц, руководящих национальной политикой в стране, может привести к неверным решениям, последствия которых в одночасье не исправишь.

Пока не написаны истории народов, достойные их, необходим историко-культурный, национальный всеобуч. Школа и даже вуз такого всеобуча не дают. В то же время каждый рабочий коллектив, каждое воинское подразделение и т. д. все более и более интернационализируются.

Однако в стране есть профессионалы в области межнациональных отношений — это этнографы. В начале 20-х годов именно они активно проводили ленинскую национальную политику на местах, используя не только достижения этнографической науки, но и широкие полномочия, предоставленные им советским правительством. Сегодня же, в отличие от развитых стран мира, в нашей стране этнографам отводится в решении этих вопросов второстепенная, вспомогательная роль.

Стране необходима настоящая, серьезная этнографическая служба. Она должна быть государственной, без ее экспертной оценки ни одно ведомство не должно принимать решений, затрагивающих интересы народов, их суверенитет, хозяйство, их территорию.

Еще в 1969 г. предлагалось (по этому вопросу кафедра этнографии и антропологии Ленгосуниверситета направляла специальную служебную записку в адрес Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина), готовить соответствующие кадры на первоначальном уровне на кафедрах этнографии университетов Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Еревана, Алма-Аты, Омска, Киева, Казани и на высшем уровне — через стажировку и аспирантуру на тех же кафедрах и в институтах этнографии АН СССР и союзных республик. Обращение к опыту и знаниям советских этнографов поможет в деле решения острых национальных вопросов в СССР. Этой цели в какой-то мере служит данное учебное пособие, способное хотя бы возбудить интерес к самому предмету — народам, их истории и культуре.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К. Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество» // Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. М., 1941. С. 1—192.
- Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Вестник древней истории. 1940. № 1. С. 8—26.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 23—178.
- Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113—150.
- Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 106—110.
- Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 64—84.
- Алексеев В. П. Этногенез. М., 173 с.
- Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989. 247 с.
- Атлас народов мира / Под ред. С. И. Брука, В. С. Апенченко. М., 1964. 184 с.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. 411 с.
- Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. 390 с.
- Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. 283 с.
- Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. 829 с.
- Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1967. 118 с.
- Итс Р. Ф. Века и поколения: Этнографические этюды. Л., 1986. 238 с.
- Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. 169 с.
- Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. 303 с.
- Морган Л. Г. Древнее общество. Л. 1934. 350 с.
- Народы мира: Историко-этнографический справочник / Под ред. Ю. В. Бромлея. М., 1988. 602 с.
- Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура / Отв. ред. С. А. Арутюнов. М., 1989. 224 с.
- Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура / Отв. ред. А. И. Першин, Д. Трайде. М., 1986. 239 с.
- Свод этнографических понятий и терминов: Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / Отв. ред. М. В. Крюков, И. Зельнов. М., 1988. 223 с.
- Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978. 286 с.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1985. 271 с.
- Этнография / Под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. М., 1982. 321 с.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Этнография и ее место в системе общественных наук	5
Определение науки (5). Объект исследования. Методология (8). Общенаучное и социальное значение этнографии (10). Основные составные этнографического исследования (13). Этноэкология на примере природопользования северных народов (15)	
Глава II. Этнографические учреждения и издания	21
Типы учреждений в СССР и за рубежом (21). Академические центры (23). Вузовские центры (25). Место этнографии в системе университетского образования (31). Музейные центры (36). Журнальные центры и общества (42). Основные периодические издания и типы монографий (46).	
Глава III. Понятийный аппарат этнографической науки	53
Общенаучные термины (54). Термины из области социальной жизни (63). Термины из области семейно-брачных отношений (71). Основные термины из области материальной культуры (75). Основные термины из области духовной культуры (78).	
Глава VI. Этнографический источник и классификация этносов	85
Этнографические источники (85). Связь этнографии с гуманитарными и естественными науками (87). Классификация в этнографии (89). Систематизация в языкознании и лингвистическая классификация народов мира (93).	
Глава V. Хозяйственно-культурные типы народов мира	97
Выделение хозяйственно-культурных типов (98). Локальные группы первого хозяйственно-культурного типа (101). Локальные варианты второго хозяйственно-культурного типа (107). Пашенные земледельцы — третий хозяйственно-культурный тип, их локальные варианты (112).	
Глава VI. Этногенетические исследования (о значении различных источников в рамках комплексного подхода)	114
Глава VII. Отечественная и зарубежная этнография (основные школы и направления)	131
Эволюционная школа (132). Антиэволюционисты в Западной Европе и США: культурно-историческая, социологическая и историческая школы (136). Функциональная школа (138). Психологическая школа, психорасизм в этнографии США (141). Культурный релятивизм и теория ценностей в американской этнографии (142). Современные тенденции в теории зарубежной этнографии — неоэволюционизм (морганизм) и структурализм (144). Отечественная этнография (советская школа в этнографии) (146).	
Глава VIII. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР	151
Заключение	166
Библиография	168